

Р. Дж. Паласио Чудо

Расселу, Калербу и Джозефу
Ученые люди из дальних стран
Над моей кроватью
Стоят, глубоко
Задумавшись над загадкой.
Наверное, я одно из чудес —
Божье творенье.
Им остается только гадать:
Нет объяснения.

Натали Мёрчант «Чудо» (Wonder)

Часть первая Август

Тихо смеясь, склонилась
Судьба над моей колыбелью...

Натали Мёрчант «Чудо» (Wonder)

Обыкновенный

Я не такой, как все, я это знаю. То есть, конечно, я делаю самые обыкновенные вещи. Ем мороженое. Катаюсь на велосипеде. Гоняю мяч. Играю на Xbox. Как любой десятилетний ребенок. Я и чувствую себя самым что ни на есть обыкновенным. Внутри. Но при виде обыкновенных детей другие обыкновенные дети не разбегаются с воплями. На обыкновенных детей не глазают везде и всюду.

Если бы я нашел волшебную палочку и мог загадать одно желание, я бы попросил нормальное лицо, на которое никто не обращает никакого внимания. Я хотел бы ходить по улицам и чтобы люди, увидев меня, не отводили взгляд. Вот что я думаю: я необычный только потому, что все вокруг считают меня необычным.

Но сейчас я вроде привык к тому, как выгляжу. И научился прикидываться, будто не замечаю, как меняются лица встречающих. Мы все отлично умеем притворяться: я, мама с папой, Вия. Хотя нет, Вия притворяется так себе. Когда люди ведут себя грубо, она может не на шутку разозлиться. Взять, например, такой случай. Однажды мы гуляли на площадке и дети постарше стали меня дразнить. Даже не знаю, как именно, — сам я не разобрал, но Вия все слышала и на этих детей накричала. Вот она какая. А я другой.

Вия не считает меня обыкновенным. Она, правда, говорит, что считает, но тогда она бы не оберегала меня от всех и каждого. И мама с папой тоже — я для них *необыкновенный*. Думаю, единственный человек в мире, который понимает, насколько я обыкновенный, — это я сам.

Кстати, меня зовут Август. Как я выгляжу, описывать не буду. В любом случае все хуже, чем вы думаете.

Почему я не ходил в школу

На следующей неделе я пойду в пятый класс. Раньше я никогда не учился в настоящей школе и теперь трушу до дрожи в коленках. Многие считают, что я не ходил в школу из-за своего лица, но они заблуждаются. Я не ходил из-за операций. Двадцать семь — вот сколько их у меня. Самые серьезные я перенес, когда мне не было четырех, я их и не помню. С тех пор каждый год мне делают две-три операции (некоторые серьезные, некоторые не очень), а еще я часто болею из-за того, что расту хуже сверстников, и к тому же во мне есть другие медицинские загадки, которых доктора пока не разгадали. Поэтому родители и решили не отдавать меня в школу. Но сейчас я уже окреп. Последняя операция прошла восемь месяцев назад, и мне, если повезет, еще целых два года не потребуется новая.

Я на домашнем обучении, учит меня мама. Раньше она иллюстрировала детские книги. Феечки и русалочки у нее получаются отлично. Но, чего уж там скрывать, рисунки для мальчиков у нее не ахти какие. Однажды она попыталась изобразить для меня Дарта Вейдера, а вышел какой-то робот, похожий на гриб. Хотя я давно не видел, как она рисует. Наверное потому, что она все время занята мной и Вией.

Не то чтобы я всегда хотел учиться в школе. Точнее, я бы хотел, но только если бы был как все. И у меня была бы куча друзей, с которыми я мог бы гулять после уроков, ну и все такое.

Сейчас у меня есть несколько настоящих друзей. Самый лучший — Кристофер, потом Зак и Алекс. Мы знакомы с пеленок. И так как они знают меня всю жизнь, то успели ко мне привыкнуть. Когда мы были маленькие, мы всегда ходили друг к другу в гости, но потом Зак и Алекс пошли в школу. А Кристофер переехал. И теперь получается, что я живу все там же, в Норт-Ривер-Хайтс — это район Нью-Йорка, точнее Верхнего Манхэттена, — а Кристофер в Бриджпорте, штат Коннектикут, и от меня к нему ехать больше часа. Но все равно: Кристофера, хоть он и переехал, я вижу чаще, чем Зака и Алекса. Они завели себе новых друзей. Зато, если мы случайно встречаемся на улице, они мне улыбаются. И всегда здороваются.

Есть у меня и другие друзья, но не такие хорошие, как Кристофер, Зак и Алекс. Скажем, Зак и Алекс всегда приглашали меня на дни рождения, а Джоуэл, Эймонн и Гейб — никогда. Как-то меня позвала Эмма, но я уже тысячу лет ее не видел. И, конечно, я всегда хожу на день рождения к Кристоферу... Хотя, наверное, дни рождения — это не так уж и важно.

Как я на свет появился

Мне нравится, когда мама про это рассказывает. Сама по себе история, может, и не слишком смешная, но мама изображает все так уморительно, что мы с Вией каждый раз лопаемся от смеха.

Ну так вот. Когда я сидел в мамином животе, никто и подумать не мог, что я из него вылезу таким, какой я есть. За четыре года до этого мама родила Вию — «все равно что в парке прогулялась» (так мама говорит), — и не было никаких причин делать специальные анализы. Примерно за два месяца до того, как я родился, доктора заметили, что с моим лицом что-то не так, но они не подозревали, что все настолько плохо. Они сказали маме с папой, что у меня волчья пасть и еще кое-что по мелочи — несколько, мол, «небольших аномалий».

В ту ночь, когда я появился на свет, в родильной палате дежурили две медсестры. Одна — милая и симпатичная. А вторая, как говорит мама, наоборот — вовсе не симпатичная и совсем не милая.

У нее были здоровенные ручищи, и (тут начинается смешное) она все время пукала. Принесет маме колотого льда и пукнет. Измерит давление и пукнет. Из-за этого мама все время вздрагивала, а медсестра даже ни разу не извинилась. Между тем мамин врач в ту ночь не дежурил, а вместо него в палате торчал какой-то чокнутый практикант, которому они с папой дали кличку Дуги — кажется, в честь старого сериала про подростка, работавшего доктором в больнице. Но мама говорит, что хоть все и нервничали, папа веселил ее всю ночь.

Когда я вылез из маминого живота, в палате вдруг наступила тишина. Маме даже не удалось на меня взглянуть, потому что милая медсестра тут же выскочила со мной из палаты. Папа погнался за ней, да так спешил, что выронил видеокамеру, которая раскололась на миллион кусочков. А мама очень расстроилась и попыталась встать, чтобы посмотреть, куда это все понеслись, но пукающая медсестра обхватила ее своими ручищами и водворила на место. Они чуть не подрались, потому что мама билась в истерике, а пукающая медсестра кричала на нее и требовала уgomониться, а потом они вместе начали кричать на доктора. А дальше — угадайте что? Он упал в обморок! Прямо на пол! И когда пукающая медсестра увидела, что он упал, то принялась пинать его ногами, чтобы он пришел в себя, и вопить что есть мочи: «Что же ты за доктор такой? Что ты за доктор? Вставай! Вставай!» А потом ни с того ни с сего испустила самый большой, самый громкий, самый вонючий пук, какой мама слышала в своей жизни. Мама думает, что именно этот пук и привел в себя доктора, и он наконец очнулся. Мама рассказывает эту историю в лицах — и даже издает пукающие звуки, — и это очень, очень, очень смешно!

Мама говорит, что пукающая медсестра оказалась замечательной женщиной. Она не отходила от мамы ни на минуту. Не оставила ее, даже когда вернулся папа и врачи сообщили родителям, как тяжело я болен. Мама в точности помнит, что прошептала ей на ухо медсестра, когда доктор сказал, что я, скорее всего, не доживу до утра: «Всякий, рожденный от Бога, побеждает мир». На следующий день — а я дожил и до него — именно эта медсестра держала мамину руку, когда маме впервые показали меня.

Мама говорит, что к тому времени ей рассказали всю правду обо мне. Она готовилась к нашей встрече. Но, по ее словам, когда она впервые взглянула на мое лицо, она увидела только, какие у меня прекрасные глаза.

Кстати, мама у меня красивая. И папа хоть куда. Вия хорошенькая. На случай, если вам интересно.

У Кристофера

Я жутко огорчился, когда три года назад Кристофер переехал в другой город. Мне тогда было семь лет, и ему тоже. Раньше мы часами играли фигурками из «Звездных войн» и бились на световых мечах. Теперь мне этого не хватает.

Прошлой весной мы были в гостях у Кристофера в Бриджпорте. Мы с ним отправились на кухню, чтобы перекусить, и тут услышали, как в гостиной моя мама говорит Лизе, маме Кристофера, что осенью я иду в школу. Ничего себе, думаю, вот так сюрприз.

— О чем это вы? — спрашиваю.

Я застал маму врасплох. Она, похоже, не собиралась посвящать меня в свои планы.

— Изабель, нужно ему рассказать, — раздался папин голос с другого конца гостиной, где наши папы, мой и Кристофера, о чем-то беседовали.

— Поговорим об этом позже, — ответила мама.

— Нет, хочу сейчас, — упирался я.

И мама сдалась.

— Ави, — начала она, — тебе не кажется, что ты уже готов к школе?

— Не кажется.

— И мне тоже, — поддержал меня папа.

— Вот и все, тема закрыта. — Я пожал плечами и уселся к маме на колени, как маленький.

— Понимаешь, сама я не смогу тебя всему научить, — продолжала мама. — Ты ведь знаешь, как у меня плохо с дробями!

— А что за школа? — Я вот-вот расплачусь.

— Школа Бичера. Совсем рядом с нами.

— Ух ты, это отличная школа, Ави. — Лиза похлопала меня по коленке.

— А почему не та, где учится Вия?

— Очень уж она большая и неудобная, — ответила мама. — Вряд ли тебе там понравится.

— Не хочу, — сказал я. Признаюсь, даже не сказал, а прохныкал.

— Если не хочешь, то и не надо. — Папа подошел к нам и взял меня на руки. Потом сел на диван и усадил к себе на колени. — Заставлять тебя мы не будем.

— Это пойдет ему на пользу, — не отступала мама.

Папа смотрел на меня.

— Но он не хочет. Он не готов.

Мама взглянула на Лизу, и та сжала ее руку.

— Ничего, все уладится.

— Обсудим школу потом, — сказала мама.

Было ясно, что между мамой и папой грядет ссора.

Я болел за папу. Но в чем-то мама была права. И, если честно, она действительно ничего не смыслит в дробях.

Фиолетовое небо

Домой мы возвращались целую вечность. Я заснул на заднем сиденье: как всегда, голову положил Вие на колени, а под ремень безопасности подсунул полотенце, чтобы не напустить на нее слюней. Вия тоже задремала, папа с мамой вели какие-то взрослые разговоры, до которых мне не было дела.

Не знаю, сколько я проспал, но когда проснулся, небо за окном машины было фиолетовое и светила луна. А мы неслись по шоссе в потоке других автомобилей. Потом я услышал, как мама и папа говорят обо мне.

— Мы не можем всю жизнь держать его в теплице, — шептала мама. — И вести себя так, будто однажды он проснется и станет как все. Нейт, это *его* крест, он должен научиться его нести. Нельзя и дальше избегать ситуаций, в которых...

— Отдать его в школу — все равно что отправить агнца на заклание, — начал папа сердито, но запнулся, потому что увидел меня в зеркало заднего вида.

— А что такое «агнец на заклание»? — спросил я.

— Спи, Ави, — ласково сказал папа.

— В школе все будут на меня пальцем показывать! — И я вдруг разревелся.

— Сынок, — мама повернулась ко мне и накрыла мою руку ладонью, — ты знаешь, что силком тебя в школу никто не потащит. Но мы поговорили с директором, рассказали о тебе, и он очень хочет познакомиться с тобой.

— И что ты ему рассказала?

— Какой ты веселый, и добрый, и умный. А когда я упомянула, что ты уже в шесть лет прочел «Повелителя драконов»^[1], он аж присвистнул. «Ничего себе! — говорит, — Я просто обязан с ним познакомиться!»

— А еще что?

Мама улыбнулась. Так, будто обняла.

— Он знает обо всех твоих операциях и о том, какой ты храбрый.

— А о том, как я выгляжу?

— Мы принесли фотографии прошлогодней поездки в Монток: те, на которых мы все вместе, — сказал папа. — И тот классный снимок на лодке, где ты держишь камбалу!

— Что, и ты ходил к директору? — опешил я.

Вот тебе и раз. Папа же вроде на моей стороне!

— Да, мы оба с ним встречались. Он очень приятный человек.

— Тебе он понравится, — добавила мама.

Внезапно я понял, что они заодно.

— Погодите, а когда вы с ним виделись?

— Он показывал нам школу в прошлом году, — ответила мама.

— В прошлом году?! Вы целый год собирались упечь меня в школу — и все это время молчали?

— Ави, мы даже не знали, возьмут тебя или нет. Туда непросто поступить: нужно сдать экзамены и пройти собеседование. К чему дергать тебя попусту?

— Но ты, конечно, прав, — сказал папа. — Мы должны были рассказать сразу, как только тебя приняли. Мы узнали об этом месяц назад.

— Мы совершили ошибку. Теперь-то ясно, — вздохнула мама.

— А та тетечка, которая приходила к нам домой, имеет к школе какое-то отношение? — спросил я. — Та, которая давала мне задания?

Мама выглядела виноватой.

— Вообще-то да. Да.

— Ты говорила, что это тест на ай-кью.

— Знаю, но я хотела как лучше. На самом деле ты сдавал вступительный экзамен. Кстати, ты замечательно с ним справился.

— Ты соврала!

— Получается, что соврала. Прости. — Мама попыталась улыбнуться, но я сделал каменное лицо, и она отвернулась и стала смотреть вперед, на дорогу.

— Так что значит «агнец на заклание»? — повторил я.

Мама выразительно посмотрела на папу.

— Зря я так сказал. — Папа глядел на меня в зеркало заднего вида. — Это совсем не про тебя. Послушай-ка: мы с мамой очень, очень тебя любим и делаем все, чтобы тебя защитить. Просто иногда каждый из нас пытается защитить тебя по своему.

— Не хочу в школу. — Я скрестил руки на груди.

— Это для твоей же пользы, Ави, — сказала мама.

— Может, в следующем году. — Я уставился в окно.

— Лучше в этом. Знаешь почему? Потому что пятый класс — это первый год средней школы для всех. Ты не будешь единственным новичком.

— Я буду единственным, у кого такое лицо.

— Я не говорю, что тебе будет легко, ты и сам это понимаешь. Но тебе там будет лучше, Ави. У тебя появится много друзей. И ты столько всего узнаешь! Не то что со мной. — Она снова повернулась ко мне. — Отгадай, что мы увидели в лаборатории, когда осматривали школу? Крошечного цыпленка, который только что вылупился из яйца. Такой симпатяга! Он мне напомнил тебя, Ави, когда ты был малышом... с большими карими глазами...

Вообще-то мне нравится, когда родители говорят о тех временах, когда я был маленьким. Иногда я хочу свернуться в комочек, и пусть они меня всего обнимают и целуют. Хочу снова быть младенцем и ничего не понимать. Но сейчас я на эти разговоры не клюну.

— Не хочу в школу.

— Давай договоримся, — предложила мама. — Ты же можешь один раз встретиться с мистером Попкинсом, а потом уже решить окончательно?

— Мистером Попкинсом?

— Директором, — уточнила мама.

— Мистер Попкинс?!

— Ага, представляешь? — сказал папа. — Даже не верится, что у людей бывают такие фамилии! То есть, кто вообще согласится называться Попкинсом?

Я улыбнулся, но так, чтобы они не заметили. Папа — единственный на свете человек, который может меня рассмешить, даже когда смеяться совсем не хочется. И не только меня, кого угодно.

— Ави, знаешь, ты должен пойти в эту школу, просто чтобы услышать, как его фамилия звучит из громкоговорителей! — оживился папа. — Прием, прием! Вниманию мистера Попкинса! — Он заговорил искусственным высоким голосом, как пожилая дама. — Здравствуйте, мистер Попкинс! Смотрю, вы сегодня немного ПОДЗАДержались! Попали в ЗАПОР, ой, простите, затор? Присаживайтесь на диван, тут самое МЯГКОЕ МЕСТО!

Я расхохотался. Не то чтобы папа здорово меня развеселил, просто мне уже надоело обижаться.

— Хотя бывает и хуже, — продолжал папа своим обычным голосом. — У нас с мамой в колледже была преподавательница мисс Зад.

Тут прыснула и мама.

— Правда, что ли? — спросил я.

— Розмари Зад, — подтвердила мама, подняв руку, будто в клятве. — Рози Зад.

— И какие у нее были округлости! — воскликнул папа.

— Нейт!

— А что? Я всего лишь имел в виду, что у нее были очень круглые щеки.

Мама одновременно смеялась и укоризненно качала головой.

— О, знаю! — Папа воодушевился еще больше. — Давайте отправим их на свидание! Только представьте! Мисс Зад, познакомьтесь с мистером Попкинсом. Мистер Попкинс, это мисс Зад. Они могли бы пожениться и нарожать уйму маленьких Поп.

— Бедный мистер Попкинс, — сказала мама. — Ави его еще даже не видел, Нейт, а ты...

— Что за мистер Попкинс? — спросила Вия, потягиваясь и зевая.

— Директор моей школы, — ответил я.

Мистер Попкинс

Я бы трусил гораздо больше, если бы знал, что увижу не только мистера Попкинса, но и трех своих одноклассников. Но я не знал и поэтому больше хихикал, чем нервничал. Папины шутки прочно засели у меня в голове, и когда за две недели до занятий мы с мамой приехали в школу Бичера и я увидел мистера Попкинса — он ждал нас у входа, — то тут же начал фыркать от смеха. Хотя он выглядел совсем не так, как я его себе представлял. Наверное, я думал, что у него будет толстенная задница, но она оказалась совершенно нормальная. На самом деле он вообще был нормальный. Высокий и худой. Старый, но не очень. Он мне понравился.

Сначала он пожал руку маме.

— Здравствуйте, мистер Попкинс, — сказала мама. — Это мой сын Август.

Мистер Попкинс посмотрел на меня, улыбнулся и кивнул. И протянул руку.

— Здравствуй, Август, — произнес он как ни в чем не бывало. — Рад с тобой познакомиться.

— Здравствуйте, — промычал я. Руку-то я ему пожал, но уставился на его ноги. На красные кроссовки «Адидас».

— Твои родители много о тебе рассказывали. — Он присел на корточки, и мне пришлось глядеть ему в лицо.

— И что же такое они рассказывали?

— Прости? Я не расслышал.

— Ави, говори четче, — напомнила мне мама.

— Что рассказывали? — я постарался не мямлить. Знаю, за мной водится эта дурная привычка.

— Например, что ты любишь читать, — ответил мистер Попкинс, — и прекрасно рисуешь. — У него были голубые глаза с белыми ресницами. — И увлекаешься естественными науками. Так?

— Угу, — кивнул я.

— У нас есть пара замечательных естественнонаучных курсов по выбору. Думаю, тебе будет интересно.

— Угу. — Я понятия не имел, что такое курсы по выбору.

— Ну что, идем в школу?

— Прямо сейчас — в школу?

— А ты думал, мы в кино собрались? — Он встал, улыбаясь.

— Почему ты меня не предупредила? — повернулся я к маме.

— Ави... — начала она.

— Все будет хорошо, Август, — сказал мистер Попкинс, протягивая мне руку. — Обещаю.

Наверное, он хотел, чтобы я взял его за руку, но я взял не его, а маму. Он снова улыбнулся и направился к входу.

Мама легонько сжала мою ладонь. Не знаю, что она хотела этим сказать: что она меня любит или что просит прощения. Вероятно, и то и другое.

Раньше я бывал только в одной школе — той, где училась Вия. Нас с мамой и папой приглашали туда на концерты и спектакли. Моя школа оказалась совсем другой. Меньше. И пахла больницей.

Миссис Диас

Мы шли за мистером Попкинсом по длинным коридорам. В них почти не было людей. А те, что нам встретились, совсем не обращали на меня внимания. Но, может, они просто меня не видели, я ведь прятался за мамой. Ясное дело, большие дети так себя не ведут — ну и что, мне было не до храбрости.

В конце концов мы свернули в маленькую комнату с табличкой «Директор» на двери. В комнате стоял стол, а за ним сидела какая-то женщина. С виду добрая.

— Это миссис Диас, — сказал мистер Попкинс, и женщина ослепительно заулыбалась, сняла очки на цепочке и встала.

Мама пожала ей руку и сказала:

— Изабель Пулман. Приятно познакомиться.

— А это Август, — сказал мистер Попкинс.

Мама отступила в сторону и пропустила меня вперед. Потом случилось то, что я уже наблюдал миллион раз. Когда я посмотрел на миссис Диас, она отвела взгляд. Всего на мгновение, так что кроме меня никто этого не увидел, тем более что выражение ее лица ни капельки не изменилось. Она по-прежнему сияла улыбкой.

— Очень приятно, Август. — Она протянула мне руку.

— Здравствуйте, — пробормотал я. Смотреть ей в лицо не хотелось, поэтому я уставился на ее очки, висевшие на шее.

— О, какое сильное рукопожатие! — сказала миссис Диас. Ладонь у нее была очень теплая.

— Что верно, то верно. Мертвая хватка! — согласился мистер Попкинс, и все вокруг засмеялись.

— Можешь звать меня миссис Ди. — Скорее всего, миссис Диас говорила это мне, но я в этот момент разглядывал ее стол.

— Так все меня зовут. «Миссис Ди, я забыл код от своего шкафчика». «Миссис Ди, я опоздал, мне нужен пропуск на урок». «Миссис Ди, я хочу сменить курс по выбору».

— Миссис Ди тут всем и заправляет, — заметил мистер Попкинс, и взрослые снова рассмеялись.

— Я здесь каждый день с семи тридцати утра, — продолжала миссис Диас, по-прежнему глядя на меня. Я теперь изучал ее коричневые босоножки с маленькими сиреневыми цветочками на пряжках. — Если тебе что-нибудь понадобится, Август, спрашивай, не стесняйся. Спрашивай о чем угодно.

— Хорошо, — промычал я.

— Ой, какой милый малыш! — Мама показывала на одну из фотографий, приколотых к специальной доске над столом миссис Диас. — Ваш?

— Что вы, это мой внук! — Миссис Диас улыбнулась широко-широко, не ослепительно, а совсем по-другому.

— Очень симпатичный. Сколько ему?

— На этой фотографии, думаю, месяцев пять. А сейчас он уже подросток. Почти восемь лет!

— Красавец, — улыбнулась мама.

— Спасибо! — Миссис Диас закивала и хотела еще что-то добавить про своего внука. Но внезапно ее улыбка стала не такой широкой. — Мы все будем заботиться об Августе, — сказала она, и я видел, как она дотронулась до маминой руки.

Я посмотрел на мамино лицо и понял, что она волнуется не меньше моего. А вообще миссис Диас мне скорее понравилась — когда она не сияла своей ослепительной улыбкой.

Джек Тот, Джулиан и Шарлотта

Дверь напротив стола миссис Диас вела в другую комнату — кабинет мистера Попкинса. Когда мы втроем вошли, он закрыл дверь, продолжая что-то говорить, но я не очень его слушал. Я разглядывал большой стол, за который он уселся, и разные вещицы на столе. Вот это сокровища! Например, маленький глобус, который парил в воздухе сам по себе. И кубик Рубика, сделанный из крошечных зеркал. Мне понравился этот кабинет. Понравилось, что на стенах висели детские рисунки. И что они были в рамках, словно настоящие картины.

Мама села на стул перед столом мистера Попкинса. Был еще один стул, но я решил встать поближе к маме.

— Почему у вас есть своя комната, а у миссис Ди нет? — спросил я.

— Ты имеешь в виду, почему у меня есть собственный кабинет? — уточнил мистер Попкинс.

— Вы же сказали, что она тут всем заправляет.

— Ах, вот оно что! Я пошутил. Миссис Ди — моя помощница.

— Мистер Попкинс — директор школы, — напомнила мама.

— А вас зовут мистер Пи?

Мой вопрос его развеселил.

— Ох, не знаю, не знаю! Подозреваю, мне дают множество других прозвищ, о которых я могу только догадываться. Чего уж там, с фамилией, как у меня, жизнь не сахар. Понимаешь, о чем я?

Я расхохотался, потому что прекрасно понимал, о чем он.

— У мамы с папой была учительница мисс Зад.

— Ави! — Мама покраснела, но мистер Попкинс рассмеялся.

— Да, ей не позавидуешь. По сравнению с ней даже мне грех жаловаться. Послушай, Август, вот чем мы сегодня займемся...

— Это тыква? — Я показал на рисунок в рамке, висевший над столом мистера Попкинса.

— Ави, сынок, не перебивай, — сказала мама.

— Нравится? — Мистер Попкинс обернулся взглянуть на рисунок. — Мне тоже. И я тоже сперва считал, что это тыква. А потом ученик, который мне его подарил, объяснил, что на самом деле это не тыква. Это... — приготовься — мой портрет! А теперь, Август, отвечай: неужели я похож на тыкву?

— Нет! — сказал я вслух, хотя подумал «да». В его щеках было что-то тыквенное — когда он улыбался, щеки надувались и лицо превращалось в хэллоуинскую тыкву-фонарь. Я захихикал. А потом замотал головой и прикрыл рот ладонью.

Мистер Попкинс улыбнулся, словно прочел мои мысли.

Я собирался еще кое-что добавить, но внезапно услышал голоса за дверью: детские голоса. Сердце бешено заколотилось, будто я только что пробежал марафон — именно так, без преувеличений.

Дело в том, что, когда я был маленький, я совершенно спокойно общался с незнакомыми детьми, потому что все дети, с которыми я общался, были тоже очень маленькие. Что хорошо в очень маленьких детях, так это что они ничего не делают специально, чтобы над тобой поиздеваться. Хотя иногда могут и обидеть. Они просто не всегда понимают, что говорят. А большие дети понимают. И поэтому я держусь от них подальше. Я даже волосы отпустил в прошлом году — челка закрывает глаза и помогает не замечать то, что замечать совсем не хочется.

В дверь постучала миссис Диас.

— Мистер Попкинс, они здесь, — объявила она.

— Кто здесь? — спросил я.

— Спасибо, — сказал мистер Попкинс своей помощнице и обратился ко мне: — Август, я тут подумал, что неплохо бы тебе познакомиться с будущими одноклассниками. Они покажут тебе школу. Введут, так сказать, в курс дела.

— Не хочу ни с кем знакомиться, — сказал я маме.

Вдруг мистер Попкинс оказался прямо передо мной, а его руки — у меня на плечах. Он наклонился и прошептал мне в ухо:

— Не бойся, Август. Это хорошие ребята.

— Ави, все будет хорошо, — прошептала мне мама в другое ухо.

Но больше она ничего не успела сказать, потому что мистер Попкинс уже распахнул дверь своего кабинета.

— Прощу, — пригласил он, и в комнату вошли два мальчика и девочка. Никто из них не смотрел ни на меня, ни на маму. Они топтались у двери и не сводили глаз с мистера Попкинса, будто от этого зависела их жизнь.

— Большое спасибо, что пришли, да еще за две недели до занятий! Ну что, каникулы удались?

Все кивали, но никто не издал ни звука.

— Вот и превосходно, — сказал мистер Попкинс. — Итак, друзья, познакомьтесь с Августом, он тоже будет у нас учиться. Август, это давнишние ученики нашей школы. Конечно, в младших классах они занимались в другом здании, но мы знакомили их с программой средней школы, так что они бывали тут не раз и знают все закоулки. А поскольку вы с Августом в одном классе, то я подумал, что будет прекрасно, если вы подружитесь до начала занятий. Итак, дети, это Август. Август — это Джек Тот.

Джек Тот посмотрел на меня и протянул руку. Когда я ее пожал, он кривовато улыбнулся, сказал «привет» и тут же уставился в пол.

— Это Джулиан, — продолжал мистер Попкинс.

— Привет. — И снова повторилось то же самое: Джулиан взял мою руку, выдавил из себя улыбку, быстро опустил глаза.

— И Шарлотта.

Таких светлых волос, как у Шарлотты, я в жизни не видел. Она не стала протягивать мне руку, но помахала и улыбнулась:

— Привет, Август. Приятно познакомиться.

— Привет, — сказал я, глядя вниз, на ее ярко-зеленые кроксы.

— Итак. — Мистер Попкинс соединил ладони, как бы медленно ими хлопнул. — Вы могли бы устроить для Августа небольшую экскурсию по школе. Что, если начать с третьего этажа? Там будет ваш кабинет — по-моему, триста первый. Миссис Диас, не подскажете...

— Да-да, кабинет триста один! — откликнулась миссис Диас из-за двери.

— Триста первый, — повторил мистер Попкинс. — И покажите ему, например, лаборатории и компьютерный класс. И библиотеку и актовый зал на втором этаже. И столовую не забудьте.

— А кабинет музыки надо показывать? — спросил Джулиан.

— Хорошая идея, — согласился мистер Попкинс. — Август, ты играешь на каком-нибудь инструменте?

— Нет, — ответил я. Музыка — это не про меня, ведь ушей-то у меня нет. Точнее, они есть, но выглядят не как обычные уши.

— Кабинет музыки все равно тебе понравится, — сказал мистер Попкинс. — У нас неплохая коллекция ударных инструментов.

— Август, ты же всегда хотел научиться играть на барабанах! — Мама пыталась поймать мой взгляд. Но мои глаза прятала челка, а я пялился на старую жвачку, которую кто-то прилепил к ножке директорского стола.

— Превосходно! — сказал мистер Попкинс. — Возвращайтесь через... — он глянул на маму, — ...полчаса, хорошо?

Наверное, мама ему кивнула.

— Август, ты готов? — спросил он у меня.

Я промолчал.

— Готов, Август? — повторила мама. Вот теперь я на нее посмотрел. Пусть знает, как я на нее злюсь. Но, глянув на мамино лицо, я просто кивнул. Она была напугана еще сильнее, чем я.

Мои одноклассники вышли из кабинета, и я поплелся за ними..

— До скорого! — мамин голос звучал тоньше обычного. Я ей не ответил.

Экскурсия

Джек Тот, Джулиан, Шарлотта и я шагали по большому вестибюлю к широкой лестнице. Пока мы поднимались на третий этаж, все молчали.

Наверху был узкий коридор с уймой дверей. Джулиан приоткрыл дверь с табличкой «301».

— Вот наш кабинет. Классным руководителем у нас будет мисс Петоза. Я слышал, она ничего, главное — не попасть к ней на математику. На уроках она зверствует.

— Неправда, — возразила Шарлотта. — В прошлом году она вела математику у моей сестры, и сестра говорит, что мисс Петоза абсолютно нормальная.

— Мне рассказывали другое, — ответил Джулиан. — Ну да какая разница. — Он закрыл дверь и двинул дальше по коридору.

— Вот лаборатория. — Он встал перед полуоткрытой дверью точно так же, как и минуту назад. Он ни разу не взглянул на меня, но я другого и не ожидал. Я тоже на него не смотрел. — До первого сентября никому не известно, кто будет вести естествознание, но все хотят мистера Холлера. Он учил нас в младших классах. На уроках он иногда играет на огромной трубе.

— Это не труба, а баритон, — заспорила Шарлотта.

— Труба! — И Джулиан захлопнул дверь.

— Слушай, дай ему хотя бы зайти внутрь и осмотреться, — буркнул Джек Тот, проталкиваясь мимо Джулиана и Шарлотты и снова открывая дверь.

— Хочешь — заходи, никто не мешает, — сказал мне Джулиан. И впервые на меня взглянул.

Я пожал плечами и пошел в лабораторию. Джулиан отскочил в сторону, будто боялся, что я случайно его задену.

— А чего тут смотреть? — И Джулиан стал указывать пальцем на все подряд: — Это инкубатор. Черная штуковина — доска. Это парты. Это стулья. Это бунзеновские горелки. Это таблица химических элементов. Это мел. Это тряпка.

— Джулиан, он знает, что такое тряпка, — сказала Шарлотта. Она чем-то напоминала мне Вию.

— Ты уверена? — ответил Джулиан. — Мистер Попкинс сказал, что он никогда не ходил в школу.

— Ты же знаешь, что такое тряпка, да? — спросила меня Шарлотта.

Если честно, я так нервничал, что ничего не смог из себя выдавить и уставился в пол.

— Эй, ты говорить-то умеешь? — спросил Джек Тот.

— Ага. — Я пока не смотрел ни на кого из них, ну то есть не смотрел им в лицо.

— Ты знаешь, что такое тряпка, правда? — спросил Джек Тот.

— Угу, — промычал я.

— Я же говорил, что тут нечего смотреть, — зевнул Джулиан.

— У меня вопрос... — Я старался, чтобы мой голос не дрожал. — Э-э. «Наш кабинет» — это как? В нем какие-то особые занятия проходят?

— Нет, это комната нашего класса, — объяснила Шарлотта, не обращая внимания на ухмылку Джулиана. — Ты туда приходишь с самого утра, а классный руководитель проверяет, кто отсутствует, делает объявления. В общем, это твой главный класс, хотя и не совсем класс. То есть, разумеется, класс, но...

— Шарлотта, я думаю, он понял, — перебил ее Джек Тот.

— Ты понял? — спросила меня Шарлотта.

— Ага, — кивнул я.

— Тогда идем отсюда. — Джек Тот направился к двери.

— погоди, Джек, нам нужно ответить на все вопросы! — остановила его Шарлотта.

Джек Тот повернулся, закатив глаза.

— У тебя есть еще вопросы? — спросил он.

— Э-э, нет, — ответил я. — Ой, на самом деле есть. Твое имя — Джек или Джек Тот?

— Джек — мое имя. Тот — фамилия.

— А-а, просто мистер Попкинс сказал, что ты Джек Тот, и я подумал...

— Ха! Ты подумал, что он «Джек тот», а не «Джек этот»? — загоготал Джулиан.

Джек пожал плечами.

— Меня часто зовут по имени и фамилии. Не знаю почему. Ну, теперь-то можем идти?

— В актовый зал! — Шарлотта первой выпорхнула из лаборатории. — Там прекрасно! Тебе понравится, Август.

Актальный зал

Шарлотта вела нас на второй этаж и болтала без умолку — о спектакле «Оливер», который они ставили в прошлом году. Оливера играла она, Шарлотта, даром что девочка. Сообщив это, Шарлотта распахнула двойные двери в огромный зал. На другом конце зала была сцена.

Шарлотта поскакала к сцене. Джулиан за ней, но, пробежав половину пути, обернулся.

— Давай сюда! — крикнул он мне и махнул рукой.

— В зале собралась сотня людей, не меньше! — воскликнула Шарлотта, и я не сразу сообразил, что это она про «Оливера». — Я так волновалась! У меня было столько реплик, и еще я пела все эти песни. Очень трудная роль. — Обращалась Шарлотта ко мне, но на меня почти не смотрела. — На премьере мои родители сидели сзади, примерно там, где сейчас стоит Джек, но когда в зале темно и горят только огни рампы, актеры зрителей почти не различают. И я прямо места себе не находила: «Где мои родители? Где мои родители?» И тогда мистер Резник, он вел у нас театральное мастерство в прошлом году, говорит: «Шарлотта, да у тебя звездная болезнь. Прекрати!» А я ему: «Хорошо». А потом разглядела родителей и совсем успокоилась. Представляешь, я не забыла ни одной реплики!

Пока она говорила, Джулиан исподтишка меня разглядывал. К этому мне не привыкать. Многие думают, что если на меня коситься, не поворачивая головы, то я ничего и не замечу, но я всегда замечаю — голова-то все равно немного

наклоняется. Я обернулся проверить, куда делся Джек. Он так и остался у дверей, ждал нас со скучающим видом.

— Мы ставим спектакли каждый год, — сказала Шарлотта.

— Не думаю, что он захочет участвовать, — усмехнулся Джулиан.

— Можно участвовать в спектакле, не выступая на сцене, — Шарлотта посмотрела на меня. — Заниматься освещением. Или раскрашивать декорации.

— О да, мечта, а не работа! — хмыкнул Джулиан.

— Но если не хочешь заниматься театральным мастерством, есть и другие курсы по выбору. Танцы, или хор, или оркестр. Есть курс «Искусство быть первым»...

— На это «искусство» только ботаники записываются, — перебил Джулиан.

— Джулиан, какой ты несносный! — не выдержала Шарлотта, но он в ответ только фыркнул.

— Я выберу естествознание, — сказал я.

— Ого! — воскликнула Шарлотта.

Джулиан поглядел прямо на меня:

— Согласно всеобщего мнения, естествознание — самый трудный курс по выбору. Без обид, но ты *никогда* не ходил в школу. С чего ты решил, что справишься? Ты когда-нибудь раньше занимался наукой? Настоящей наукой, а не наборами юного химика?

— Да, — кивнул я.

— Джулиан, он же учился, только дома! — вступилась за меня Шарлотта.

— И что, учителя приходили к нему домой?

— Его учила мама! — ответила Шарлотта.

— А она учитель? — спросил ее Джулиан.

— Она учитель? — обернулась ко мне Шарлотта.

— Нет, — ответил я.

— Ну я и говорю! — Джулиан торжествовал. — Как можно преподавать естествознание, если ты не настоящий учитель?

— Уверена, у него все получится.

— Что вы там застряли? Идем в библиотеку! — крикнул нам Джек, которому, видимо, надоело торчать в актовом зале.

— А почему у тебя такие длинные волосы? — спросил у меня Джулиан. Он явно ко мне цеплялся.

Я не знал, что отвечать, и просто пожал плечами.

— Можно задать тебе вопрос? — не унимался Джулиан.

Я снова пожал плечами. Вообще-то два вопроса он уже задал.

— Что у тебя с лицом? Ты на пожаре обгорел или как?

— Джулиан, ну зачем говорить человеку гадости! — возмутилась Шарлотта.

— Это не гадости. Я просто спрашиваю. Мистер Попкинс говорил, что нам тоже можно задавать вопросы.

— Да, но нормальные вопросы! И потом, он таким родился. Мистер Попкинс же нам все объяснил. Ты что, не слушал?

— Еще как слушал! Но мало ли, может, он еще и в пожар угодил.

— Эй, Джулиан, — сказал Джек с другого конца зала. — Замолчи уже наконец.

— Сам замолчи! — огрызнулся Джулиан.

— Август, идем в библиотеку, — позвал меня Джек.

Мы с Джеком вышли из зала вместе. Он открыл двойные двери, пропустил меня и, когда я проходил мимо, посмотрел мне в глаза, будто хотел, чтобы я тоже на него посмотрел. Ну, я так и сделал. А потом я улыбнулся, честное слово. Иногда так бывает: вот-вот расплечешься, но вдруг раз — и уже чувствуешь, что вот-вот рассмеешься. Уголки рта у меня не поднимаются вверх, как у остальных людей. Губы растягиваются в прямую линию поперек лица. Но Джек Тот все равно понял, что я ему улыбнулся. И улыбнулся в ответ.

— Джулиан дурак, — прошептал он. — Но, чувак, разговаривать-то тебе все равно придется. — Он произнес это очень серьезно: похоже, он пытался мне помочь. Я кивнул. Когда нас нагнали Джулиан и Шарлотта, мы немного потоптались на месте, рассматривая свои башмаки. Потом я поднял глаза на Джулиана.

— Между прочим, правильно говорить «согласно всеобщему мнению», — сказал я.

— Ты о чем?

— Ты сказал «согласно всеобщего мнения».

— Не говорил!

— Говорил-говорил, — подтвердила Шарлотта. — Ты сказал, что естественные науки, согласно всеобщего мнения, очень трудные. Я слышала.

— Ничего подобного.

— Нашли о чем спорить, — сказал Джек. — Идем.

Шарлотта пошла следом за Джеком по коридору, а я за ней. Но Джулиан внезапно выскочил вперед, и из-за этого я споткнулся и чуть не упал.

— Ох, извини! Мне очень жаль, — бросил мне Джулиан.

Но судя по тому, как он на меня поглядел, ему не было жаль. Ни капельки.

Хорошие ребята

Мама и мистер Попкинс о чем-то беседовали. Миссис Диас первой увидела, что мы возвращаемся, и засияла своей ослепительной улыбкой.

— Ну, Август, что скажешь? Понравилось?

Я поглядел на маму.

— Да.

Джек, Джулиан и Шарлотта мялись у двери, не зная, входить им или они уже не нужны. Интересно, что им еще обо мне рассказали?

— А цыпленка ты видел? — спросила мама.

Я помотал головой, а Джулиан сказал:

— Вы про цыплят из лаборатории? В конце учебного года их отдают на ферму.

— Ах вот как, — протянула мама. Кажется, она немного огорчилась.

— Но каждый год привозят новых, — добавил Джулиан. — Так что Август увидит их весной.

— О, замечательно! — Мама посмотрела на меня. — Они такие славные, Ави! Лучше бы она не сюсюкала со мной на людях.

— Ну, Август, — сказал мистер Попкинс, — ребята всё тебе показали? Я совсем забыл про спортивный зал.

— Мы сами догадались туда заглянуть, мистер Попкинс, — успокоил его Джулиан.

— Превосходно! — кивнул мистер Попкинс.

— А еще мы рассказали о ежегодном спектакле и о курсах по выбору, — затараторила Шарлотта, но вдруг воскликнула: — Ой, мы же не показали ему кабинет изобразительного искусства!

— Ничего страшного, — сказал мистер Попкинс.

— Но мы можем сходить туда сейчас, — предложила Шарлотта.

— А разве нам не нужно забрать Вию? — спросил я маму.

Это был наш условный знак: так я сообщал маме, что пора уходить.

— Ох, точно! — Мама встала. Кажется, даже на часы посмотрела. — Извините. Я совсем забыла о времени. Нам нужно забрать мою дочь из ее новой школы. У нее тоже экскурсия.

Вия действительно сегодня знакомялась со школой, тут мама не соврала. Но вот заезжать за Вией мы не собирались. Ее должен был привезти домой папа, и позже.

Мистер Попкинс тоже встал.

— А что за школа?

— С этой осени она будет учиться в Старшей школе Фолкнера.

— Вот это да! В школу Фолкнера непросто попасть. Она у вас молодец!

— Спасибо, — кивнула мама. — Правда, каждый день ей придется совершать целое путешествие. Сначала на метро до 86-й улицы, а потом на автобусе до Ист-Сайда — все вместе не меньше часа, хотя на машине каких-то пятнадцать минут.

— Но это того стоит. Несколько наших выпускников поступили в школу Фолкнера и очень довольны.

Я дернул маму за карман.

— Мам, мы опаздываем.

И мы стремительно распрощались. Наверное, мистер Попкинс удивился нашему внезапному бегству. Я подумал, вдруг он будет винить в этом Джека и Шарлотту, хотя по-настоящему меня расстроил только Джулиан. Поэтому, перед тем как уйти, я сказал мистеру Попкинсу:

— Они и правда хорошие ребята.

— Жду не дождусь, когда ты придешь к нам учиться. — И мистер Попкинс похлопал меня по спине.

— Пока, — сказал я Джеку, Шарлотте и Джулиану, но не посмотрел на них — я вообще не отрывал взгляда от пола, пока мы не оказались на улице.

Дома

Мы отошли от школы на полквартила, не меньше, и только тогда мама решилась:

— Ну и как? Тебе понравилось?

— Мам, не сейчас. Дома, — ответил я.

Как только мы вошли в дом, я рванул в свою комнату и бросился на кровать. Мама, кажется, не понимала, что со мной. И я тоже не понимал. Мне было очень грустно и в то же время чуть-чуть радостно — опять это чувство, когда сразу и плачешь и смеешься.

Дейзи притрусила ко мне в комнату и принялась лизать мне лицо. А я говорил ей папиным голосом:

— Кто хорошая псина? Кто хорошая псина?

— Все в порядке, милый? — спросила мама. Ей хотелось сесть рядом со мной, но Дейзи растянулась поперек кровати.

— Извини, Дейзи. — Мама ее подвинула. — Тебя не обижали, Ави?

— Да нет. — Я солгал, но только наполовину. — Дети как дети.

— Но как они тебя приняли? Хорошо? Мистер Попкинс уж так их расхваливал — объяснял мне, какие они расчудесные.

— Угу. — Я продолжал смотреть на Дейзи, целовал ее в нос и почесывал за ухом, пока она не отбрыкнула меня задней лапой.

— Кажется, Джулиан из них самый симпатичный, — сказала мама.

— Ну уж нет, он как раз самый несимпатичный. Зато мне понравился Джек. Вот он хороший. Я подумал, что у него двойное имя, Джек-Тот, а на самом деле он просто Джек.

— погоди, может, я их перепутала. Кто из них такой темненький, с челкой?

— Джулиан.

— И он вел себя не лучшим образом?

— Ага, не лучшим.

— Ну надо же! — Она на миг задумалась. — Значит, он из тех, кто со взрослыми ведет себя по-одному, а с детьми по-другому?

— Похоже на то.

— Терпеть таких не могу.

— Знаешь, что он меня спрашивал? «Эй, Август, что у тебя с лицом?» — Я не сводил взгляда с Дейзи. — И еще: «Ты на пожаре обгорел или как?»

Мама ничего не ответила. Я поднял на нее глаза — она застыла, совершенно ошеломленная.

— Но он не издевался. Просто спрашивал.

Мама кивнула.

— И мне очень понравился Джек, — продолжал я. — Он сказал Джулиану: «Замолчи уже наконец!»

А Шарлотта сказала, чтобы Джулиан не говорил гадостей.

Мама снова кивнула. Она прижала пальцы к вискам, будто у нее болит голова. И щеки у нее горели.

— Прости меня, Ави, — прошептала она.

— Да все в порядке, мам.

— Сынок, ты не должен ходить в школу, если не хочешь.

— А я хочу, — сказал я.

— Ави...

— Правда, мам. Хочу.

И я не врал.

День первый

Ладно, чего уж скрывать: первого сентября меня трясло, крутило и мутило. Мама и папа, подозреваю, тоже волновались, но старательно изображали радость

и спокойствие, фотографируя нас с Вией. Вия же тоже первый раз шла в новую школу.

Несколько дней назад мы еще сомневались, идти мне в школу или нет. После той экскурсии мама и папа поменялись ролями. Теперь мама говорила, что не надо идти, а папа — что надо. Папа сказал, что гордится тем, как я осадил Джулиана, и что я превращаюсь в настоящего мужчину. И я слышал, как он говорил маме, что она все время была права. Но мама, наоборот, не очень-то верила, что она права. Когда утром папа сказал, что они с Вией проводят нас с мамой до моей школы — это же рядом, а им все равно по пути, — мама вздохнула с облегчением. Она была рада, что мы пойдем все вместе. И я тоже.

Хотя школа Бичера находится всего в нескольких кварталах от нас, я в тех местах почти не бывал.

Я вообще стараюсь не соваться туда, где много детей. В нашем квартале все меня знают, и я знаю всех. Я знаю каждый кирпичик, и каждое дерево, и каждую трещину на тротуаре. Я знаю миссис Гримальди — она всегда выглядывает из окна; и старика, который разгуливает по улице туда-сюда, насвистывая, как птица. Я знаю ларек на углу, где мама покупает бублики, и официанток в кофейне, которые зовут меня «лапочкой» и всякий раз угощают леденцами. Я люблю Норт-Ривер-Хайтс. Но сегодня улицы, которые всю жизнь были моими, казались какими-то незнакомыми, и от этого мне было не по себе. Эймсфорт-авеню, на которой я бывал миллион раз, выглядела почему-то совсем чужой. На ней толпились люди, которых я никогда прежде не видел: одни ждали автобуса, другие катили детские коляски.

Вия шла рядом, как обычно, а мама и папа сзади. Мы перешли Эймсфорт-авеню, повернули на улицу Хайтс-Плейс и сразу же за углом увидели море детей перед школой — сотни детей, которые смеялись и болтали друг с другом, разбившись на группки, или стояли рядом с родителями, а те разговаривали с другими родителями. Я опустил голову.

— Тут все нервничают точно так же, как и ты, — сказала Вия мне на ухо. — Не забывай, что сегодня все новички. Хорошо?

У главного входа учеников и их родителей встречал мистер Попкинс.

Врать не буду: пока ничего ужасного не стряслось. Никто не пялился, никто вообще не обращал на меня внимания. Только один раз, подняв голову, я заметил каких-то девчонок, которые глазели в мою сторону и шептались, но они тут же отвернулись.

Мы дошагали до входа.

— Ну вот, пятиклассник, мы и пришли. — Папа положил руки мне на плечи.

— Удачи! Я тебя люблю. — Вия расцеловала меня и обняла.

— И тебе удачи, — сказал я.

— Я тебя люблю, Ави. — Папа тоже меня обнял.

— Пока.

Потом и мама стала меня обнимать. Но я понял, что она вот-вот расплачется — только этого не хватало! Поэтому я быстро отвернулся и скрылся за дверью школы.

Я понесся напрямик в триста первый кабинет на третьем этаже. Хорошо, что две недели назад мистер Попкинс устроил для меня экскурсию: теперь я точно знал, куда идти, и мне ни разу не понадобилось поднять голову. Конечно, в коридорах на меня таращились. Но я изо всех сил делал вид, что не замечаю.

Я вошел в класс. Учительница что-то писала на доске, дети рассаживались за одноместные парты, стоявшие полукругом. Я выбрал ту, что посередине, самую дальнюю. Я подумал, что так будет труднее меня разглядывать. Голову я все еще не решался поднять, а из-под челки мне были видны только ноги. Свободных парт почти не осталось, но рядом со мной никто не сидел. Пару раз кто-то подходил, но в последнюю секунду давал задний ход и садился куда-то еще.

— Привет, Август! — Шарлотта мне помахала. Она выбрала себе место впереди. Передняя парта по доброй воле! Вот этого я совсем не понимаю.

— Привет, — кивнул я.

Потом я заметил, что через несколько столов от нее сидит Джулиан и с кем-то разговаривает. Он меня видел, это точно, но не поздоровался.

Вдруг кто-то плюхнулся за парту справа от меня. Джек! Джек Тот.

— Как дела? — сказал он.

— Привет, Джек! — Я помахал ему рукой и тут же об этом пожалел: получилось как-то по-детски.

— Так, ребята, внимание! Все расселись? — Учительница повернулась к нам. На доске была написана ее фамилия: «Мисс Петоза». — Занимайте места. Входите, — сказала она парочке опоздавших. — Есть место тут и вот тут.

Меня она пока не заметила.

— Прекратите болтать... — Заметила. — ...и положите рюкзаки на пол.

Она замешкалась лишь на тысячную долю секунды, но я точно знаю, в какое мгновение она меня увидела. Как я и говорил: мне не привыкать.

— Я сейчас проверю присутствующих и запишу, кто где сидит, — продолжала она, присев на край своего стола. Рядом с ней лежали три аккуратные стопки пластиковых папок. — Когда я вас вызову, подходите ко мне, и я выдам каждому его папку. Внутри вы найдете расписание занятий и кодовый замок. Но вы уж постарайтесь его не открывать, пока я не скажу. Код от вашего замка — у каждого на расписании. Предупреждаю: некоторые шкафчики находятся не рядом с нашим классом, а в конце коридора. И — предвидя ваши вопросы — нет, вы не можете поменяться шкафчиками и не можете поменяться замками. Позже, если у нас с вами останется время, мы познакомимся поближе. Договорились? Договорились.

Она взяла лист бумаги со своего стола и начала громко называть наши имена.

— Итак. Джулиан Албанс? — сказала она, оглядывая класс.

Джулиан поднял руку:

— Здесь!

— Здравствуй, Джулиан. — Учительница отметила для себя, где он сидит. Потом протянула ему верхнюю папку из крайней стопки. — Вот твоя папка, — сказала она строгим голосом. Джулиан встал и взял у нее папку.

— Ксимена Ван?

Она вызывала всех по алфавиту и каждому выдавала папку. Пока она продвигалась по списку, я заметил, что место рядом со мной — единственное

пустое в классе, а не так далеко от меня двое теснятся за маленькой партой. Когда мисс Петоза вызвала одного из них, здоровенного парня по имени Генри Джоппин — встретил бы его на улице, решил бы, что ему лет двенадцать, если не больше, — она сказала:

— Генри, вон свободная парта. Пересядь туда. — Она протянула ему папку и указала на пустую парту рядом с моей.

На Генри я не глядел, но было очевидно, что от переезда он не в восторге: он волочил рюкзак по полу, да и сам тащился так, будто ему включили замедленный режим. Потом он шмякнул рюкзак на парту с правой стороны от себя, и получилось что-то вроде стены между ним и мной.

— Майя Марковиц?

— Здесь, — откликнулась девочка, сидевшая через четыре парты от меня.

— Майлз Нури?

— Здесь, — сказал парень, который раньше сидел с Генри Джоппином. Когда Майлз возвращался к своей парте, он бросил на Генри сочувственный взгляд.

— Август Пулман?

— Здесь, — пролепетал я, чуть-чуть приподняв руку.

— Здравствуй, Август. — Мисс Петоза ласково улыбалась, пока я шел за своей папкой. В те несколько секунд, что я стоял у учительского стола, я чувствовал, как взгляды всех и каждого впиваются мне в спину. Зато как только я развернулся, все спрятали глаза. Я не стал трогать замок, хотя остальные уже теребили свои — когда тебе что-то запрещают, очень трудно удержаться. А в кодовых замках, между прочим, я разбираюсь неплохо: давно уже ими пристегиваю велосипед, чтобы не украли. Генри тоже пытался справиться со своим замком, но безуспешно. Он злился все больше и больше и даже начал чертыхаться себе под нос.

Мисс Петоза вызвала еще несколько человек. Последним был Джек Тот.

Выдав Джеку его папку, она сказала всем:

— Запишите ваши комбинации где-нибудь в надежном месте, чтобы не забыть. Но если вы все-таки забудете, а это случается примерно три целых две десятых раза в полугодие, список всех комбинаций есть у миссис Диас. Теперь достаньте замки из папок и пару минут потренируйтесь их открывать. Хотя я прекрасно вижу, что некоторые уже давно играют с замками! — Она не сводила взгляда с Генри.

— Тем временем я расскажу вам о себе. А потом вы расскажете о себе, так мы и познакомимся друг с другом. Договорились? Договорились.

Она улыбалась всем, но мне казалось, что мне она улыбается больше всего. Ее улыбка сияла, как улыбка миссис Диас, но при этом была нормальной, вроде бы искренней. Мисс Петоза не была похожа на учительниц, какими я их себе представлял. Наверное, я думал, что она будет выглядеть как мисс Фоул из мультиков про Джимми Нейтрона: такая старушенция с огромным пучком на затылке. Но на самом деле она выглядела точь-в-точь как Мон Мотма из четвертого эпизода «Звездных войн»: с мальчишеской стрижкой и в длинной белой рубашке, похожей на тунику.

Она повернулась к доске и начала писать.

Генри по-прежнему пыхтел над замком. У остальных получалось, а у него нет, и он бесился все сильнее. А когда я открыл свой с первой попытки, он аж зубами закрипел. Вот смешно: если бы он не поставил между нами свой рюкзак, я бы давно уже ему помог.

По порядку

Мисс Петоза немного рассказала нам о себе. Ничего интересного: откуда она родом, и как она всегда мечтала стать учительницей, и как шесть лет назад бросила работу на Уолл-стрит, чтобы воплотить свою мечту и учить детей. Напоследок она спросила, у кого есть вопросы, и Джулиан поднял руку.

— Да?.. — Она заглянула в список имен. — Джулиан.

— Классно, что вы воплотили свою мечту.

— Спасибо!

— Пожалуйста! — Он самодовольно ухмыльнулся.

— Хорошо, Джулиан, а теперь давай ты тоже расскажешь нам о себе. Кстати, вопрос ко всем: подумайте, что бы вы хотели сообщить о себе одноклассникам? Много говорить не надо, выберите какие-нибудь две вещи — и достаточно. Погодите-ка: сколько из вас пришло из Начальной школы Бичера? — Примерно половина класса подняли руки. — Значит, некоторые уже знакомы друг с другом. А остальные новенькие, так? Вот, постарайтесь вспомнить что-то такое, чего даже ваши знакомые про вас пока не знают. Договорились? Договорились. Начнем с Джулиана и дальше по порядку.

Джулиан ухватился за подбородок, будто думал изо всех сил.

— Начинай, как будешь готов, — сказала мисс Петоза.

— Ну, номер раз — это...

— Будьте добры, называйте свои имена, — попросила мисс Петоза. — Так я вас быстрее запомню.

— Ага, ладно. Так, значит, зовут меня Джулиан. Первое, что я хочу о себе рассказать: мне недавно купили «Battleground Mystic» для приставки Wii, и это что-то! А второе — этим летом у нас появился стол для пинг-понга.

— Очень мило, я люблю пинг-понг, — кивнула мисс Петоза. — У кого-нибудь есть вопросы к Джулиану?

— В «Battleground Mystic» играют поодиночке или можно несколькими сразу?

— Не такие вопросы, — улыбнулась мисс Петоза. — Хорошо, а что ты хотела бы рассказать? — Она смотрела на Шарлотту. Вероятно потому, что Шарлоттина парта была ближе всего к учительскому столу.

Шарлотта не колебалась ни секунды, будто заранее знала, что говорить.

— Меня зовут Шарлотта. У меня две сестры, а только что, в июле, мы завели собачку. Мы взяли Сью из приюта для животных, и она такая славная!

— Прекрасно, Шарлотта, спасибо, — сказала мисс Петоза. — Кто следующий?

Агнец на заклание

«Агнец на заклание — кроткий человек, который спокойно идет на гибель, не зная об опасности».

Я погуллил прошлым вечером. И я вспомнил про агнца, когда мисс Петоза вдруг назвала мою фамилию.

— Меня зовут Август, — сказал я. Ну, скорее промямлил.

— Как-как? — переспросил кто-то.

— Пожалуйста, говори громче, — попросила мисс Петоза.

— Меня зовут Август. — Я повысил голос и заставил себя оторвать взгляд от пола. — У меня... э-э-э... есть сестра Вия и собака Дейзи. И... э-э-э... это всё.

— Чудесно, — сказала мисс Петоза. — У кого-нибудь есть вопросы к Августу? Все молчали.

— Хорошо, теперь ты, — обратилась мисс Петоза к Джеку.

— Погодите, у меня есть вопрос к Августу, — поднял руку Джулиан. — Зачем у тебя сзади тоненькая косичка? Чтобы на падавана быть похожим?

Я пожал плечами.

— Ну да.

— А что такое падаван? — улыбнулась мне мисс Петоза.

— Это из «Звездных войн», — ответил Джулиан. — Падаван — ученик джедая.

— Как интересно! — сказала мисс Петоза, глядя на меня. — Ты увлекаешься «Звездными войнами», Август?

— Угу, — кивнул я, не поднимая глаз, потому что больше всего на свете хотел забраться под парту.

— И кто твой любимый герой? — спросил Джулиан.

Может, он не такой уж противный?

— Джанго Фетт.

— А Дарт Сидиус тебе как? — продолжал он.

— Ребята, вы можете пообсуждать «Звездные войны» на перемене, — вмешалась довольная мисс Петоза. — Продолжим. Твоя очередь, — обратилась она к Джеку.

Если честно, я пропустил все, что сказал Джек. Может быть, никто не понял про Дарта Сидиуса, а может, Джулиан вообще не хотел надо мной издеваться. Но в «Мести ситхов» — это третий эпизод «Звездных войн» — Дарт Сидиус получил сильные ожоги, которые полностью его изуродовали. Все его лицо скукожилось, будто оплавилось.

Я бросил взгляд на Джулиана — он смотрел на меня. Он знал, о чем говорил, это точно.

Единственная правота

Как только прозвенел звонок, началась настоящая суматоха. Я сверился с расписанием: следующий урок у меня — английский. В триста двадцать первом кабинете. Я не стал выяснять, идет ли туда кто-нибудь еще из нашего класса, просто ринулся к двери и потом по коридору. А в кабинете сел как можно дальше от учителя. Учитель, очень высокий и с желтой бородой, что-то писал на доске.

Дети входили, смеялись и болтали, но я не поднимал глаз. В целом тут все было так же, как в классной комнате: никто не садился рядом со мной, за соседние парты, — только Джек. Он перешучивался с ребятами из другого класса. Джек — из тех людей, которые всем нравятся. У него много друзей, с ним весело.

Когда прозвенел звонок, все утихло, а учитель повернулся к нам. Он сказал, что его зовут мистер Браун, и потом начал говорить о том, чем мы будем заниматься в этом полугодии. В какой-то момент, где-то между «Морщинкой времени» и «Морскими бесами»^[2], он заметил меня, но продолжал как ни в чем не бывало.

А я слушал и рисовал в тетрадке, но время от времени незаметно озирался. В классе сидел Джулиан. И Генри с Майлзом. А Шарлотты не было.

Мистер Браун написал на доске большими печатными буквами:

«МАКСИМА».

— А теперь запишите это в ваших тетрадях, на самой верхней строчке самой первой страницы.

Мы так и сделали, и тогда он спросил:

— Ну, кто может мне сказать, что такое максима? Кто-нибудь знает?

Никто не поднял руки.

Мистер Браун улыбнулся, кивнул и написал на доске:

«МАКСИМА = ПРАВИЛО О САМЫХ ВАЖНЫХ ВЕЩАХ».

— Как заповедь? — спросил кто-то.

— Как заповедь, — ответил мистер Браун и снова стал писать на доске. — Как афоризм. Как изречение из китайского «печенья счастья». Любое высказывание, любое правило, которое может стать для нас ориентиром в жизни. Таким образом, максима — это то, что направляет нас, когда мы принимаем решения о вещах по-настоящему важных.

Он написал все это на доске и обернулся.

— А что для нас самое важное?

Все стали поднимать руки, а он показывал, чья очередь, и записывал ответы на доске, и почерк у него был даже хуже, чем у врача, честное слово:

«ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ. УЧЕБА В ШКОЛЕ. ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ».

— Что еще? — Он писал и писал, уже не оборачиваясь. Записывал все без разбору: «СЕМЬЯ. РОДИТЕЛИ. ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ».

Одна девочка выкрикнула:

— Окружающая среда!

«ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА», — вывел он на доске и прибавил от себя: — «НАШ МИР».

— Акулы! Потому что они едят падаль в океане, — сказал какой-то мальчишка, кажется, его звали Росс, и мистер Браун записал: «АКУЛЫ».

«ПЧЕЛЫ. РЕМНИ БЕЗОПАСНОСТИ. ПЕРЕРАБОТКА ОТХОДОВ. ДРУЗЬЯ».

— Хорошо. — Закончив, он повернулся и посмотрел на нас. — Но самую важную вещь никто так и не вспомнил.

Мы все уставились на него: в голову уже ничего не лезло.

— Бог? — раздался чей-то голос, и хотя мистер Браун и написал «БОГ» на доске, он, кажется, ждал другого ответа. Ничего больше не сказав, он написал: «КТО МЫ?»

— Кто мы? — раздельно произнес он, подчеркивая каждое слово. — Кто мы такие? Мы! Что мы за люди? Что ты за человек? Не это ли самая важная вещь на свете? Не этот ли вопрос мы должны задавать себе постоянно? Что я за человек?..

Скажите, кто-нибудь обратил внимание на дощечку у двери школы? Кто-нибудь прочел, что на ней написано?

Мистер Браун оглядел нас, но все молчали.

— Она гласит: «Познай себя». — Он улыбнулся. — Как раз для этого мы тут и собрались.

— А я думал, чтобы учить английский, — хмыкнул Джек, и все рассмеялись.

— Ах, да! И для этого тоже! — ответил мистер Браун, и я подумал: «Какой он отличный!» Он повернулся к доске и написал огромными печатными буквами, которые растянулись на всю доску:

«СЕНТЯБРЬСКАЯ МАКСИМА МИСТЕРА БРАУНА: ЕДИНСТВЕННАЯ ПРАВОТА — ДОБРОТА».

— Я хочу, — сказал он, — чтобы вы завели особый раздел в своих тетрадах: «Максимы мистера Брауна».

Пока мы заводили раздел, он продолжал говорить:

— Наверху первой страницы поставьте сегодняшнюю дату. В начале каждого месяца я буду записывать новую максиму на доске, а вы — в тетрадах. Потом мы будем эту максиму обсуждать. А в конце месяца вы будете писать о ней сочинение — о том, что она для вас значит. К концу года у вас накопится целый список таких максим, и они останутся с вами и после того, как мы с вами простимся. На летних каникулах я всегда прошу пятиклассников присылать мне свои собственные максимы: писать их на открытках и отправлять мне по почте.

— И что, присылают? — спросила какая-то девочка.

— О да! — ответил он. — Присылают. Более того, некоторые ученики отправляют мне новые максимы спустя годы после окончания школы, представляете?

Он помолчал, поглаживая бороду.

— Но рано мечтать о каникулах. Я прекрасно помню, что до лета нам еще учиться, учиться и учиться, — пошутил он, и мы рассмеялись. — Сейчас я проверю, кто сегодня присутствует, а после переклички мы с вами еще поговорим об увлекательнейших вещах, которые будем проходить в пятом классе — *по английскому*. — Говоря это, он выразительно посмотрел на Джека, и это тоже было смешно, и мы опять расхохотались.

Записывая в тетрадь сентябрьскую максиму мистера Брауна, я вдруг осознал, что школа мне начинает нравиться. Несмотря ни на что.

Обед

Вия предупреждала меня про обед в школе, так что я должен был предвидеть, что придется тяжело. В общем, было так. Все пятиклассники высыпали из кабинетов в одно и то же время и, добежав до столовой, кинулись к пустым столам, вопя и налетая друг на друга. За порядком следила какая-то учительница, и она все время говорила: «Садитесь сами, места не занимайте!» — но я не понял, что она имела в виду, и, кажется, никто не понял, потому что все продолжали занимать места для своих друзей. Я попробовал пристроиться за какой-то столик, но мальчик, добежавший раньше меня, сказал: «Извини, тут уже сидят».

Поэтому я нашел себе пустой стол и просто ждал, когда все закончат носиться как угорелые и учительница скомандует, что делать дальше. Она начала

перечислять правила столовой, а я искал глазами Джека Тота, но его нигде не было. Учителя вызывали столы по номерам: надо было брать подносы и выстраиваться в очередь у длинной стойки. Джулиан, Генри и Майлз сидели в дальнем конце столовой.

Мама дала мне с собой бутерброд с сыром, рыбки-крекеры и пакет сока, так что, когда вызвали мой стол, мне не надо было вставать в очередь. Я просто открыл рюкзак, достал пакет с едой и принялся медленно разворачивать фольгу, в которую был упакован бутерброд.

Я точно знал, что на меня таращатся, для этого мне даже не нужно было поднимать глаза. Все вокруг рассматривали меня и подталкивали друг друга локтями. Я считал, что давно уже к такому привык, но оказалось, не совсем.

За девчачьим столом, неподалеку тоже шушукались обо мне, это я понял по тому, как они прикрывали рты руками и то и дело бросали на меня взгляды.

Ненавижу, как я ем. Зрелище и в самом деле не для слабонервных. Чтобы поправить волчью пасть, в два года мне сделали операцию, а потом еще одну, в четыре, но у меня до сих пор дыра в нёбе. И хотя несколько лет назад мне вроде бы выровняли челюсти, жевать мне приходится передними зубами. Долгое время я даже не осознавал, как это выглядит со стороны, но как-то раз, на чьем-то дне рождения, один из гостей сказал маме именинника, что не хочет сидеть со мной рядом, потому что у меня изо рта во все стороны летят крошки. Само собой, этот мальчик не хотел меня обидеть, но потом ему все равно досталось, и вечером его мама звонила моей и извинялась. Когда я вернулся со дня рождения домой, я подошел к зеркалу в ванной и начал жевать крекер, чтобы посмотреть, как я ем. Тот парень был прав. Я ем, как черепаха — если вы когда-нибудь видели, как едят черепахи. Как доисторическое болотное чудовище.

Летний стол

— Привет, тут не занято?

Я поднял глаза и увидел незнакомую девочку. У нее были волнистые каштановые волосы до пояса, а на коричневой футболке красовался фиолетовый пацифик. В руках она держала поднос с едой.

— Э-э... нет, — ответил я.

Она поставила поднос на стол, скинула рюкзак на пол, села напротив меня и принялась за макароны с сыром. И тут же поморщилась:

— Надо было принести с собой бутерброд, как ты.

— Ага, — кивнул я.

— Кстати, меня зовут Джун. А тебя?

— Август.

— Круто, — сказала она.

— Джун! — К нам приблизилась еще одна девочка с подносом. — Ты чего сюда села? Возвращайся к нам.

— У вас там тесно, — ответила ей Джун. — Лучше ты сюда.

Девочка на мгновение смутилась. Я догадался, что они говорят про тот девчачий стол, где обо мне шушукались. Думаю, Джун тоже сначала сидела с ними.

— Ну как хочешь, — сказала девочка и отправилась за тот самый стол.

Джун посмотрела на меня, пожала плечами и улыбнулась, а потом вернулась к своим макаронам.

— Слушай, у нас имена друг к другу подходят, — сказала она.

Я не понял, о чем она; только хлопал глазами.

— Джун — значит июнь, правильно? А ты Август. — Она улыбалась и ждала, когда до меня дойдет.

— Ой, точно, — сказал я.

— Можем сделать свой собственный летний стол, — предложила она. — Только для тех, у кого летние имена. Так, у нас есть еще имена с какими-нибудь летними месяцами?

— Есть Майя.

— Формально май — еще весна, — заметила Джун. — Но если Майя захочет к нам присоединиться, мы можем сделать исключение. — Она говорила так, будто и правда излагала настоящий план. — Есть Джулиан. Это имя, как и Джулия, в честь июля.

Я помолчал, а потом сказал:

— Со мной на английский ходит Росс.

— Да, я знаю Росса, но разве это летнее имя? — спросила она.

— Ну, просто похоже на росу, а она бывает как раз летом.

— А, тогда ладно. — Она кивнула и достала блокнот. — И мисс Петоза тоже может тут сидеть. Ее имя похоже на «петунью» и «розу», а это летние цветы.

— Она у меня классный руководитель, — сказал я.

— А у меня ведет математику. — Джун скорчила рожу.

Она записала имена на предпоследней страничке блокнота.

— Ну, кто еще?

К концу обеда мы составили целый список учеников и учителей, которые допускались за наш стол. Большинство имен не были совсем уж летними, но какая-то связь с летом всегда находилась. Я даже придумал, как связать с летом Джека Тота: ведь с его именем можно составить массу летних предложений, например «Джек — тот, кто любит ходить на пляж». И Джун согласилась, что это вполне годится.

— Но если у кого-то нелетнее имя и он захочет с нами сидеть, — сказала она, — мы разрешим ему, если он хороший, ладно?

— Ладно, — кивнул я. — Если хороший, то пусть его хоть по-зимнему зовут!

— Круть! — Она засмеялась и подняла вверх большие пальцы.

Джун была похожа на свое имя. Загорелая, с глазами зелеными, как июньские листья.

От одного до десяти

У мамы есть такая привычка — спрашивать, как я себя чувствую по шкале от одного до десяти. Это началось после операции на челюсти, когда я не мог говорить, потому что челюсть у меня была обмотана проволокой и рот не открывался. Врачи взяли кусочек бедренной кости и вставили в подбородок, чтобы тот выглядел поприличнее, так что у меня болело сразу в нескольких местах. Мама показывала на какую-то из повязок, а я поднимал пальцы, чтобы дать ей знать, сильно болит или не очень. Один — значит, немножко. Десять —

очень, очень, очень сильно. Потом, во время обхода, мама говорила врачу, что меня больше всего беспокоит. Иногда у мамы здорово получалось читать мои мысли.

После этого мы стали оценивать по десятибалльной шкале любые болячки. Например, если у меня просто саднило горло, она спрашивала: «Ты как, от одного до десяти?» А я отвечал: «Три», — ну или сколько там было.

Когда уроки первого сентября закончились, я вышел на улицу и увидел маму, которая ждала меня у школы, как и остальные родители и няни. Первое, что она спросила, обняв меня:

— Ну и как? От одного до десяти?

Я пожал плечами.

— Пять. — И, скажу вам, я ее огорошил.

— Ого, — выдохнула она. — Даже лучше, чем я надеялась.

— Мы заберем Вию из школы?

— Ее подвезет мама Миранды. Понести твой рюкзак? — И мы двинулись сквозь толпу. Дети «незаметно», как они думали, показывали на меня своим взрослым.

— Не надо, — сказал я.

Но мама принялась стаскивать с меня рюкзак.

— Он же тяжеленный, Ави!

— Мам! — Я вывернулся от нее и рванул вперед.

Тут раздался голос Джун:

— До завтра; Август!

Она шла в другую сторону.

— Пока, Джун, — помахал я ей.

Как только мы вынырнули из толпы и перешли улицу, мама спросила:

— Кто это, Ави?

— Джун.

— Она учится в твоём классе?

— Мам, я учусь в разных классах. Каждый предмет — это свой класс.

— Она в *каком-нибудь* из твоих классов?

— Не-а.

Мама ждала, что я еще что-нибудь скажу, но мне совсем не хотелось разговаривать.

— Так как все прошло? Хорошо? — У мамы явно накопился миллион вопросов. — Тебя не обижали? Учителя понравились?

— Ага.

— А те дети, с которыми ты познакомился на прошлой неделе? Как они себя вели?

— Да все нормально. Джек сидел рядом со мной на уроках.

— Это прекрасно, дорогой! А тот мальчик, Джулиан?

Я вспомнил, как Джулиан спрашивал у меня про Дарта Сидиуса. Как будто лет сто назад.

— Тоже нормально, — ответил я.

— А девочка со светлыми волосами, как ее зовут?

— Шарлотта. Мам, я уже сказал, никто меня не обижал.

— Хорошо.

Если честно, я не знаю, почему я злился на маму, но я злился ужасно. Пока мы переходили дорогу и шли по Эймсфорт-авеню, мама молчала, но когда свернули на нашу улицу, она опять стала задавать вопросы:

— А как ты познакомился с Джун, если она не ходит ни в один из твоих классов?

— Мы вместе обедали.

Я начал пинать камешек то одной ногой, то другой: гнал его перед собой по тротуару, как футбольный мяч.

— Кажется, она очень милая, — сказала мама.

— Да.

— И очень хорошенькая.

— Да, знаю. Мы как Красавица и Чудовище.

Я не стал дожидаться маминого ответа. Просто пнул камешек изо всех сил и побежал за ним.

Падаван

Вечером я отрезал свою косичку. Первым заметил папа.

— О, наконец-то, — сказал он. — Мне она никогда не нравилась.

Зато Вия кипятилась и никак не могла успокоиться:

— Ты же растил ее несколько лет! Почему ты ее отстриг?!

— Сам не знаю, — ответил я.

— Кто-то над тобой смеялся?

— Нет.

— Ты сказал Кристоферу, что собираешься ее отрезать?

— Мы же с ним больше не дружим.

— Не выдумывай! Не могу поверить, что ты вот просто так взял ее и откромсал! — И Вия вылетела из моей комнаты, хлопнув дверью.

Когда вечером папа зашел пожелать мне спокойной ночи, мы с Дейзи лежали на кровати, свернувшись калачиком. Папа слегка подвинул Дейзи и прилег рядом со мной на одеяло.

— Ну, Ав-Гав, — сказал он. — Так что у тебя был сегодня за денек: что надо или что не надо?

Между прочим, вопрос про денек папа не сам придумал, а взял из старого мультика о таксе по имени Ав-Гав. Одно время, мне тогда было года четыре, мы часто его смотрели — особенно в больнице. С тех пор папа иногда звал меня Ав-Гав, а я его — «дорогим папашей», как щенок-такса звал своего папу в мультике.

— Что надо, — кивнул я.

— Ты весь вечер молчал.

— Устал.

— Много всего сразу, да?

Я кивнул.

— Но все правда прошло нормально?

Я снова кивнул. Он тоже замолчал, поэтому спустя несколько секунд я сказал:

— Даже лучше, чем нормально.

Папа поцеловал меня в лоб.

— Как я рад, Ави. Похоже, со школой мама все-таки неплохо придумала.

— Да. Но я ведь могу ее бросить, если захочу, да?

— Конечно, мы же договорились, — ответил он. — Хотя зависит от того, почему ты решишь бросить. Обещай, что, если в школе у тебя начнутся какие-то неприятности, ты нам обязательно все расскажешь.

— Угу.

— А могу я у тебя кое-что спросить? Ты что, злишься на маму? Весь вечер на нее вроде как дуешься. Послушай, Ави, в том, что ты пошел в школу, я виноват точно так же, как и она.

— Нет, она больше виновата. Это же ее идея.

Тут раздался стук в дверь и в комнату заглянула мама. Вид у нее был немного смущенный.

— Просто хотела пожелать спокойной ночи.

— Привет, мамаша, — сказал папа и помахал ей моей рукой.

Мама присела на край кровати рядом с Дейзи.

— Ты, говорят, отрезал косичку.

— Подумаешь, невелика беда, — ответил я.

— А я и не говорю, что беда.

— Уложишь Ави? — сказал папа маме. — У меня срочная работа. Спокойной ночи, сын, мой сын. — Это была еще одна часть Ав-Гав-ритуала, но отвечать «Спокойной ночи, дорогой папаша» мне что-то не хотелось.

Папа встал с кровати.

— Я очень тобой горжусь.

Мама и папа всегда укладывали меня по очереди. Знаю, обычно укладывают только малышей, а десятилетние дети засыпают сами, без родителей, но так уж у нас повелось.

Мама устроилась рядом со мной и попросила папу:

— Заглянешь к Вие?

Он обернулся:

— А что с Вией не так?

Мама пожала плечами.

— Она говорит, все в порядке. Но первый день в новой школе, сам понимаешь.

— Хм-м, — сказал папа, а потом подмигнул мне. — Всегда с вами, дети, что-то не так.

— Да, не соскучишься, — согласилась мама.

— Не соскучишься, — повторил папа. — Ну, спокойной ночи.

Он закрыл за собой дверь, и мама достала книгу, которую читала мне последнюю пару недель. Я обрадовался, потому что жутко боялся, что она захочет «поговорить», а у меня совсем не было настроения разговаривать. Но и у мамы, кажется, тоже. Она просто листала страницы — искала место, где мы остановились. Мы прочитали уже почти половину «Хоббита».

«„Стойте! Перестаньте!“ — закричал Торин, но поздно: гномы в возбуждении расстреляли последние стрелы. И теперь подаренные Беорном луки стали бесполезны. Уныние охватило всю компанию, и в последующие дни оно еще усилилось. После заколдованного ручья тропа вилась точно так же, лес был все тот же»^[3].

Не знаю почему, но я вдруг расплакался.

Мама отложила книгу и обняла меня. Похоже, она ничуть не удивилась.

— Все хорошо, — шептала она мне на ухо. — Все будет хорошо.

— Прости, — выдавил я между всхлипываниями.

— Тс-с-с. — Она вытерла мне слезы. — Ты ни в чем не виноват...

— Мамочка, ну почему я такой урод? — прошептал я.

— Нет, малыш, ты не...

— Я знаю, что я урод.

Она расцеловала мне все лицо. Она целовала мои перекошенные, будто сползшие вниз глаза. Целовала мои вдавленные внутрь щеки. Целовала мой черепаший рот.

Она говорила мне ласковые слова и пыталась меня утешить. Но я-то знаю, словами лицо не изменишь.

Разбудите меня, когда закончится сентябрь^[4]

В сентябре было тяжело. Я не привык рано вставать по утрам. Не привык ко всем этим домашним заданиям. А еще первая «самостоятельная» в конце месяца. Ведь с мамой я никогда не писал самостоятельных. И мне не нравилось, что теперь у меня нет свободного времени. Раньше я играл, когда хочу, а сейчас мне постоянно надо делать уроки.

И в самой школе поначалу было ужасно. В каждом классе, где я появлялся, дети изо всех сил старались на меня «не таращиться». Они бросали взгляды украдкой из-за тетрадок или когда думали, что я не смотрю. Они обходили меня как можно дальше, как будто боялись подцепить от меня какую-то жуткую бациллу, как будто мое лицо — заразное.

В коридорах всегда было не протолкнуться, и при виде меня кто-нибудь обязательно столбенел — тот, кто, возможно, обо мне еще не слышал. Из бедняги вырывался такой сдавленный звук, который издаешь, когда задерживаешь дыхание, чтобы нырнуть. В первые несколько недель это случалось, наверное, раз по пять на дню: на лестницах, перед шкафчиками, в библиотеке. В школе шестьсот детей, и рано или поздно каждый должен был со мной встретиться. Я то и дело замечал, как кто-нибудь, проходя мимо, толкает локтем приятеля или что-то шепчет ему на ухо. Могу только догадываться, *что* они обо мне говорили. Но вообще-то я предпочитаю об этом не думать.

Кстати, никто особо не подличал: меня не дразнили и рожи не корчили. Просто тупо глазели — ну что ж, все так делают. Мне иногда хотелось им сказать: «Эй, всё в порядке, я знаю, что выгляжу странно, разглядывайте, сколько влезет, я не кусаюсь!» Да что там, если бы в школу вдруг появился какой-нибудь гуманоид, например вуки из «Звездных войн», мне было бы страшно любопытно и я бы, пожалуй, сам на него таращился! И шептал бы Джеку или Джун: «Смотрите, смотрите, вон вуки!» А если бы вуки меня услышал, то он бы понял, что я не хочу его обидеть. Я всего лишь говорю, что он вуки.

Чтобы привыкнуть к моему лицу, моим одноклассникам понадобилась неделя. Это тем, кого я вижу каждый день на всех уроках.

Остальным пятиклассникам, с которыми я встречаюсь в столовой, на прогулках, на физкультуре и на музыке, в библиотеке и в компьютерном классе, — две недели.

Детям из других параллелей понадобился месяц. Эти уже почти взрослые, ну, некоторые из них. У одних сумасшедшие прически. У других серьги в носу. У третьих прыщи. Но никто не выглядит так, как я.

Джек Тот

Я сидел с Джеком на классных часах, на английском, истории, информатике, музыке и естествознании — на всех уроках, которые у нас были общими. Я решил, что либо учителям велели сажать нас вместе, либо это невероятнейшее совпадение.

Мы с Джеком и с урока на урок ходили вместе. Он замечал, что на меня глазают, но притворялся, что не замечает. Хотя однажды, перед уроком истории, на лестнице на нас налетел огромный восьмиклассник, сигавший сразу через две ступеньки, и сбил меня с ног. Помогая мне подняться, он бросил взгляд на мое лицо и выдохнул: «Ого-о!» Потом потрепал меня по плечу, будто стряхивал пыль, и побежал догонять своих. А мы с Джеком почему-то грохнули со смеха.

— Как его перекосило! — сказал Джек, когда мы уселись за парты.

— Точно! — подхватил я. — А помнишь, как он, таким басом: «Ого-о!»

— Небось еще и штаны обмочил!

Мы так хохотали, что учителю, мистеру Роше, пришлось призвать нас к порядку.

Потом, когда мы закончили читать про то, как древние шумеры изобрели солнечные часы, Джек прошептал:

— А тебе когда-нибудь хотелось им всем врезать?

Я пожал плечами:

— Наверное. Не знаю.

— Мне бы хотелось. О, слушай, тебе нужно завести секретный водяной пистолет или автомат и как-нибудь прицепить его к глазам. И каждый раз, как кто-то на тебя пялится, бить им струей в физиономию!

— Мерзкой зеленой слизью, — ответил я.

— Ага, пополам с собачьей мочой.

— Точно!

— Эй, там, на галерке, — цыкнул мистер Роше. — Не мешайте читать остальным.

Мы уткнулись в учебники. Чуть погодя Джек прошептал:

— Август, а ты всегда будешь так выглядеть? То есть, может, тебе пластическую операцию сделать?

Я улыбнулся и показал на свое лицо:

— Привет, это — *после* пластических операций!

Джек хлопнул себя по лбу и покатился со смеху.

— Чувак, ты должен засудить своего хирурга! — выдал он.

От хохота мы оба чуть не скатились под парты и никак не могли успокоиться — даже после того, как мистер Роше нас рассадил.

Октябрьская максима мистера Брауна

Октябрьская максима мистера Брауна звучала так:

«Памятник человеку — его дела».

Это было написано на могиле одного египтянина, который умер сколько-то там тысяч лет назад. На уроках истории мы как раз собирались проходить Древний Египет, и мистер Браун решил, что фраза про памятник будет очень своевременной.

На дом он задал нам написать абзац-другой о том, что эта максима значит и что мы о ней думаем.

Вот что я написал:

«Это означает, что нас будут помнить за то, что мы делаем. То, что мы делаем, — самое важное на свете. Важнее слов и важнее внешности. Наши поступки делают нас бессмертными. Наши поступки — как памятники, которые люди строят, чтобы почтить память героев. Они как пирамиды, которые египтяне воздвигали для фараонов. Только они не из камня, а из воспоминаний о тебе.

Вот почему твои дела — это твои памятники. Памятники, построенные из воспоминаний, а не из камня».

Яблоки

День рождения у меня 10 октября. Красивая дата — 10/10. Было бы классно, если бы я еще и родился ровно в 10 часов 10 минут, но увы. Я родился сразу после полуночи. Но я все равно считаю, что у меня крутой день рождения.

Обычно я отмечаю его дома, но в этом году я решил пригласить своих гостей на боулинг. Мама удивилась, но обрадовалась. Она спросила, кого я хочу позвать из школы, а я сказал, что всех одноклассников, а еще Джун и нескольких ребят с английского.

— Не многовато ли? — спросила мама.

— Нужно пригласить всех, чтобы никто не обиделся, что его не позвали, понимаешь?

— Понимаю, — согласилась мама. — Ты хочешь позвать даже того мальчика, который спрашивал у тебя про пожар?

— Ага, и Джулиана, — ответил я. — Боже, мам, пора уже забыть про тот случай.

— Да, ты прав.

Пару недель спустя я спросил маму, кто придет, и она сказала:

— Джек Тот. Джун. Росс Кингсли. Макс А. и Макс Б. И еще двое не уверены, но постараются.

— Кто?

— У Шарлотты в первой половине дня хореография, но она попытается успеть и к нам. И мама Тристана сказала, что он, скорее всего, придет после футбола.

— И все? Это же... пять человек.

— Во-первых, больше пяти, Ави. Во-вторых, подозреваю, у многих уже были планы на этот день.

Мы сидели на кухне. Мама разрезала яблоко — мы только что купили пару килограммов на рынке — на малюсенькие-премалюсенькие кусочки, чтобы я мог его есть.

— Какие такие планы? — спросил я.

— Ави, я не знаю. Мы поздновато разослали приглашения.

— Но что они тебе говорили? Как объясняли, что не придут?

— Причины у всех были разные, — мама начала терять терпение. — Правда, сынок, это не так уж важно. У них уже были планы, вот и все.

— А Джулиан что сказал?

— Ты знаешь, — ответила мама, — вот как раз его родители не сочли нужным объясниться. — Она посмотрела на меня. — Похоже, яблоко от яблони и правда недалеко падает.

— Мам, при чем тут яблоки? — спросил я.

— Не важно. Вымой руки и садись есть.

Мой день рождения был намного скромнее, чем я ожидал, но все равно попраздновали мы отлично. Пришли Джек, Джун, Росс, Тристан и оба Макса. И Кристофер с родителями тоже приехали, из самого Бриджпорта. И тетя Кейт с дядей По — из Бостона. И дядя Бен пришел. Вот только Ба и Де не смогли приехать, они улетели до весны во Флориду. Было весело, потому что в конце концов все взрослые стали катать шары на соседней дорожке, и казалось, что поздравить меня собралось очень много людей.

Хэллоуин

На следующий день за обедом Джун спросила меня, кем я буду на Хэллоуин. Я, разумеется, думал об этом с прошлого Хэллоуина, поэтому тут же сказал:

— Бобой Феттом.

— А ты знаешь, что на Хэллоуин можно приходить в школу в костюме, да?

— Что, правда?

— Ну, если он политкорректный.

— Чтобы никакого оружия?

— Точно.

— А бластеры можно?

— Ави, бластер — тоже оружие.

— Эх... — Я покачал головой. У Бобы Фетта должен быть бластер.

— Радуйся, что нас не заставляют наряжаться персонажами книг, как в младших классах. В прошлом году я была Злой Ведьмой Запада из «Волшебника страны Оз».

— Но это же кино, а не книга.

— Ну ты даешь! Сначала была книга! Одна из моих самых любимых. Папа читал мне ее каждый вечер, когда я была в первом классе.

Когда Джун говорит, особенно когда она чем-то взволнована, она щурится, будто смотрит прямо на солнце.

На уроках я почти не вижу Джун. Единственный урок, на который мы ходим вместе, — физкультура, и даже там почти всегда девочки и мальчики играют на разных половинах зала. Но с того первого обеда мы каждый день сидим вместе за летним столиком — только мы вдвоем, больше к нам никто не подсаживается.

— А ты кем будешь? — спросил я.

— Пока не решила. То есть я знаю, в какой костюм хочу одеться, но, боюсь, буду выглядеть в нем идиоткой. А Саванна с подружками вообще не наряжаются в этом году. Они считают, что уже выросли из Хэллоуина.

— Да ну, глупости.

— Вот именно!

— И разве тебе не все равно, что думают эти девчонки?

Она пожала плечами, потягивая молоко через соломинку.

— Так в какой же идиотский костюм ты хочешь нарядиться?

— Обещаешь не смеяться? — Она поежилась от смущения. — Я хочу быть единорогом.

Я улыбнулся и принялся рассматривать свой бутерброд.

Джун расхохоталась:

— Эй, ты обещал не смеяться!

— Хорошо, хорошо, — сказал я. — Но ты права, это по-идиотски.

— Да знаю! Но я все-все уже придумала: голову сделаю из папье-маше и раскрашу рог золотым, и гриву тоже... Только представь!

Я пожал плечами.

— Тогда давай, наряжайся. Кого волнует, что думают о нем другие, верно?

— А, вот что! — Она щелкнула пальцами. — Я надену костюм только вечером, на хэллоуинский парад. А в школе буду просто готкой. Да, точно, так и сделаю.

— Отличный план, — кивнул я.

— Спасибо, Ави, — хихикнула она. — Знаешь, что мне в тебе больше всего нравится? С тобой можно говорить о чем угодно.

— Да? — Я засмеялся и поднял большие пальцы вверх. — Круть.

Школьные фотографии

Думаю, никого не удивит, что я не собирался сниматься для школьного фотоальбома, который будут делать 22 октября. Ни за что. Нет уж, спасибо. Я перестал фотографироваться уже давно. Наверное, это можно назвать, фобией. Ну, на самом деле это не фобия. Это «нерасположенность» — слово, которое я только что выучил на уроках мистера Брауна. У меня нерасположенность к фотографированию. Фух, вот я и составил предложение с новым словом.

Я ожидал, что мама будет меня просить, чтобы я пересилил себя и сфотографировался, но она не стала. Но, хоть мне и удалось отбрыкаться от портрета, я никак не мог отбрыкаться от группового снимка. Бр-р-р! Когда фотограф меня увидел, его передернуло так, будто он съел целый лимон. Конечно, я же испорчу ему всю фотографию. Я еще и сидел в первом ряду. И не улыбался. Хотя если бы улыбался, никто бы все равно не понял.

Плесневелый сыр

В школе постепенно ко мне привыкали, но недавно я заметил, что никто до меня не дотрагивается. Сперва я этого не замечал, потому что в средней школе дети не то чтобы все время ходят и трогают друг друга. Но в прошлый четверг на уроке танцев — между прочим, моим самым нелюбимым уроке — учительница,

миссис Атанаби, попробовала поставить в пару со мной Ксиму Ван. И тут... я никогда раньше не видел, как у человека случается «паническая атака», но, судя по всему, эта самая паническая атака и началась у Ксимены. Она покраснела, побледнела, ее прошиб пот, а потом она придумала какой-то предлог, чтобы выскочить в туалет. Миссис Атанаби не стала ее заставлять и в конце концов разрешила всем танцевать поодиночке.

А вчера на уроке естествознания мы, как настоящие исследователи, ставили опыты с порошками: мы не знали названия порошка, и надо было выяснить, кислота это или щелочь. Все должны были нагреть свой таинственный порошок на горелке и наблюдать за ним, поэтому мы сгрудились вокруг горелки с тетрадами в руках. И вот, представьте, на уроке восемь человек, и семь из них жмутся с одной стороны горелки, а один — то есть я — стоит с другой стороны. Конечно, я все это заметил, но надеялся, что хотя бы мисс Рубин не заметит, — не хотел, чтобы она вмешивалась. Но, разумеется, она заметила и вмешалась.

— Ребята, с той стороны полно места. Тристан, Нино, встаньте там, — скомандовала она, и Тристан с Нино переползли ко мне. Тристан и Нино всегда нормально ко мне относились, вот честное слово. Не то чтобы они прямо рвались со мной дружить, но всегда здоровались и говорили со мной так же, как с другими. И они даже не скривились, когда мисс Рубин сказала им передвинуться ко мне поближе, а большинство детей кривятся, когда думают, что я их не вижу. Ну, в общем, все шло неплохо, пока таинственный порошок Тристана не стал плавиться. Он снял свою фольгу с горелки, и тут как раз начал плавиться мой порошок. Я потянулся, чтобы тоже его снять, и случайно задел руку Тристана, на долю секунды. Тристан отдернул руку так резко, что уронил свою фольгу на пол и столкнул с горелки все остальные порошки.

— Тристан! — закричала мисс Рубин, но Тристану было наплевать, что он рассыпал порошки и испортил эксперимент. Он сейчас думал лишь об одном — как можно скорее добежать до раковины и вымыть руки. Вот так я узнал, что в нашей школе все боятся до меня дотрагиваться.

Я думаю, это как в «Дневнике слабака»^[5]. В этой книжке все боялись дотронуться до куска старого плесневелого сыра, валявшегося на баскетбольной площадке. Кто дотрагивался, получал проклятие, которое мог передать другому. А в школе Бичера старый плесневелый сыр — это я.

Костюмы

Хэллоуин — лучший праздник на свете. Даже лучше Рождества. Я надеваю костюм. Надеваю маску. Расхаживаю повсюду как обычный ребенок, и никто не догадывается, что я страшилище. Никто не оборачивается. Никто меня не замечает. Никто меня не знает.

Вот бы Хэллоуин был каждый день! Мы бы все время носили маски. Гуляли и знакомились друг с другом — до того как увидим, кто как выглядит.

Когда я был маленький, то носил космонавтский шлем: всегда и везде, куда бы ни шел. На детскую площадку. В магазин. Встречать Вио из школы. Даже летом, хотя было так жарко, что лицо у меня дико потело. Думаю, я проносил его пару лет и снял, только когда мне прооперировали глаза. Кажется, мне было около семи. А потом этот шлем куда-то пропал, и мы так и не смогли его найти. Мама

обыскала весь дом. Она решила, что, наверное, шлем волшебным образом очутился на чердаке у бабушки, и все собиралась его там поискать, но я уже привык обходиться без него.

У меня есть фотографии со всех Хэллоуинов. На мой первый Хэллоуин я был тыквой. На второй тигром. На третий Питером Пэном (а папа тогда нарядился капитаном Крюком). На четвертый я был капитаном Крюком (а папа, наоборот, Питером Пэном). На пятый — космонавтом. На шестой — Оби-Ваном Кеноби. На седьмой — воином-клоном. На восьмой — Дартом Вейдером. На девятый — Кровавым Криком (из моей маски-черепа даже сочилась фальшивая кровь).

В этом году я буду Бобой Феттом: не ребенком Бобой из первого эпизода «Звездных войн», а взрослым Бобой Феттом из пятого эпизода «Империя наносит ответный удар». Мама обегала все магазины, но так и не нашла костюма моего размера. Поэтому она купила мне костюм Джанго Фетта — ведь Джанго был отцом Бобы и носил те же доспехи, — а потом раскрасила его зеленым. Она еще что-то такое сделала, чтобы доспехи казались потертыми. В общем, они выглядят совершенно настоящими. Мама отлично мастерит костюмы.

Накануне мы сидели у себя в триста первом кабинете и обсуждали, как будем отмечать Хэллоуин. Шарлотта собиралась нарядиться Гермионой из «Гарри Поттера». Джек — человеком-волком. Джулиан, как я услышал краем уха, — Джанго Феттом. Вот дурацкое совпадение. Вряд ли ему понравится, что я оденусь Бобой Феттом.

Хэллоуинским утром Вия разрыдалась — чуть ли не билась в истерику. Обычно Вия спокойная и уверенная в себе, но в этом году с ней уже пару раз такое случалось. Папа опаздывал на работу и торопил ее: «Вия, идем! Идем!» Папа у нас супертерпеливый — но не когда опаздывает на работу, и из-за его криков Вия разревелась еще отчаяннее. Тогда мама попросила папу отвести в школу меня, а сама быстро поцеловала нас на прощание и исчезла в комнате Вии — я даже костюм не успел надеть.

— Ави, выходим! — подгонял меня папа. — У меня встреча, я не могу опаздывать!

— Я еще не надел костюм!

— Так поспеши! У тебя есть пять минут. Жду на улице.

Я рванул в свою комнату и начал натягивать костюм Бобы Фетта, но вдруг у меня пропала охота его надевать. Не знаю почему — может, потому что на нем было столько ремней, которые нужно затягивать, а один я вряд ли бы справился. Или, может, потому что от него еще немного пахло краской. Но, в общем, я подумал, что на этот костюм придется угрохать кучу времени, а папа меня ждет и скоро станет супернетерпеливым. Поэтому в последнюю минуту я нацепил прошлогодний костюм Кровавого Крика. Это очень простой костюм: длинная черная накидка и большая белая маска. Я крикнул маме «пока», но она меня даже не услышала.

— Я думал, ты будешь Джанго Феттом, — сказал папа, когда я вышел из дома.

— Бобой Феттом!

— Ну Бобой, — сказал папа. — Но этот костюм все равно лучше.

— Да, он классный, — ответил я.

Кровавый Крик

Как же здорово было идти тем утром по школе! Все было по-другому. Я был другим. Обычно я прятал лицо и старался никому не попадаться на глаза, а теперь вышагивал, высоко подняв голову, и спокойно смотрел по сторонам. Я хотел, чтобы меня видели. Какой-то мальчишка в точно таком же костюме, как у меня, с длинным белым черепом, по которому струилась фальшивая кровь, сказал мне, когда проходил мимо по лестнице: «Дай пять!» И я дал ему пять. Понятия не имею, кто это был, и он не имел понятия, кто я такой, и на миг мне стало интересно, как бы он поступил, если бы знал, что под маской — я.

Подходя к триста первому кабинету, я уже предвкушал один из самых прекрасных дней в моей жизни. Но первый, кого я увидел, переступив порог, был Дарт Сидиус. В такой резиновой маске, которая выглядит совершенно натурально, и длинном черном плаще с капюшоном. Я сразу понял, что это Джулиан. Он, наверное, поменял костюм, потому что узнал, что я оденусь Бобой Феттом. Он разговаривал с двумя мумиями — вероятно, Майлзом и Генри, — и они все втроем посматривали на дверь, будто кого-то ждали. Но не Кровавого Крика, это точно. А Бобу Фетта.

Я собирался сесть на свое место, но зачем-то, сам не знаю зачем, подошел поближе к этим троем и стал слушать.

Одна из мумий говорила:

— Не, ну вылитый он...

— Ага, прямо копия, особенно вот тут... — ответил Джулиан и дотронулся пальцами до щек и глаз на маске Дарта Сидиуса.

— Нет, он знаешь на что похож? — не унималась мумия. — На те головы, что индейцы отрубали у врагов, а потом сушили. Ты их видел? Не отличить!

— А я думаю, он похож на орка.

— Точно!

— Если бы у меня была такая рожа, — сказал Джулиан со смешком, — клянусь, я бы и ночью натягивал на нее капюшон.

— Я много об этом думал, — ответила вторая мумия очень серьезно, — и если бы я так выглядел, то я бы себя прикончил.

— Хорош врать-то.

— Да нет, правда, — настаивала мумия. — Даже представить себе не могу, как это — каждый день глядеть в зеркало и видеть такое. Жуть! И все на тебя пялятся.

— Тогда чего ты с ним все время возишься? — спросил Дарт Сидиус.

— Не знаю. В начале года Попкинс просил меня за ним присмотреть, и, наверное, он велел всем учителям сажать нас рядом. — Мумия пожала плечами.

Конечно, я узнал этот жест. Узнал голос. Я хотел в ту же секунду выбежать из класса. Но я будто к полу прирос, стоял и слушал. А Джек Тот продолжал:

— И потом, он же всегда за мной таскается. Что мне остается?

— Да просто скажи ему, чтоб отвязался, и все, — хмыкнул Джулиан.

Не знаю, что ответил Джек, — я выскочил из класса, и никто так и не понял, что я там был. Я мчался по лестнице, лицо у меня горело. Я потел под маской и накидкой. Я расплакался. И никак не мог остановиться. Слезы лились у меня из глаз, я почти ничего не видел, но через маску не мог их вытереть. Я искал какую-нибудь щель, в которую можно забиться. Дыру, куда можно провалиться, — маленькую черную дыру, которая бы меня поглотила.

Как меня называют

Крысеныш. Урод. Монстр. Фредди Крюгер. Пугало. Рыло. Ящер. Мутант. Вот как меня называют. Я играл на разных детских площадках, и я знаю, что дети бывают злыми. Знаю, знаю, знаю.

В конце концов я оказался в туалете на втором этаже. Кроме меня в туалете никого не было, потому что начался первый урок и все сидели в классах. Я закрыл дверь в кабинку, снял маску и просто плакал не знаю сколько времени. Потом я пошел к медсестре и сказал, что у меня болит живот. И даже не соврал, потому что я чувствовал себя так, словно мне врезали ногой в этот самый живот. Медсестра Молли позвонила маме и уложила меня на кушетку. Мама примчалась через пятнадцать минут.

— Ави, сынок! — кинулась она ко мне.

— Привет, — выдавил я. Только бы она не задавала вопросов.

— У тебя болит живот? — Она машинально приложила ладонь к моему лбу — нет ли температуры.

— Говорит, что его тошнит, — вздохнула медсестра Молли.

— И голова болит, — прошептал я.

— Может, ты чем-то отравился? — встревожилась мама.

— По городу ходит кишечный вирус, — сказала медсестра Молли.

— О боже! — Мама перепугалась не на шутку. Она помогла мне встать. — Вызвать такси? Или сам дойдешь до дома?

— Дойду.

— Вот умница! — Медсестра Молли похлопала меня по спине, провожая нас к двери. — Если его вырвет или если температура поднимется, вызывайте врача.

— Конечно. — Мама пожала ей руку. — Спасибо вам за заботу.

Медсестра Молли только отмахнулась. Она приподняла мой подбородок и наклонилась ко мне.

— Береги себя, хорошо?

Я кивнул и пробормотал «спасибо». Всю дорогу домой мама меня обнимала. Я и словом не обмолвился о том, что случилось, а позже, когда она спросила, хорошо ли я себя чувствую и пойду ли вечером выпрашивать угощение, я сказал, что не пойду. Она страшно разволновалась, потому что знает, как я люблю ходить с другими детьми по домам и вопить: «Сладость или гадость?» Я слышал, как она говорила папе по телефону:

—.. у него даже нет сил ходить вместе со всеми по домам... Нет, температура нормальная... Конечно, вызову, если завтра ему не станет лучше... Да, бедный мальчик... Ведь он пропускает свой любимый праздник...

Назавтра, в пятницу, я тоже не пошел в школу. Так что у меня было целых четыре дня, чтобы обо всем подумать. Да что там думать, в школу я больше не вернусь.

Часть вторая Вия

Сто тысяч миль
До моей Земли,
И я плыву от нее вдали.

Путешествие по галактике

Август — это Солнце. Мама, папа и я — планеты, вращающиеся вокруг Солнца. Наши родственники и друзья — астероиды и кометы, они летают между планетами. Есть только одно небесное тело, которое не вертится вокруг Августа-Солнца, — наша собака Дейзи, и лишь потому, что в ее маленьких собачьих глазках лицо Августа не очень отличается от любого другого. Для Дейзи все наши лица похожи — плоские и бледные, как луна.

Я привыкла к тому, как устроен наш мир, и никогда не возражала. Я всегда понимала, что Август особенный несоответственно, требует особого обращения. Если он пытался поспать, я знала, что надо прекращать шумные игры, потому что ему нужно отдохнуть после очередной медицинской процедуры — болезненной и утомительной. Когда я звала маму и папу посмотреть, как я играю в футбол, я знала, что в девяти из десяти случаев они не смогут прийти на матч, потому что им надо везти Августа то к логопеду, то к какому-нибудь новому врачу, то на операцию, то на физиотерапию.

Мама и папа всегда говорили, что я самая чуткая девочка на свете и всё-всё понимаю. «Всё-всё» — это вряд ли, но вот что я понимала всегда: мне жаловаться не на что. Я видела Августа после операций: его опухшее личико, обвязанное бинтами, его крошечное тельце, утыканное трубками и капельницами. Глядя, как другой человек проходит через весь этот ад, ты — если, конечно, ты в здравом уме — не сетуешь на то, что тебе не покупают игрушку, о которой ты мечтал, или что твоей мамы нет среди футбольных болельщиков. Я понимала это, даже когда мне было шесть лет. Никто никогда мне этого не объяснял. Я просто понимала, и все.

Вот я и привыкла не жаловаться и не беспокоить родителей по пустякам. До всего доходила сама: как собирать конструкторы, как не пропускать дни рождения друзей, как успевать в школе. Я никогда не просила помочь мне с домашней работой. Мне никогда не нужно было ничего напоминать: я сама писала доклады и готовилась к контрольным. Если я что-то не понимала на уроке, то приходила домой и училась, пока не пойму. Я сама разобралась в том, как переводить простые дроби в десятичные, — выяснила в Интернете. И все школьные проекты я выполняла самостоятельно. Когда мама и папа спрашивали, как дела в школе, я всегда отвечала: «Хорошо» — даже если дела были не очень. Да, у меня бывают тяжелые дни, я падаю и разбиваю коленки, иногда у меня дико болит голова, а раз в месяц — живот, время от времени мне говорят гадости — но это ничто по сравнению с тем, что выпало на долю Августа. Кстати, я не кокетничаю: я просто знаю, что это так.

И всегда было так в нашей солнечной системе. Но, кажется, в нынешнем году произошли некоторые сдвиги. Галактика меняется. Планеты сбиваются со своих траекторий.

До Августа

Свою жизнь до того, как в ней появился Август, я почти не помню. Гляжу на свои младенческие фотографии: на них мама и папа счастливо улыбаются, держа меня на руках. Даже не верится, что они когда-то были такими молодыми: папа — настоящий хиппарь, а мама — невероятная модница, красотка-бразильянка. Сохранился один снимок с моего третьего дня рождения: папа стоит рядом со мной, а мама держит торт с тремя зажженными свечами. Сзади — Ба и Де (папины родители), бабушка (мамина мама), дядя Бен, тетя Кейт и дядя По. Все смотрят на меня, а я смотрю на торт: здесь я действительно первый ребенок, первая внучка, первая племянница. Конечно, я не помню, каково это — быть единственной, но на фото все прекрасно видно.

И как Августа привезли домой из роддома, я тоже не помню. И не помню, что я говорила, делала и чувствовала, когда впервые его увидела, хотя у каждого в нашей семье есть об этом своя история.

Судя по всему, я просто молча его разглядывала и наконец изрекла: «Он не похож на Лили!» Лили — так звали куклу, которую мне подарила бабушка, когда мама была беременна, чтобы я «училась быть старшей сестрой». Это был пупс — кукла, похожая на настоящего младенца, и я несколько месяцев подряд везде таскала ее с собой, меняла ей подгузники, кормила. Говорят, я даже сделала для нее кукольный слинг. По семейной легенде, после встречи с Августом мне потребовалось всего несколько минут (как утверждает бабушка) или несколько дней (как утверждает мама), чтобы полностью его принять: целовать, качать на руках, сюсюкать. С тех пор я больше не дотронулась до Лили и даже ни разу о ней не вспомнила.

Видеть Августа

Я никогда не видела Августа таким, каким его видят другие. Я знала, что он выглядит ненормально, но я и правда никак не могла взять в толк, почему на улице от него шарахаются. Ужас. Страх. Отвращение. И еще много чего было написано на лицах людей. И долгое время я никак не могла их понять. Я злилась. Злилась, когда они тарацились. Злилась, когда они отводили взгляд. «Чего пялитесь!» — орала я, даже взрослым.

Потом, в одиннадцать лет, я поехала на четыре недели к бабушке в Монток, а Августу в это время делали серьезную операцию на челюсти. Раньше я никогда не уезжала из дома надолго и, признаться, была потрясена: как же чудесно разом освободиться от всего, что тебя бесит! Скажем, мы идем с бабушкой в магазин, и никто на нас не глазеет. Никто не показывает пальцем. Никто нас даже не замечает.

Бабушка всегда нас с Ави баловала, все разрешала и просто с нами дружила. Попроси я, она не задумываясь побежала бы со мной наперегонки по волнам прибоя, пусть и в нарядном платье. Она позволяла мне играть со своей косметикой и нисколько не возражала, когда я брала ее помаду и тени и училась краситься. Угощала меня мороженым перед обедом. Рисовала мелом лошадок на тротуаре. Однажды, когда мы возвращались домой после прогулки, я сказала:

«Вот бы я всегда у тебя жила». Я была так счастлива. Думаю, это было самое лучшее время в моей жизни.

А от дома я за эти четыре недели порядком отвыкла. Прекрасно помню, как переступила порог и увидела Августа, который радостно скакал навстречу, и на какую-то долю секунды я увидела его не таким, каким видела всегда. А таким, каким его видят остальные. Это было как вспышка, всего мгновение, но меня охватила оторопь: я впервые взглянула на него другими глазами. И еще одно новое чувство, за которое я сразу же себя возненавидела. Он целовал меня и обнимал — а меня воротило от вида слюны, стекавшей у него по подбородку. Я оказалась ничем не лучше всех этих кретинов, которые таращатся или отводят взгляд.

Ужас. Страх. Отвращение.

Слава богу, это продлилось лишь секунду. Как только я услышала сипловатый смех Августа — такой родной, — наваждение прошло. Вроде бы все стало как раньше. Но дверь приотворилась. На маленькую щелочку. По эту сторону был Ави, которого видела я, а по другую — Август, которого видели большинство людей.

На всем белом свете существовал лишь один-единственный человек, которому я могла бы об этом рассказать, — бабушка. Но по телефону о таких вещах не поговоришь. Я решила, что откроюсь ей, когда она приедет на День благодарения. Но спустя два месяца после наших каникул в Монтоке моя прекрасная бабушка умерла. Вдруг. Ей ни с того ни с сего стало плохо, и она вызвала скорую. Мы с мамой понеслись к ней, но от нас до Монтока часа три, и к тому времени, как мы добрались до больницы, бабушки уже не стало. Инфаркт, сообщили нам. Как обухом по голове.

Так странно: сегодня ты тут, а завтра тебя уже нет. Куда она отправилась? Я правда когда-нибудь встречусь с ней снова или это все сказки?

В фильмах и сериалах часто показывают, как родственникам пациента сообщают ужасные известия. Но мы, постоянно мотаясь по больницам с Августом, привыкли к относительно хорошим новостям. Самое пронзительное воспоминание того дня — мама валится на пол и заходится медленными, надрывными рыданиями, согнувшись пополам, как будто кто-то ее пнул. Я никогда не видела маму в такой горе. Никогда из нее не вырывались такие звуки. Даже во время операций Августа мама всегда держалась молодцом.

Накануне отъезда из Монтока мы с бабушкой сидели на пляже и любовались закатом. Мы расстелили плед, но потом стало холодно, и мы в него завернулись и так и сидели обнявшись и разговаривали, пока от заката не осталось ни отблеска. А потом бабушка сказала, что хочет открыть мне секрет: она любит меня больше всех на свете.

— Что, даже больше Августа? — изумилась я.

Бабушка улыбнулась и погладила меня по голове, как будто обдумывая, что ответить.

— Я очень, очень люблю Ави, — произнесла она ласково. В ушах у меня до сих пор звучит ее мягкий португальский акцент. — Но у него уже много ангелов-хранителей, и они о нем заботятся. А я хочу заботиться о тебе. И хочу, чтобы ты это знала, Вия. Я люблю тебя сильно-пресильно. Ты моя хорошая девочка, *menina*

querida. Для меня ты... — Она посмотрела на океан и вытянула руки, будто пыталась выровнять волны. — *Tu és o meu tudo*. Ты для меня всё. Понимаешь меня, Вия?

Я понимала. И знала, почему это секрет. Каждому известно, бабушки должны любить всех внуков одинаково. Но после того как она умерла, этот секрет оставался со мной, он укрывал меня, как теплый плед.

По ту сторону

Его глаза расположены примерно на дюйм ниже обычного, где-то посередине щек. Они скошены вниз под углом, почти по диагонали: как будто кто-то сделал у него на лице две прорези, причем левую значительно ниже правой. Глазные яблоки выпирают наружу, потому что не помещаются в слишком мелкие глазные впадины. Верхние веки всегда полуприкрыты, будто он вот-вот заснет. Нижние свисают, словно невидимая нитка оттягивает их вниз, они почти вывернуты красной изнанкой наружу. У него нет бровей и ресниц. Нос несоразмерно большой и мясистый. Голова пережата по бокам — там, где должны быть уши, — как будто кто-то взял огромные щипцы и сдавил ему лицо посередине. У него нет скул. От крыльев носа ко рту тянутся глубокие складки. Его черты выглядят так, будто они расплавились и застыли, как воск по бокам свечи; вот многие и думают, что он получил сильные ожоги. Несколько операций по выправлению челюсти оставили шрамы вокруг рта, самый заметный — зазубренная впадина, которая идет от середины верхней губы к носу. Верхние зубы у него очень маленькие и торчат наружу. И челюсть маленькая, а прикус — неправильный. И крошечный подбородок. Несколько лет назад, до того как ему имплантировали в нижнюю челюсть кусочек бедренной кости, у него вообще не было никакого подбородка. Язык свешивался изо рта, ведь снизу его ничего не поддерживало. Слава богу, сейчас уже лучше. По крайней мере он может самостоятельно есть, а раньше питался с помощью зонда. И говорить может. И научился держать язык во рту, хотя на это ушло несколько лет тренировок. Он также научился не пускать слюни, которые раньше постоянно текли у него по шее. И все это считается медицинским чудом. Когда он родился, доктора даже не верили, что он выживет.

Он еще и слышит. У большинства детей с такими врожденными дефектами бывают проблемы со средним ухом: они почти глухие. Но Август пока достаточно хорошо слышит своими крохотными ушами, похожими на кочанчики цветной капусты. Правда, врачи говорят, что рано или поздно ему придется обзавестись слуховым аппаратом. Август отказывается даже думать об этом. Ему кажется, что слуховой аппарат будет слишком бросаться в глаза. Ясно, что слухового аппарата никто не заметит на общем фоне, но я об этом помалкиваю. Не сомневаюсь, он и сам это понимает.

Хотя, по правде говоря, я не всегда уверена, *что* Август знает, а что нет, что понимает, а что не очень.

Например, понимает ли он, каким его видят окружающие, или он так привык не замечать ничьих взглядов, что они перестали его волновать? Или все-таки волнуют? Когда он смотрит в зеркало, кого он видит? Того Ави, которого видят мама и папа, или того, которого видят все остальные? Или еще какого-то Ави: прекрасный образ, скрытый за чудовищной маской? Когда я смотрела на

бабушку, я видела милое девичье лицо, спрятанное за морщинками. В походке старой женщины я улавливала ритмы самбы. Видит ли Август себя таким, каким он мог бы быть без того единственного гена, что вызвал катастрофу на его лице?

Вот бы его расспросить. И он бы рассказал мне, что чувствует. До операций понимать его было проще. Если глаза щурились — значит, он счастлив. Если рот растягивался поперек лица — значит, он чем-то раздражен, а если тряслись щеки — огорчен. Сейчас он, разумеется, выглядит получше, но те знаки, по которым мы считывали его настроение, исчезли. Конечно, взамен появились новые. Мама и папа знают все до единого. А мне пока трудно в них разобраться. А иногда и не хочется: почему он не может просто сказать, что чувствует? У него больше нет трахеотомической трубки во рту, челюсть не перетянута проволокой — ничто не мешает ему говорить. Ему почти одиннадцать лет. Нужные слова он подобрать сумеет. Но мы вертимся вокруг него, будто он так и остался младенцем. Мы отменяем все свои планы, прерываем беседы, нарушаем обещания в зависимости от его настроения, его капризов, его нужд. С малышами всегда так. Но ему-то пора уже вырасти. Мы должны ему помочь — должны заставить его повзрослеть. Я думаю так: мы столько лет убеждали Августа, что он нормальный, — вот он и в самом деле стал считать себя нормальным. Беда в том, что это неправда.

Старшая школа

В средней школе мне больше всего нравилось, что там было не так, как дома. Там я из Вии превращалась в Оливию Пулман. И в начальной школе меня тоже звали Вией. В младших классах, естественно, все знали про нашу семью. Когда мама забирала меня из школы, она всегда катила перед собой коляску с Августом. Няню для Ави попробуй отыщи, поэтому мама и папа брали его на все мои школьные спектакли, концерты и репетиции, на все торжества, кулинарные и книжные ярмарки. С ним были знакомы мои друзья. Родители моих друзей. Мои учителя. Даже вахтер. (Он всегда говорил: «Здорово, Ави, как дела!») Нашу начальную школу уже невозможно было представить без Августа.

Но в средней школе многие об Августе и не догадывались. Конечно, не считая моих старых друзей. А если кому-то про него и рассказывали, то не сразу, не первым номером. Может, вторым или третьим: «Оливия? Да, она симпатичная. А ты слышал, что у нее есть брат-урод?» Я всегда ненавидела это слово, но так все называют Ави. И я знала, что это слово звучало за моей спиной всякий раз, как я уходила с вечеринки. Или когда я натыкалась на приятелей в пиццерии. Но это ничего. Я всегда буду сестрой человека с врожденным дефектом. Дело не в этом. Я просто не хочу быть *только* ей.

В старшей школе мне больше всего нравится, что здесь вообще никто меня не знает. Ну, то есть кроме Миранды и Эллы. Но они понимают, что про Ави лучше не болтать.

Миранда, Элла и я дружим с первого класса. И понимаем друг друга с полуслова. Когда я попросила их звать меня Оливией, а не Вией, они согласились и не задавали вопросов.

Они знакомы с Августом уже много лет. Когда-то мы обожали его наряжать: напяливали на него боа с перьями, огромные шляпы и парики а-ля Ханна Монтана — мы тогда все смотрели этот сериал про девочку — поп-звезду. Ему

это, конечно, нравилось, а нам тем более. Элла говорила, что он напоминает ей Инопланетянина из известного фильма. Разумеется, она не хотела никого обидеть (хотя вежливости ей не мешало бы поучиться). Но в этом кино и правда есть сцена, где актриса Дрю Бэрримор, там ей лет пять, надевает на Инопланетянина светлый парик. А мы рядили так Ави.

В средней школе мы с Мирандой и Эллой оставались самыми близкими подругами. В школьной иерархии наша троица располагалась где-то между компаниями «суперпопулярных» и «всеми любимых»: не зубрили и не дурочки, не богатые и не нищие, не вредины и не пайньки, не толстые и не тощие. Интересно, мы подружились, потому что в нас много общего, — или в нас много общего, потому что мы давно дружим? Не знаю. А как мы радовались, когда нас приняли в Старшую школу Фолкнера! Шансов почти не было — чтобы всех трех, да к тому же единственных из параллели. Как мы визжали по телефону, когда получили письма о поступлении!

И вот теперь мы наконец в старшей школе, а между нами происходит что-то странное. Я думала, будет совсем по-другому.

Майор Том

Из нашей троицы больше всего возилась с Августом Миранда, она играла с ним еще долго после того, как мы с Эллой переключались на другие занятия. Даже когда мы выросли, Миранда всегда старалась вовлечь Августа в наши разговоры, спрашивала, как у него дела, обсуждала с ним «Аватара», «Звездные войны» и комиксы «Боун» и вообще все, что он любит. Именно Миранда подарила Ави космонавтский шлем — ему было лет пять или шесть, — и он не снимал его, наверное, года два. Звала его майор Том и распевала с ним «Spase Oddity» Дэвида Боуи. Это была их личная песня. Они знали все слова: врубали ее на айпобе и подвывали во всю глотку.

Миранда всегда звонила нам сразу после летнего лагеря, поэтому я удивилась, когда в этом году она как сквозь землю провалилась. Я даже написала ей смс, но она не ответила. Я решила, что ей захотелось остаться в лагере еще на одну смену, ведь теперь она была помощницей вожатого. А может, она встретила там симпатичного парня.

Потом из ее фейсбука я поняла, что на самом деле она вернулась целых две недели назад, и написала ей в чат, и мы даже немного поболтали, но почему-то она так и не объяснила, куда пропала. Я подумала: ну ладно, Миранда же у нас всегда была с причудами. Мы договорились о встрече, но потом мне пришлось ее отменить — в те выходные мы всей семьей уехали в гости к Ба и Де.

Вот так я и не встретилась ни с Мирандой, ни с Эллой до сентября. А в сентябре, признаться, была поражена. Миранда выглядела совсем по-другому: она сделала стильную стрижку боб и покрасилась в ярко-розовый цвет, а еще надела полосатый топ без бретелек, который был, во-первых, неуместен в школе и, во-вторых, не в ее стиле. Вот тебе и на! Миранда всегда была такая скромница, и надо же — является с розовыми волосами и голыми плечами. Но изменилась не только ее внешность: она и вела себя по-новому. Она щебетала со мной мило, но по-светски, будто мы просто приятельницы, а не близкие подруги. Так странно.

За обедом мы, как всегда, сели втроем, но наши отношения дали трещину. Элла и Миранда явно виделись летом, пусть в этом и не признавались. Я притворилась, что мне все равно, но чувствовала, как краснею и расплываюсь в фальшивой улыбке. Хотя Элле было далеко до крышесносного стиля Миранды, я заметила, что и она изменилась. Похоже, они вместе придумывали себе новые образы, а меня позвать не удосужились. Если честно, я всегда полагала, что подростковые обиды и ревность — не про меня, но во время обеда к горлу подкатил ком. А когда прозвенел звонок и я сказала им «до скорого», у меня дрогнул голос.

После школы

— Я слышала, мы тебя сегодня забираем? — сказала Миранда перед последним уроком.

Она только что села прямо за мной. Я совсем забыла, что вчера вечером моя мама позвонила маме Миранды и попросила подвезти меня из школы.

— Да уже не нужно, — ответила я. — Мама за мной заедет.

— А-а. Я думала, она занята с Ави.

— Выяснилось, что она успеет меня подхватить. Только что получила от нее смс. Так что все путем.

Я наврала, но не садиться же в машину к новой Миранде! После школы я юркнула в уборную, чтобы переждать, когда Миранда с мамой уедут. Через полчаса вышла из школы, пробежала три квартала до остановки автобуса, запрыгнула на М86 до западного входа в Центральный парк, а дальше — на метро.

Как только я переступила порог дома, на меня набросилась мама:

— Привет, доченька! Как школа? И куда вы пропали? Я уже волновалась.

— Заскочили в пиццерию. — Невероятно, как легко ложь слетает с губ.

— Ты одна, без Миранды? — недоумевала она. Как будто Миранда обязана всегда маячить у меня за спиной.

— Она поехала домой. Много задали.

— В первый же день?

— Да, в первый же день!

Мама застыла от удивления, а глаза у нее совсем округлились. Но прежде чем она открыла рот, я выпалила:

— Все хорошо, только школа ужасно громадная. Одноклассники вроде ничего. — Я хотела побольше всего на нее вывалить, чтобы у нее не возникало лишних вопросов. — А как у Ави?

Мама посомневалась, отвечать или нет: она все еще не оправилась от того, как я на нее рывкнула.

— Нормально, — медленно выдохнула она.

— Что значит «нормально»? Хорошо или плохо?

— Он говорит, хорошо.

— А почему ты думаешь, что плохо?

— Я такого не говорила! Боже, Вия, что с тобой?

— Забудь. Считай, что я вообще не спрашивала!

Я кинула рюкзак на пол, унеслась в комнату Ави и шваркнула дверью. Он играл на приставке, даже не поднял глаз. Терпеть не могу эти видеоигры, они его зомбируют!

Я подвинула Дейзи, чтобы сесть рядом с ним на кровать.

— Как тебе школа?

— Нормально.

Он все не отрывался от игры.

— Ави, я с тобой, кажется, разговариваю! — Я выхватила приставку у него из рук.

— Э, ты чего! — сердито завопил он.

— Как школа?

— Я же сказал, нормально! — И он забрал приставку обратно.

— С тобой хорошо обращались?

— Да!

— Никто не издевался?

Он опустил приставку и пристально посмотрел на меня, как будто я задала самый тупой вопрос на свете.

— С чего бы им надо мной издеваться?

Впервые в жизни он говорил так язвительно.

Я и не подозревала, что он так умеет.

Падаван повержен

А вечером Ави срезал свою «падаванскую» косичку. Не помню, почему это меня так разозлило. Я всегда посмеивалась над его одержимостью «Звездными войнами», а эта косичка с маленькими бусинками на конце вообще была нелепая. Но он так ей гордился: как долго пришлось ее растить и как он сам выбирал бусинки в магазине рукоделия на Манхэттене. Они с Кристофером, его лучшим другом, всегда играли только в «Звездные войны»: размахивали световыми мечами, собирали космические корабли из лего — и даже косички начали растить одновременно. Когда Август срезал косичку, без всяких объяснений, не предупредив меня (чего обычно не бывало) и даже не позвонив Кристоферу, я жутко расстроилась, сама не пойму с чего.

Иногда, когда Ави расчесывается перед зеркалом в ванной, он старательно пытается уложить каждый волосок. Поворачивает голову, рассматривает себя под разными углами, будто надеется отыскать себя под разными углами, будто надеется отыскать какой-то волшебный ракурс, который изменит пропорции его лица.

После ужина ко мне в комнату постучалась мама. Совсем измотанная — еще бы, ей пришлось метаться весь день между мной и Ави.

— Может, расскажешь мне, что стряслось? — спросила она ласково.

— Потом, ладно? — ответила я.

Я не хотела отрываться от книжки. И вообще устала. Может, потом я смогу рассказать ей о Миранде, но точно не сейчас.

Она подошла ко мне и поцеловала в макушку.

— Загляну к тебе перед сном.

— Можно Дейзи поспит сегодня со мной?

— Конечно, я принесу ее попозже.

— Приходи обязательно, не забудь! — сказала я, когда она уходила.

— Обещаю.

Но тем вечером она больше не объявлялась. Объявился папа. Он сказал, что мама сидит с Ави: все-таки у него сегодня был очень тяжелый день. Папа спросил, как все прошло у меня, и я сказала: хорошо. Он сказал, что не верит мне ни на секунду, и я призналась, что Миранда и Элла вели себя по-идиотски. (Хотя и умолчала, что возвращалась домой на метро.) Он ответил, что старшая школа — самое тяжелое испытание для дружбы, а потом принялся подтрунивать над тем, что я читаю «Войну и мир». Разумеется, дразнил он меня не по-настоящему, ведь я своими ушами слышала, как недавно он хвастался знакомым, что его дочери всего пятнадцать, а она уже читает Толстого. Но ему нравилось подшучивать над тем, что я читаю: он все интересовался, пролистываю ли я страницы про войну и пишут ли там что-нибудь о том, как Наполеон изобрел знаменитый торт, — в общем, болтал разные глупости. Папа любого умеет рассмешить. Иногда только это и нужно: сразу становится легче.

Он нагнулся поцеловать меня на ночь.

— Не злись на маму. Ты же знаешь, как она беспокоится об Ави.

— Знаю, — сказала я.

— Свет выключить или оставить? Уже поздно, — напомнил он, остановившись у двери.

— А принеси сначала Дейзи?

Через минуту он притащил Дейзи и уложил рядом со мной на кровать. И еще раз поцеловал меня в лоб.

— Спокойной ночи, доченька.

И Дейзи тоже поцеловал в лоб.

— Спокойной ночи, псина. Хороших снов.

Призрак в коридоре

Однажды посреди ночи мне захотелось пить — я встала и отправилась на кухню. А возвращаясь, увидела, что в коридоре, у комнаты Ави, стоит мама. Она упиралась лбом в приотворенную дверь, а ее рука лежала на ручке. Она не заходила и не выходила: просто стояла за дверью, будто прислушиваясь к звуку его дыхания. Свет в коридоре не горел, но на нее падали отблески голубого ночника Ави. Она была похожа на привидение. Или на ангела? Я попыталась тихонько проскочить мимо нее, но мама меня заметила.

— Ави в порядке? — спросила я. Иногда, случайно перевернувшись на спину, он просыпается от того, что давится собственной слюной.

— Да, с ним все хорошо, — сказала мама и обняла меня. Она проводила меня до кровати, укрыла одеялом и поцеловала. Она так и не объяснила, почему стояла за дверью, а я так и не спросила.

Интересно, сколько ночей она простояла у его двери? И интересно, у моей двери она хоть раз стояла?

Завтрак

— Заберешь меня из школы? — спросила я маму следующим утром.

Я ела рогалик, а она собирала Августу обед в школу (цельнозерновой тост с мягким сливочным сыром, потому что твердые сыры он есть не может), а Ави сидел за столом и жевал овсянку. Папа одевался на работу. Теперь у нас новый график передвижений: мы с папой утром едем на метро — и, значит, выбегаем на пятнадцать минут раньше обычного, — потом я выхожу на своей остановке, а он едет дальше. Забирать меня из школы должна мама на машине.

— Я хочу позвонить Мирандиной маме и попросить ее опять подбросить тебя до дома, — ответила мама.

— Нет! — воскликнула я. — Забери меня ты. Или я сама поеду на метро.

— Ты же знаешь, тебе еще рано ездить на метро одной, — сказала она.

— Мама, мне пятнадцать лет! Все в моем возрасте уже ездят!

— Да пускай едет! — крикнул папа из соседней комнаты.

— Но что сложного в том, чтобы попросить маму Миранды? — заспорила мама.

— Вия уже доросла до метро. — Папа вошел на кухню, повязывая галстук.

Мама смотрела на нас озадаченно.

— Что-нибудь случилось? — Она не обращалась ни к кому из нас в отдельности.

— Ты бы знала, если бы вернулась ко мне вечером! — крикнула я. — Как ты *обещала*.

— О боже, Вия. — Мама наконец-то вспомнила, как она меня вчера обманула. Она положила нож, которым резала для Ави виноградины на половинки (целыми он мог подавиться из-за маленького нёба). — Прости меня, пожалуйста. Я заснула в комнате Ави. А когда проснулась...

Я равнодушно кивнула:

— Да знаю я, знаю.

Мама подошла, обхватила ладонями мое лицо и заглянула мне в глаза.

— Прости меня. Мне очень стыдно, — прошептала она. Похоже, она не притворялась.

— Все нормально, — сказала я.

— Вия...

— Мам, все хорошо, — теперь я говорила искренне. Маме и вправду было так совестно, что я ее уже простила.

Она поцеловала и обняла меня, а потом снова взялась за виноград.

— Что-то не так с Мирандой? — спросила она.

— С ней-то все в порядке, но ведет она себя как полная кретинка, — ответила я.

— Миранда не кретинка! — встрял Ави.

— Много ты знаешь! — огрызнулась я. — Еще какая, уж поверь мне.

— Тогда договорились, я за тобой заеду, без проблем, — решительно заявила мама, сметая в пакет половинки виноградин. — Я же сперва так и хотела сделать. Заберу Ави из школы, а потом тебя. Мы приедем где-то в четверть четвертого...

Тут я ее перебила:

— Нет!

— Изабель, пусть Вия едет на метро. — Папа начал терять терпение. — Она уже большая девочка. Черт возьми, она почти всю «Войну и мир» прочитала!

— При чем тут «Война и мир»? — разозлилась мама.

— При том, что тебе не надо забирать ее на машине, как будто она маленькая, — серьезно ответил папа. — Вия, ты готова? Бери рюкзак и вперед.

— Готова. — Я надела рюкзак. — Пока, мама! Пока, Ави!

Я быстро поцеловала их обоих и направилась к двери.

— У тебя хоть есть проездной? — спросила мама мне вслед.

— Конечно, у нее есть проездной, — сказал папа. — Мамаша! Перестаньте квохтать, как наседка! Пока! — Он поцеловал ее в щеку. — Пока, большой человек. — Он поцеловал Августа в макушку. — Я горжусь тобой. Хорошего дня.

— Пока, папа! И тебе.

Мы с папой сбежали по ступенькам крыльца.

— Вия, позвони мне, когда будешь садиться в метро! — выкрикнула мама из окна. Я даже не повернулась, только помахала ей рукой, чтобы она знала, что я ее слышала. А папа повернулся и даже поднялся на несколько ступенек.

— «Война и мир», Изабель! — сказал он, улыбаясь и показывая на меня. — «Война и мир»!

Популярная генетика

Папина родня с обеих сторон — евреи из России и Польши. В начале двадцатого века бабушка и дедушка нашего дедушки, папиного папы — мы зовем его Де, — бежали от погромов и осели в Нью-Йорке. А родители Ба — папиной мамы — бежали от нацистов в сороковых годах и очутились в Аргентине. Де и Ба встретились на танцах в Нижнем Ист-Сайде, когда она приехала в Нью-Йорк в гости к родственникам. Они поженились, переехали в Бейсайд, это тоже район Нью-Йорка, и родили папу и дядю Бена.

Мамина родня из Бразилии. Кроме маминой мамы — моей прекрасной бабушки — и маминого папы Агосто, который умер до того, как я родилась, остальная семья — мамины роскошные тетушки, дядюшки и кузины с кузенами — живут в Верхнем Леблоне, шикарном пригороде к югу от Рио. Бабушка с Агосто поселились в Бостоне в начале шестидесятых и родили маму и тетю Кейт, которая вышла замуж за дядю Портера.

Мама с папой встретились в Брауновском университете и с тех пор вместе: Изабель и Нейт, неразлучная парочка. Они переехали в Нью-Йорк сразу после университета, через несколько лет родили меня, а когда мне было около года, поселились в кирпичном таунхаусе в Норт-Ривер-Хайтс, в самом модном из «семейных» районов Верхнего Манхэттена.

Ни у одного человека в нашей семье — из всего нашего экзотического генного коктейля — никогда не проявлялось ничего, что хоть как-то напоминало бы болезнь Августа. Я пересмотрела выцветшие фотографии давно умерших прабабушек в платках, черно-белые снимки каких-то дальних родственников в накрахмаленных льняных костюмах, солдат в форме, дам с пышными прическами, полароидные фотографии подростков в клешах и длинноволосых хиппи — и не отыскала ни малейшего намека на лицо Августа. Ни одного. Уже после того, как родился Август, мама и папа сделали генетический анализ. Им

сказали, что у Августа, похоже, ранее неизвестный тип «челюстно-лицевого дизостоза», вызванный «аутосомно-рецессивной» мутацией в гене TCOF1, который находится в пятой хромосоме, и плюс к этому гемифациальная микросомия окуло-аурикуло-вертебрального спектра. Иногда подобные мутации провоцируются чем-то во время беременности. Иногда наследуются от одного родителя, который несет доминантный ген. Иногда вызываются взаимодействием разных генов, возможно, в комбинации с факторами окружающей среды. Это называется многофакторным наследованием. В случае Августа доктора выявили одну из «делеционных мутаций», из-за которой все и произошло. И вот что удивительно: по виду ни за что не догадаешься, но этот мутантный ген есть у обоих наших родителей.

И у меня тоже.

Решетка Пеннета

Если у меня будут дети, то я передам им мутантный ген с вероятностью 50 %. Это не значит, что они будут выглядеть как Август, но они станут носителями копии этого гена: Август такой, потому что у него две копии дефектного гена и ни одной нормального. Если я выйду замуж за человека, у которого есть такой же ген, то получится вот что: с вероятностью 50 % наши дети унаследуют мутантный ген и будут выглядеть нормально, с вероятностью 25 % — не унаследуют гена вообще и с вероятностью 25 % — будут выглядеть как Август.

Если Август женится и у его жены не будет дефектного гена, то все их дети этот ген унаследуют, но никто не получит двойной дозы, как Август. То есть они будут выглядеть абсолютно нормально. А если у его жены будет дефектный ген, то у их детей этот ген проявится с вероятностью 50 %.

Все это объясняет лишь то, что объяснимо. Но есть и другая часть мутаций, которые достались Августу не по наследству — просто ему невероятно не повезло.

Вереницы докторов годами рисовали моим родителям решетки с крестиками и ноликами, чтобы проиллюстрировать генетическую лотерею. С помощью таких решеток генетики описывают механизмы наследования, рецессивные и доминантные гены, вероятности и возможности. Они, конечно, много знают, но не знают еще больше. Они могут попробовать предсказать вероятности, но не могут ничего гарантировать. Они используют термины «зародышевый мозаицизм», «хромосомная перестройка», «задержка мутации», чтобы объяснить, почему их наука — не точная. А вообще-то мне нравится, как говорят доктора. Нравится голос науки. Нравится, как словами, которых ты не понимаешь, объясняют вещи, которые ты не способен понять. А ведь за всеми этими мозаицизмами, хромосомными перестройками и задержками мутации — люди. Дети, которым не суждено родиться. Как моим.

Долой старый мир

Миранда и Элла от меня отвернулись. А повернулись — к компании пилонов, спортсменов и модниц. После недели мучительных обедов, где обе они только и

трещали о людях, которые меня не интересовали, я решила с ними порвать. Они не задавали мне никаких вопросов. Я им не врала. Просто пошла своей дорогой.

Спустя некоторое время я даже была этому рада. Хотя с неделю я не появлялась в столовой, чтобы не чувствовать себя неловко и не слышать фальшивых извинений: «Ой, Оливия, прости, у нас тут уже занято!» Лучше пересидеть обед в библиотеке и почитать.

Я закончила «Войну и мир» в октябре. Какая прекрасная книга! Некоторым кажется, что читать ее тяжело, но на самом деле это же ни дать ни взять мыльная опера с уймой персонажей: героев, которые влюбляются, сражаются за любовь, умирают за любовь. Я тоже хочу когда-нибудь так влюбиться. Хочу, чтобы мой муж любил меня так, как князь Андрей любил Наташу Ростову.

В конце концов я подружилась с девочкой по имени Элеанор: мы учились вместе в младших классах, но потом ходили в разные средние школы. Элеанор всегда казалась мне очень умной — правда, немножко плаксой, но в целом ничего. Я даже не догадывалась, как с ней может быть весело — с ней, конечно, не лопаешься со смеху, как с папой, но с чувством юмора у нее все в порядке. А она не представляла, какой легкомысленной могу быть я. Думала, я вся такая серьезная. И, как выяснилось, ей никогда не нравились Миранда и Элла. Она считала их воображалками.

Элеанор позвала меня за свой стол, и вот так я стала обедать с умниками. Компания была большая и разношерстная: тут был и Кевин — парень Элеанор, который когда-нибудь станет президентом класса, и несколько технарей, и девочки вроде Элеанор — редакторы ежегодного альбома выпускников и члены дискуссионного клуба, и тихий юноша по имени Джастин, который носит маленькие круглые очки и играет на скрипке. И в которого я с первого взгляда влюбилась.

А Миранда и Элла дружили теперь со своими пижонами. Сталкиваясь в коридоре, мы говорили друг другу: «Привет, как дела» и шли себе дальше. Изредка Миранда спрашивала меня, как поживает Август, и просила передать ему привет. А я никогда не передавала — не назло Миранде, а потому что у Августа теперь была своя жизнь. В то время мы с ним почти не пересекались, даже дома.

31 октября

Бабушка умерла вечером накануне Хэллоуина. Прошло уже четыре года, но для меня это по-прежнему самый грустный день. Для мамы тоже, хотя она в этом не признается. Чтобы не горевать, она с головой погружается в подготовку костюма для Августа, ведь Хэллоин — его самый любимый день в году.

Так было и в этот раз. Август очень хотел нарядиться героем «Звездных войн» Бобой Феттом, и мама с ног сбилась в поисках костюма: почему-то костюмы его размера всюду закончились. Она перерыла все онлайн-магазины, нашла несколько на eBay^[6] — по возмутительным ценам — и в конце концов купила в обычном магазине костюм Джанго Фетта и переделала его в костюм Бобы Фетта, выкрасив в зеленый цвет. В целом она угробила на это недели две. Мама никогда не делала костюмов для меня, но не будем об этом. Действительно, кого это волнует.

В Хэллоуин я проснулась, думая о бабушке: глаза у меня были на мокром месте. Папа все твердил, чтобы я поторапливалась и быстрее одевалась, и так меня издергал, что в конце концов я разревелась. Я просто хотела остаться дома.

Поэтому папа тем утром повел в школу Августа, а мне мама разрешила прогулять школу, и мы вдвоем поплакали. Одну вещь я знаю точно: как сильно я ни скучаю по бабушке, мама скучает по ней сильнее. Каждый раз, когда Август цеплялся за жизнь после операции, каждый раз, когда мы мчались в реанимацию, бабушка была рядом с мамой. Мне стало легче от того, что мы поплакали вместе. И, кажется, ей тоже. В какой-то момент мама предложила посмотреть «Призрак и миссис Мьюр», один из наших самых любимых черно-белых фильмов. Я согласилась, что это она здорово придумала. И, наверное, я бы обязательно рассказала маме о Миранде с Эллой, но, как только мы устроились перед телевизором, зазвонил телефон. Школьная медсестра сообщила, что у Августа разболелся живот и его надо забрать домой. Вот тебе и старые фильмы и разговоры по душам.

Когда мама привезла Августа, он сразу побежал в ванную, и его вырвало. Потом он лег в кровать и натянул одеяло на голову. Мама померила ему температуру, принесла горячего чаю и снова переключилась на роль «мамы Августа». «Мама Вии» промелькнула и исчезла. Но я не обижалась, ему и правда было плохо.

Никто из нас не поинтересовался, почему он надел в школу костюм Кровавого Крика, а не Бобы Фет-та. Если маму и огорчило, что доспехи, над которыми она трудилась две недели, валяются на полу, виду она не подала.

Сладость или гадость

Август сказал, что ему плохо и что вечером он не пойдет кланчить сласти. Бедняжка, я же знаю, как он любит ходить с детьми по домам, особенно когда на улице темнеет. Даже я, хотя уже давно выросла из хэллоуинского возраста, обычно надеваю маску и иду за ним по кварталу, чтобы понаблюдать, как он стучится в двери, Дрожа от радости. Это же единственный вечер в году, когда он — обычный ребенок. Никто не догадывается, что там, под маской. И Август на седьмом небе от счастья.

Я решила с ним поговорить и постучала в дверь его комнаты.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

Он не играл на приставке и не читал комиксов. Он лежал на кровати, уставившись в потолок. Дейзи, как всегда, растянулась рядом, положив голову ему на ноги. Костюм Кровавого Крика валялся на полу рядом с костюмом Бобы Фетта.

Я села на кровать.

— Как живот?

— Все еще болит.

— А может, хочешь сходить на хэллоуинский парад?

— Не хочу.

Это меня удивило. Вообще-то Август — стойкий оловянный солдатик: он катается на скейтборде спустя несколько дней после операции, спокойно

втягивает еду через соломинку, когда рот обмотан проволокой и не открывается. К одиннадцати годам он вытерпел столько уколов, принял столько лекарств и вынес столько процедур, что большинству людей хватило бы и на десять жизней. И вдруг отказывается от любимого развлечения из-за пустячной тошноты!

— Ты не хочешь рассказать, что случилось? — спросила я. Прямо как наша мама, один в один.

— Нет.

— Школа?

— Да.

— Учителя? Домашняя работа? Друзья?

Он молчал.

— Кто-то что-то сказал? — спросила я.

— Люди всегда что-то говорят, — буркнул он. Я поняла, что он вот-вот заплачет.

— Расскажи, что случилось, — повторила я.

И он рассказал. Мальчишки над ним потешались, а он слышал. Он плевать на них хотел — на другое он и не рассчитывал, — но его ранило, что один из этих мальчишек был его «лучший друг» Джек Тот.

Я помню, что Август его пару раз упоминал. Помню, как мама и папа говорили, что Джек хороший мальчик, и радовались, что у Августа есть такой Друг.

Я взяла его за руку и попыталась утешить.

— Чего на дураков обижаться. Уверена, он не имел в виду ничего плохого.

— Тогда зачем он это говорил? Получается, он все время притворялся моим другом. Попкинс, наверное, подкупил его хорошими оценками или грамоту обещал выдать. Спорим, он его умолял: «Джек, приятель, если подружишься с этим уродом, за все контрольные получишь „отлично“».

— Ты знаешь, что это неправда. И не называй себя уродом.

— Да какая разница! И зачем я вообще пошел в школу!

— Мне казалось, в школе тебе нравится.

— Я ее ненавижу! — Он вдруг яростно замолотил кулаками по подушке. — Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! — Он уже кричал во всю глотку.

Я ничего не ответила: не знала, что сказать. Ему было больно. Он злился.

Пусть побесится еще несколько минут. Дейзи принялась слизывать слезы с его лица.

— Ну-ну, Ави. — Я тихонько погладила его по спине. — Может, наденешь костюм Джанго Фетта и...

— Это костюм Бобы Фетта! Неужели нельзя запомнить?

— Бобы Фетта. — Я старалась говорить спокойно. Обняла его за плечи. — Идем на парад, хорошо?

— Если я пойду на парад, мама решит, что я уже выздоровел, и завтра отправит в школу.

— Мама никогда не отправит тебя в школу насильно, — ответила я. — Давай же, Ави. Идем. Будет весело, обещаю. И я отдам тебе все свои конфеты.

Спорить он не стал. Вылез из постели и принялся медленно натягивать костюм Бобы Фетта. Я помогла ему застегнуть все ремни, и к тому времени, как он надел свой шлем, ему уже стало лучше.

Время подумать

На следующий день Август продолжал притворяться, что у него болит живот. Признаться, мне было стыдно перед мамой, которая искренне верила, что у него кишечный вирус, но я пообещала Августу хранить секрет.

В воскресенье он все еще отказывался возвращаться в школу.

— А что ты скажешь маме и папе? — спросила я.

— Они же сами пообещали, что я могу бросить, как только захочу. — Он глядел не на меня, а в комиксы.

— Но это на тебя не похоже. Ты никогда не бросал то, чем занимался. — И это была чистая правда.

— Не пойду в школу.

— Тебе придется объясниться с родителями, — заметила я и вынула у него из рук комиксы, чтобы он смотрел на меня. — И потом мама позвонит в школу и все узнают, что произошло.

— Джеку влетит?

— Думаю, да.

— Так ему и надо.

Август удивлял меня все больше и больше. Он достал с полки другой комикс и начал его листать.

— Ави, — не сдавалась я. — Что, ты действительно бросишь школу из-за какой-то парочки придурков? Я знаю, тебе в школе нравилось. Не ходи у них на поводу. Не доставляй им такого удовольствия.

— Они даже не в курсе, что я их подслушал.

— И что?

— Вия, все нормально. Я знаю, что делаю. Я уже все решил.

— Но это бред! — отрезала я и вырвала у него очередной комикс. — Тебе нужно вернуться в школу. Время от времени все ее ненавидят. И я иногда ненавижу школу. И своих друзей. Такова жизнь, Ави. Ты хочешь, чтобы с тобой обращались, как со всеми? Именно так со всеми и обращаются! Иногда всем нам приходится тащиться в школу, даже если у нас там не ладится, понимаешь?

— Вия, а перед тобой тоже расступаются, чтобы не дай бог до тебя не дотронуться? — ответил он, и тут мне нечего было ответить. — Ага, так я и думал. И не сравнивай твоё «не ладится» и моё, понимаешь?

— Убедил, — сказала я. — Но мы же не соревнуемся, кому из нас хуже, Ави. Суть в том, что нам всем приходится терпеть. И если ты не хочешь, чтобы всю оставшуюся жизнь с тобой сюсюкали или носились, будто ты ребенок с особыми потребностями, — значит, ты должен смириться и идти в школу.

Он молчал, но, кажется, я его почти образумила.

— И ничего не говори этим мальчишкам, — продолжала я. — Август, ну сам подумай, это же так круто: ты знаешь, что они сказали, а они не знают, что ты знаешь, что они сказали, понимаешь?

— Чего-чего?

— Ты все прекрасно понял. Да ты вообще можешь с ними не разговаривать. И им будет невдомек почему. Видишь? Или можешь притвориться, что дружишь с ними, но в душе помнить, что они тебе не друзья.

— Как ты с Мирандой? — спросил он.

— Нет! — воскликнула я. — Миранде я никогда не врала.

— Так почему ты учишь врать меня?

— Ничего я не учу! Я говорю: как бы эти придурки ни донимали тебя, ты им не поддавайся. Вот и все.

— А Миранда тоже тебя донимала?

Я не выдержала и закричала:

— Тебя что, заело на Миранде? Я говорю с тобой о твоих друзьях. Пожалуйста, не приплетай сюда моих.

— Вы же с ней больше не дружите.

— Какое это имеет отношение к нашему разговору?

Август смотрел без всякого выражения, как кукла. Уставился на меня своими черными полуприкрытыми кукольными глазами.

— Она на днях звонила, — наконец произнес он.

Я не верила своим ушам.

— Что? И ты мне не сказал?

Он забрал у меня комиксы.

— Она звонила не тебе. А мне. Просто поздороваться. Спросить, как у меня дела. Она даже не знала, что я хожу в настоящую школу. Как ты могла ей не сказать? Она говорит, что вы с ней больше не общаетесь, как раньше. Но что она всегда будет меня любить как старшая сестра.

Я остолбенела. Потеряла дар речи. Наконец я смогла выдать:

— Почему ты молчал?

— Сам не знаю. — Он пожал плечами и опять открыл первую книжку комиксов.

— Если бросишь школу, я расскажу маме с папой про Джека Тота, — предупредила я. — Попкинс, скорее всего, вызовет тебя в школу, заставит Джека и остальных извиниться перед тобой на глазах у всего класса, и все будут обращаться с тобой как с бедняжкой, которому прямая дорога в спецшколу для детей с особыми потребностями. Ты этого хочешь? А нет — так возвращайся в школу и притворись, что ничего не случилось. Или выскажи все Джеку. В любом случае, если ты...

— Хорошо. Хорошо. Хорошо! — перебил он.

— Что хорошо?

— Я не брошу школу! — Он кричал, но не громко, вполголоса. — Перестань уже талдычить одно и то же. Можно я, наконец, почитаю?

— Пожалуйста! — ответила я. Повернувшись, чтобы выйти из комнаты, я кое-что вспомнила. — А обо мне Миранда что-нибудь говорила?

Он оторвал взгляд от комиксов и посмотрел мне в глаза.

— Она просила передать, что по тебе скучает.

Я кивнула.

— Спасибо, — бросила я небрежно. Я слишком смутилась, чтобы показать ему, как он меня осчастливил.

Часть третья Джун

Мы прекрасны,
И плевать, что говорят, —

Лживы все слова.

Кристина Агилера «Прекрасны» (Beautiful)

Чудаки

Ко мне подходили и спрашивали, почему я дружу с этим «уродцем». Но они ведь совсем его не знают. Знали бы — не обзывались.

А я всегда отвечала:

— Потому что он хороший! И не называйте его так.

Ксимена Ван как-то сказала:

— Ты святая, Джун! Я бы так не смогла.

— Да что тут такого? — Я искренне ее не понимала.

— Тебя мистер Попкинс попросил с ним дружить? — поинтересовалась Шарлотта Коуди.

— Нет. Я сама захотела, — ответила я.

Кто бы мог подумать, что наши обеды с Августом Пулманом никому не дадут покоя? Все вели себя так, будто я ежедневно совершала подвиг. Какие чудаки, даже удивительно.

Я к нему подсела, потому что мне стало его жалко. Только представьте: первый день в новой школе, и вот он сидит за столом совсем один — мальчик с такой невообразимой внешностью. Никто с ним не разговаривает. Все на него пялятся. Девочки за моим столом о нем шушукуются. Он не был единственным новичком в школе Бичера, но он был единственным, о ком все говорили. Джулиан дал ему кличку Зомби, и с тех пор все его так и звали: «Ну, ты уже видел Зомби?» Такие вещи распространяются мгновенно. И Август это знал. Новичкам и так тяжело, даже если у тебя нормальное лицо. А представьте, каково с лицом ненормальным?

Так что я взяла и села с ним рядом. Вот, собственно, и всё. Когда же наконец все вокруг перестанут охать, ахать и делать из меня героиню?

Он просто мальчик. На вид самый странный из всех, кого я встречала. Но просто мальчик.

«Чума»

Я, конечно, понимаю, что к лицу Августа надо привыкнуть. Мы уже сидим с ним две недели и, скажем так, он не самый аккуратный едок на свете. Но в остальном он очень даже милый. А еще вот что важно: мне его больше не жалко. Может, я и подсела к нему из жалости, но продолжаю сидеть совсем по другой причине. Я сижу рядом, потому что с ним легко и весело.

Что мне не нравится в пятом классе — это что многие делают вид, будто уже выросли из игр. На большой перемене им бы только «тусоваться» и «трепаться». А «треплются» они теперь исключительно о том, кто в кого влюбился и кто кому

подмигнул. Августа все это не волнует. На большой перемене он с удовольствием играет в «квадрат», а я «квадрат» просто обожаю.

Так я и узнала про «чуму». Видимо, это развлечение они придумали себе еще в начале года. У любого, кто случайно дотронется до Августа, есть всего тридцать секунд, чтобы вымыть руки или найти дезинфицирующую жидкость, а не то он подхватит «чуму». Точно не знаю, что случится, если ты все-таки заразился. Никто пока не «заболел», потому что никто не дотрагивался до Августа и до тех вещей, к которым он прикоснулся.

Я узнала об этом, когда Майя Марковиц призналась, почему она не хочет с нами играть в «квадрат» на большой перемене — она не хотела подцепить «чуму». Я спросила: «Какую чуму?» Вот она мне и объяснила. Я сказала Майе, что они ведут себя тупо, и она даже согласилась, но по-прежнему старалась не касаться мяча, который отбивал Август.

Вечеринка

Вот это да! Саванна пригласила меня на хэллоуинскую вечеринку!

Саванна, наверное, самая популярная девочка в школе. Она нравится всем мальчикам. Все девочки хотят с ней дружить. У нее первой в нашей параллели появился настоящий «парень», какой-то шестиклассник из соседней школы. Хотя она его уже бросила и теперь встречается с Генри Джоплином, что даже логично, потому что они оба выглядят совсем по-взрослому.

В общем я не из ее компании, но она меня почему-то позвала, и это очень круто. Когда я сказала Саванне, что получила ее приглашение и обязательно приду, она вроде бы даже обрадовалась, хотя тут же сообщила, что вечеринка только для своих и чтобы я не хвасталась всем подряд. Майю, например, не позвали. Еще Саванна сказала, чтобы я не напяливала костюм, и хорошо, что сказала, потому что я бы, естественно, нарядилась. Не единорогом — его я сделала для хэллоуинского парада, — а готкой, я и в школу собиралась так явиться. Но на вечеринке Саванны даже такой скромный костюм был под запретом. Все бы отлично, но мне придется пропустить хэллоуинский парад и, получается, зря я корпела над единорогом. Эх, жаль, конечно, ну да ничего, переживу.

А дальше было так. Когда я пришла на вечеринку, Саванна встретила меня на пороге и первым делом спросила:

— Ой, а где же твой парень, Джун?

О чем это она?

— Ему ведь и маска на Хэллоуин не нужна! — добавила Саванна.

И я поняла, что она говорит об Августе.

— Он не мой парень, — сказала я.

— Да знаю, знаю. Шучу! — Она поцеловала меня в щеку (все девочки в ее кругу теперь целуются в щеку при встрече) и забросила мою куртку на вешалку в коридоре. Потом взяла меня за руку и повела по лестнице вниз, в подвал, где проходила вечеринка. Ее родителей нигде не было.

В комнате сидели человек пятнадцать: все — друзья Саванны и Джулиана. Думаю, теперь, когда некоторые из них стали друг с другом встречаться, они как бы слились в одну большую суперпопулярную компанию.

Я даже не догадывалась, что у нас в параллели уже столько парочек. То есть я знала про Саванну и Генри, но Ксимена и Майлз? Элли и Амос? Элли ведь почти такая же плоская, как я, — ни груди, ничего нет.

Ну, не важно. В общем, через пять минут надо мной уже нависали Генри и Саванна.

— Выкладывай-ка, почему ты якшаешься с Зомби, — прогудел Генри.

— Он не зомби, — засмеялась я, как будто они шутили. Я улыбалась, но мне было совсем не весело.

— Знаешь, Джун, — хихикнула Саванна, — с тобой многие бы дружили, если бы вы не были с ним не разлей вода. Скажу по секрету: ты нравишься Джулиану. Он хочет пригласить тебя на свидание!

— Что?

— А он тебе нравится? Как думаешь, он симпатичный?

— Хм... Думаю, да. Симпатичный.

— Ну так тебе надо выбрать, с кем общаться, — сказала Саванна. Она говорила со мной, как старшая сестра с младшей. — Ты всем нравишься, Джун. Все считают тебя очень милой и очень, очень хорошенькой. Ты точно могла бы подружиться с нами, если бы захотела, и поверь мне, в нашей параллели многие девочки только об этом и мечтают.

— Я знаю, — кивнула я. — Спасибо.

— Пожалуйста, — ответила она. — Так я скажу Джулиану, чтобы он к тебе подошел и вы бы поболтали?

Я обернулась туда, куда она показывала, и увидела Джулиана, который посматривал на нас.

— Э-э, вообще-то мне нужно в туалет. Он у вас где?

Я заперлась в туалете, позвонила маме и попросила забрать меня отсюда.

— Все хорошо? — встревожилась мама.

— Ага. Я просто не хочу тут дольше оставаться.

Больше мама вопросов не задавала — сказала, что будет через десять минут.

— Не звони в дверь, — попросила я. — Лучше набери меня, когда подъедешь.

Я проторчала в туалете до тех пор, пока мама не позвонила мне по телефону. Потом я прокралась наверх, взяла куртку и выскользнула на улицу.

Было только полдесятого вечера. Хэллоуинский парад на Эймсфорт-авеню в самом разгаре. Всюду огромные толпы. Все в костюмах. Скелеты. Пираты. Принцессы. Вампиры. Супергерои.

И ни одного единорога.

Ноябрь

На следующий день я наплела Саванне, что съела какое-то тухлое пирожное и мне стало плохо, а она мне поверила. По школе и в самом деле ходил кишечный вирус, так что соврала я правдоподобно.

А чтобы она больше не сводничала, я сказала, что втюрилась в другого, и попросила ее передать Джулиану, что у нас, увы, ничего не получится. Она, конечно, пыталась вывести, в кого я влюбилась, но я ответила: тайна.

После Хэллоуина Август пропустил несколько дней в школе, а когда вернулся, с ним точно было что-то не так. За обедом он был сам не свой! Почти все время

молчал и смотрел в тарелку, когда я с ним разговаривала... Будто не хотел встречаться со мной взглядом.

В конце концов я не выдержала:

— Ави, что стряслось? Ты на меня злишься?

— Нет.

— Жалко, что ты заболел на Хэллоуин. Я по всей школе искала Бобу Фетта.

— Угу, заболел.

— Кишечный вирус?

— Похоже на то.

Он открыл книгу и уткнулся в нее. Не очень-то вежливо.

— Так здорово, что у нас будет Египетский музей! — сказала я. — Я ужасно волнуюсь, а ты?

Он помотал головой, изо рта полетели крошки. Я даже отвернулась, потому что жевал он так, будто нарочно старался есть попротивнее — рот набит, глаза прикрыты, — и я заражалась от него мрачным настроением.

— А что ты будешь делать для музея? — не сдавалась я.

Он пожал плечами, достал скомканную бумажку из кармана джинсов и щелчком перебросил ее ко мне.

Каждому в параллели достался какой-то древнеегипетский предмет или сооружение: мы должны были сами создать экспонаты для музея, который открывался у нас в школе на один день в декабре. Учителя написали названия на маленьких бумажках и положили их в круглый аквариум, а потом все пятиклассники собрались и по очереди тянули жребий.

Я развернула бумажку Ави.

— О, круть! — воскликнула я. Может, я немного и перестаралась с восторгами, но я же пыталась его взбодрить. — Ступенчатая пирамида в Саккаре!

— Ну да, — промычал он.

— А у меня Анубис, бог смерти.

— Это который с головой собаки?

— На самом деле он с головой шакала, — поправила я. — О, а хочешь мы будем вместе работать над экспонатами после школы? Например, у меня дома.

Он положил сэндвич на стол и откинулся на спинку стула. Даже не могу описать, как он на меня посмотрел.

— Знаешь, Джун, — произнес он. — Можешь больше не притворяться.

— Ты о чем?

— Тебе не обязательно со мной дружить. Я знаю, что тебя просил об этом мистер Попкинс.

— Да что за чушь ты мелешь?

— Никакую не чушь: можешь спокойно со мной не общаться. Я понимаю. Мистер Попкинс летом поговорил с вами и велел со мной дружить.

— Со мной он не говорил, Август.

— Говорил.

— Нет.

— Да.

— Не говорил! Клянусь! — Я подняла руки вверх, чтобы он видел, что я не скрещиваю пальцы. Он сразу же посмотрел вниз, мне на ноги, поэтому я сбросила утги: пусть видит, что пальцы на ногах я тоже не скрещиваю.

— На тебе колготки.

— Ты же видишь, что пальцы у меня не скрещены! — возмутилась я.

— Ну хорошо, хорошо. Зачем кричать-то?

— Понятно. Прости, пожалуйста.

— То-то же.

— Он что, правда с тобой не говорил?

— Ави!

— Все, больше не буду, извини.

Я бы еще долго на него злилась, но он рассказал мне о том, что случилось на Хэллоуин, и я уже не могла на него сердиться. В общем, он услышал, как Джек его предал. Теперь все понятно: и почему он мне грубил, и почему «проболел» несколько дней.

— Обещай, что никому не скажешь, — попросил он.

— Могила, — кивнула я. — Обещай, что больше не будешь себя со мной так вести.

— Честное слово, — сказал он.

И мы помирились.

Детям до шестнадцати смотреть запрещается

Я предупредила маму об Августе. Описала, как он выглядит. Я же знаю, что эмоции она скрывать не умеет, а Август сегодня первый раз придет к нам в гости. Я даже послала ей на работу письмо-напоминалку. Но, судя по тому, как у нее изменилось лицо, когда вечером она вернулась домой, я подготовила ее средненько. Она вошла, увидела Ави и застыла с открытым ртом.

Я тут же выпалила:

— Привет, мам, это Ави. Можно он останется у нас на ужин?

Она даже не сразу поняла, что именно я ей говорю, но в конце концов выдавила:

— Привет, Ави. Э-э... конечно, доченька. Если родители Ави разрешат.

На ее лице застыло выражение, с которым она смотрит новости про всякие ужасы.

Пока Ави звонил родителям, я ей прошептала:

— Мам, у тебя сейчас челюсть отвалится!

Мама прижала ладони к щекам, вдохнула, выдохнула и потом уже держалась получше. В общем, собралась и вела себя вполне мило.

Мы с Ави немного поработали над египетскими экспонатами, а когда устали, пошли отдыхать в гостиную. Ави рассматривал картины и фотографии над камином и увидел снимок меня с папой.

— Это твой папа?

— Ага.

— Я не знал, что ты... как это называется?

— Если политкорректно, то ребенок от межрасового брака.

— Точно. — Он снова поглядел на фотографию. — Твои родители развелись? Я его никогда не видел.

— Нет, — ответила я. — Он был сержантом морской пехоты. Погиб несколько лет назад.

— Ого! Я не знал.

Я протянула ему фотографию папы в форме.

— Ничего себе, сколько у него медалей.

— Он был что надо.

— Ох, Джун. Мне очень жаль.

— Да, без него плохо. Я по нему скучаю.

Он вернул мне фотографию:

— Понятно.

— А у тебя кто-нибудь умер? — спросила я.

— Только бабушка, но я не очень ее помню.

— Сочувствую.

Ави кивнул.

— Ты когда-нибудь думаешь про то, что случается с людьми, когда они умирают? — снова спросила я.

Он пожал плечами.

— Не особо. То есть, наверное, они попадают на небеса? Тогда моя бабушка сейчас там.

— А я много об этом думаю, — сказала я. — Я считаю, что после смерти души людей отправляются в рай, но только на время. Рай — это такое специальное место, где можно встретиться со своими друзьями и знакомыми, вспомнить старые добрые времена. Но потом души начинают размышлять о своей жизни на земле, о том, что они сделали хорошего и что плохого. А затем они опять рождаются в этом мире, совсем новыми младенцами.

— Зачем?

— Затем, что им дается возможность прожить следующую жизнь по-другому, — ответила я. — Шанс все исправить.

Он задумался, а потом уточнил:

— Как если ты завалил контрольную и тебе разрешают написать ее еще раз?

— В точку.

— Но когда они возвращаются, они же не выглядят так, как раньше? — поинтересовался он. — То есть внешность у них совсем другая, да?

— Ну да, — ответила я. — Душа остается прежней, но все остальное меняется.

— А что, мне нравится! — кивнул он. — Правда нравится, Джун. Значит, в следующей жизни мне не придется маяться с моей образиной.

Он показал на свое лицо и состроил такую забавную гримасу, что я рассмеялась.

— Наверное, не придется.

Он улыбнулся:

— Эй, а ведь я могу и красавчиком родиться. Только представь, а? Вернусь и буду супервысоким и суперсмазливым качком!

Я снова расхохоталась. Какой же он молодец! Не каждый умеет над собой иронизировать, и эта черта мне в Ави очень нравилась.

— Слушай, Ави, можно я кое о чем тебя спрошу?

— Давай.

Я молчала. Я уже давно хотела задать этот вопрос, но никак не решалась.

— Наверное, хочешь узнать, что у меня с лицом?

— Ага, наверное. Если, конечно, спрашивать об этом — нормально.

Он пожал плечами. Кажется, не разозлился и не обиделся. Фух, какое облегчение!

— А чего тут ненормального, — ответил он спокойно. — Главная штука называется челюстно-лицевой дизостоз — к слову, я целую вечность учился ее выговаривать. Но есть еще и вторая: ге-ми-фа-ци-альная микросомия — эту я и сейчас не могу выговорить. Они вроде как объединились и превратились в одну мегамутацию, которая такая редкая, что для нее даже нет названия. То есть не думай, что я хвастаюсь, но на самом деле я считаюсь чем-то вроде медицинского чуда.

Он улыбнулся.

— Это шутка. Можешь смеяться.

Я покачала головой.

— Ты смешной, Ави, — сказала я.

— Да, я такой, — ответил он гордо. — Я крутыш.

Египетский день

Весь месяц мы с Августом занимались вместе: после школы шли в гости то ко мне, то к нему. Пару раз родители Августа даже приглашали нас с мамой на ужин. И я как-то подслушала, что они собираются отправить маму на свидание с Беном, дядей Августа.

В «египетский день» мы все жутко нервничали. Накануне шел снег — не такой сильный, как перед Днем благодарения, но все равно, снег есть снег.

Спортивный зал превратился в огромный Египетский музей. Наши творения разместили на столах; рядом с каждым экспонатом стояла маленькая карточка с объяснением, что это такое. Большинство экспонатов удались, но, вот честное слово, наши с Августом были лучше всех. Моя скульптура Анубиса выглядела как настоящая, и я даже покрасила ее настоящей золотой краской. А Август построил свою ступенчатую пирамиду из кубиков сахара. Она была два фута в высоту, с основанием два на два фута, и он опрыскал ее из баллончика специальной краской, имитирующей песок. Просто блеск.

Мы все оделись в египетские костюмы. Кто-то нарядился археологом, похожим на Индиану Джонса. Кто-то — фараоном. Мы с Августом были мумиями: замотали лица бинтами и оставили только две маленькие дырочки для глаз и одну для рта.

Родители сначала топтались в коридоре перед спортзалом. Потом нам сказали, что музей открылся и каждый может провести своих взрослых; при этом свет в зале выключили, и мы должны были устроить им экскурсию с фонариками. Август и я водили наших мам вместе. Мы подходили к каждому экспонату, объясняя, что это такое, и шепотом отвечали на вопросы. А иногда, для пущего эффекта, держали фонарики под подбородком. Чей-то шепот из темноты, лучи мечутся по залу туда-сюда — все это было очень весело.

В какой-то момент я отбежала к питьевому фонтану. Чтобы попить, пришлось размотать лицо.

— Привет, Джун. Крутой костюм. — Ко мне подошел Джек. Он был одет как Рик О'Коннелл из «Мумии»: в белую рубашку и коричневые штаны с подтяжками.

— Спасибо.

— А вторая мумия — Август?

— Ага.

— Э-э... Слушай, ты, случайно, не знаешь, почему Август на меня злится?

— Угу.

— Угу — в смысле знаешь? Можешь мне сказать?

— Нет.

Он растерянно кивнул. Было видно, что он места себе не находит.

— Я обещала никому не говорить, — объяснила я.

— Так странно, — вздохнул он. — Я понятия не имею, почему он вдруг на меня взъелся. Ни малейшего. Может, хоть намекнешь?

Я обернулась: Август на другом конце зала разговаривал с нашими мамами. Нет, клятвы я не нарушу. Но и Джека мне жалко.

— Кровавый Крик, — прошептала я ему на ухо и сразу ушла.

Часть четвертая Джек

Вот мой секрет, он очень прост:

зорко одно лишь сердце.

Самого главного глазами не увидишь.

Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький Принц»^[7]

Звонок

В августе на нашем автоответчике обнаружилось сообщение мистера Попкинса, директора средней школы: он просил ему перезвонить. И мама сказала: «Наверное, он обзванивает всех новичков, поздравляет с поступлением», — а папа сказал: «Тогда ему придется неделю сидеть на телефоне». А потом мама набрала мистера Попкинса, и мне было слышно все, что она говорит. Вот в точности что она произнесла:

— О, здравствуйте, мистер Попкинс. Это Аманда Тот, вы просили перезвонить. *Пауза*. О, спасибо! Очень приятно. Он и сам ждет не дождется. *Пауза*. Да. *Пауза*. О, спасибо! Конечно. *Долгая пауза*. О-о-ох. Угу. *Пауза*. Ну, это так приятно слышать. *Пауза*. Конечно. Ох. О господи. О-о-ох. *Долгая-предолгая пауза*. Я понимаю, да. Уверена, что он согласится. Минуточку, записала. Я позвоню после того, как с ним поговорю, хорошо? *Пауза*. Нет-нет, это вам спасибо. До свидания!

Как только она положила трубку, я сразу же на нее накинулся:

— Ну, что случилось? Что он говорил?

Мама ответила:

— Все это очень лестно, но и грустно тоже. Видишь ли, есть один мальчик, который в этом году тоже поступил в школу Бичера, а раньше он никогда не ходил в настоящую школу, потому что обучался дома. И вот мистер Попкинс поговорил с учителями начальной школы, чтобы выяснить, кто из бывших четвероклассников самый добрый, и учителя, наверное, сказали ему, что ты замечательный мальчик — а я это всегда знала, — и сейчас мистер Попкинс спрашивает, готов ли ты первое время присмотреть за этим новичком.

— То есть с ним подружиться? — уточнил я.

— Именно. Он говорит, что ты будешь ему «школьным крестным».

— Но почему я?

— Я же сказала. Твои учителя рекомендовали тебя мистеру Попкинсу. И я так горжусь, что в школе тебя высоко ценят...

— А что тут грустного?

— О чем ты?

— Ты сама сказала: «Все это очень лестно, но и грустно тоже».

— Ой, да, — кивнула мама. — Кажется, у этого мальчика некая разновидность... м-м, похоже, что-то не так с его лицом... Не знаю, может, он попал в аварию. Мистер Попкинс сказал, что все объяснит, когда ты придешь в школу на следующей неделе.

— Сейчас же еще лето!

— Он хочет, чтобы ты встретился с этим мальчиком до того, как начнутся занятия.

— Мам, а я могу отказаться?

Мама, кажется, немного удивилась.

— Конечно, — сказала она. — Но это же доброе дело, Джек.

— Тогда я отказываюсь.

— Ты хотя бы подумай.

— Я думаю и понимаю, что не хочу ни с кем нянчиться.

— Ну, заставлять я тебя не буду, — сказала она. — Но, пожалуйста, подумай еще немного, хорошо? Сегодня я не буду звонить мистеру Попкинсу, так что просто поспи с этой мыслью. В конце концов, что тут трудного — провести немного времени с новичком...

— Он не просто новичок, — ответил я. — Он урод.

— Джек, как ты можешь так говорить!

— Но это правда, мам.

— Ты его даже не знаешь!

— Нет, знаю, — сказал я, потому что, как только она начала о нем говорить, я понял, что речь идет об Августе.

У магазина мороженого

Я помню, как впервые его увидел — у магазина мороженого «Карвел» на Эймсфорт-авеню, мне было лет пять или шесть. Мы с Вероникой, нашей няней, сидели на скамейке, а мой младший брат Джейми — в коляске лицом к нам. Я был так занят своим мороженым, что даже не заметил людей, которые сели рядом. Но в какой-то момент я повернул голову, чтобы высосать подтаявшее

мороженое из кончика вафельного рожка, — вот тут-то я и увидел Августа. Он был совсем близко. Я знаю, что дал маху, но, когда я его увидел, я как-то глупо ойкнул, потому что, честно, очень испугался. Я решил, что он надел маску зомби или еще какого-нибудь страшилища: так ойкаешь, когда смотришь ужасы и нечисть внезапно выскакивает из кустов. Ну, в общем, неважно получилось, и хотя Август меня не услышал, его сестра все просекла.

Вероника схватила меня за руку.

— Джек! Нам пора!

Она встала и развернула коляску, потому что Джейми, очевидно, тоже собирался брякнуть что-то неприличное. Так что я вскочил как ужаленный и побежал за Вероникой, которая уже неслась прочь.

Я услышал, как мама Августа ласково сказала: «Ну, ребята, думаю, нам тоже пора», и оглянулся, чтобы посмотреть на них еще раз. Мальчик лизал мороженое, мама поднимала его самокат, а сестра сверлила меня взглядом, будто хотела убить. Я быстро отвернулся.

— Вероника, а что с тем мальчиком? — спросил я.

— Тс-с-с, помолчи! — сердито цыкнула она. Я люблю Веронику, но когда она злится, она *злится*. Тем временем Джейми почти вываливался из коляски, пытаюсь еще разок увидеть Августа, а Вероника яростно мчалась вперед.

— Вианика... — пролепетал Джейми.

Вероника заговорила, только когда мы отошли подальше.

— Вы, мальчики, очень гадкие! Очень гадкие! Как вы его разглядывали!

— Я не специально! — сказал я.

— Вианика, — повторил Джейми.

— И как мы от них удрали! — бормотала Вероника. — О боже, бедная женщина. Мальчики, послушайте меня. Каждый день мы должны благодарить Господа за все его милости, за все, что он нам дает. Слышите меня?

— Вианика!

— Что такое, Джейми?

— Сейчас Хэллоуин?

— Нет, Джейми.

— А почему мальчик в маске?

Вероника не ответила. Иногда, когда она злилась, то просто молчала, и все.

— Он не в маске, — объяснил я Джейми.

— Ш-ш-ш, Джек, — шикнула Вероника.

— Почему ты так сердишься? — не удержался я.

Я думал, она рассвирепеет еще больше, но она лишь покачала головой.

— Мы поступили плохо, мы плохо ушли. Сорвались, как будто нам дьявол явился. Я-то испугалась, что Джейми тоже что-то ляпнет, понимаешь? Я не хотела, чтобы он своими словами ранил того мальчишечку. Но это очень, очень плохо так взять и уйти. Его мама все поняла.

— Мы же не специально, — сказал я.

— Джек, иногда мы обижаем людей не специально, но все равно обижаем. Понимаешь?

Вот так я и увидел Августа впервые в нашем квартале — может, конечно, я его видел и раньше, но забыл. С тех пор я время от времени на него натыкался: пару

раз на детской площадке, несколько раз в парке. Кажется, иногда он носил космонавтский шлем. Но я всегда знал, что под шлемом — он. И все остальные дети в нашей округе знали, что это он. Все рано или поздно повстречались с Августом. Мы все знали его имя, хотя он наших не знал.

И каждый раз, когда я его встречал, я старался помнить о том, что нам говорила Вероника. Но это трудно. Когда его видишь, трудно не бросить исподтишка еще один взгляд. Трудно вести себя как обычно.

Почему я передумал

— А кому еще позвонил мистер Попкинс? — спросил я маму позже вечером. — Он тебе сказал?

— Упомянул Джулиана и Шарлотту.

— Джулиана! Фу-у...

— Ты же вроде с ним дружил! — удивилась мама.

— Мам, это было в детском саду. Джулиан — самый большой подхалим на свете. Он из кожи вон лезет, чтобы всем понравиться.

— Ну, по крайней мере Джулиан согласился помочь этому мальчику. Нужно отдать ему должное.

Я промолчал, потому что она была права. А потом снова спросил:

— А Шарлотта? Тоже согласилась?

— Ну да, — сказала мама.

— Еще бы. Шарлотта у нас такая паинька, — проворчал я.

— О боже, Джек, — вздохнула мама. — Тебе не угодить.

— Просто... Мам, ты понятия не имеешь, как выглядит этот парень.

— Могу представить.

— Нет! Не можешь. Ты никогда его не видела. А я видел.

— А если он не тот, о ком ты думаешь?

— Это точно он. Говорю тебе, он очень, *очень* страшный. Безобразный, мам. Глаза вот здесь внизу. — Я показал на щеки. — И ушей нет. А рот как...

Тут на кухню вошел Джейми и полез в холодильник за соком.

— Вот хоть Джейми спроси, — предложил я. — Джейми, а Джейми, помнишь того мальчишку, которого мы встретили в прошлом году в парке после школы? У которого жуткое лицо? Его еще Августом зовут?

— О! — Глаза у Джейми округлились. — Из-за него мне приснился плохой сон. Помнишь, мамочка? Как мне снилось про зомби в прошлом году?

— Я думала, это из-за какого-то фильма ужасов, — сказала мама.

— Нет, из-за мальчика! Когда я его увидел, то заорал «А-а-а» и убежал...

Мама вдруг нахмурилась:

— Погоди-ка. Прямо перед ним взял и заорал?

— Это не я, оно само вырвалось!.. — захныкал Джейми.

— Очень даже ты! — Было видно, что мама еле сдерживается. — Мальчики, я ужасно разочарована тем, что сейчас услышала. Сами подумайте: он обыкновенный мальчик — такой же, как вы! Вы можете вообразить, как он расстроился, когда Джейми с криками от него удрал?

— Я негромко кричал, — оправдывался Джейми. — Вот так: «А-а-а!...»

Он схватился за голову и стал носиться по кухне кругами.

— Джейми, прекрати! — одернула его мама. — А я-то считала, что мои сыновья — добрые и отзывчивые. Получается, что я ошибалась.

— Мамочка, ну он же такой урод, — сказал Джейми.

— Джейми! — прикрикнула мама. — Что за словечки! Забирай свой сок и отправляйся к себе в комнату. Я хочу поговорить с Джеком наедине.

Я понял, что меня ожидает длинная речь.

Когда Джейми ушел, мама начала:

— Послушай, Джек...

— Хорошо, я с ним подружусь, — перебил я.

— Что? Подружишься? — Мама даже опешила от неожиданности.

— Да.

— Так я звоню мистеру Попкинсу?

— Да! Мам, я же сказал: да.

Мама улыбнулась:

— Я знала, что ты не подведешь. Молодец. Я тобой горжусь. — Она взъерошила мне волосы.

А передумал я не для того, чтобы избежать маминых нотаций. И не для того, чтобы защитить Августа от Джулиана, который, я не сомневался, устроит какую-нибудь подлянку. Просто пока Джейми рассказывал и показывал, как он бежал и кричал «А-а-а», я вдруг почувствовал себя из рук вон плохо. Дело в том, что придурки вроде Джулиана будут всегда. Но если даже Джейми, который вообще-то совсем не злой, поступает так жестоко, то получается, у Августа нет ни единого шанса выжить в средней школе.

Четыре вещи

Во-первых, к его лицу привыкаешь. Первые дни я думал: «Ух! Всю жизнь буду от него шарахаться!» А через неделю уже думал: «Хм, не так уж и страшно».

Во-вторых, он на самом деле очень прикольный. Например, учитель что-то вещает на уроке, а Август шепчет мне что-нибудь уморительное: никто больше не слышит, а я помираю со смеху. Да он и вообще хороший. С ним легко и весело, и обо всем можно поговорить.

В-третьих, он очень умный. Я думал, он будет отставать, ведь раньше он в школу не ходил. Но почти по всем предметам его оценки лучше моих. То есть, может, он и не круглый отличник, как Шарлотта или Ксимена, но мозги у него варят. И, не в пример тем же Шарлотте и Ксимене, он дает мне списывать, если я прошу (хотя просил я всего-то пару раз). Однажды он даже дал мне списать свою домашку — правда, за это нам обоим влетело после уроков.

— У вас совпадают все ошибки во вчерашней домашней работе! — отчитывала нас мисс Рубин и глядела так, будто ждала объяснений. А что мне отвечать, не говорить же: «Это потому что я списал у Августа». Но Август соврал, чтобы меня спасти. Он сказал: «Так мы же вчера вместе делали уроки!» — чистая ложь, как вы понимаете.

— Ну, вместе делать уроки — это замечательно, — ответила мисс Рубин. — Но каждый должен выполнять свою домашнюю работу самостоятельно. Вы можете сидеть рядом, но не писать одну работу на двоих. Усвоили?

Когда мы вышли из кабинета, я сказал:

— Чувак, спасибо.

А он:

— Да без проблем.

Круто.

В-четвертых, теперь, когда я познакомился с Августом поближе, я понял, что на самом деле хочу с ним дружить. Сначала, чего уж скрывать, я общался с ним только из-за того, что мистер Попкинс попросил меня за ним «присмотреть». Но теперь Август мне просто нравится. Он смеется над моими шутками, и я чувствую, что могу рассказать ему все что угодно. Он надежный друг. Если бы все ребята из пятых классов выстроились в ряд и надо было выбрать, с кем я хочу дружить, я выбрал бы Августа.

Бывшие друзья

Кровавый Крик? Какого черта? Джун Доусон всегда была немного с приветом, но она что, совсем сбрендила? Я всего-то спросил, почему Август на меня обижается. Думал, она знает. А она: «Кровавый Крик».

Дичь какая-то: сегодня мы с Августом друзья, а завтра — бац! — и он едва со мной разговаривает. И у меня ни малейшей идеи почему. Я ему: «Послушай, Август, ты что, на меня злишься? Обижаешься?» — а он пожал плечами и ушел. Ну точно, обижается. А я хоть тресни не могу сообразить, что же я такого сделал. Вот и решил спросить у Джун. И все, что я из нее выудил, — «Кровавый Крик». Да уж, низкий поклон тебе, Джун, за помощь.

Знаете, у меня полно друзей в школе. И если Август хочет со мной раздружиться, пожалуйста, не возражаю. Теперь я его в упор не вижу — точно так же, как он меня. Хотя это не просто, ведь мы сидим рядом почти на всех уроках.

Все заметили, что мы поссорились, и стали ко мне приставать: что да как и почему. К Августу никто не приставал. С ним же почти никто не разговаривает. То есть единственный человек кроме меня, с которым он общается, это Джун. Иногда с ним болтает Росс Кингсли, и два Макса пару раз играли с ним в «Подземелья и драконы». Паинька Шарлотта только кивает, когда встречается с ним в коридоре, — и все. А может, народ еще продолжает играть в «чуму» за его спиной — точно не знаю, про «чуму» ведь мне никто никогда не рассказывал напрямую. Все это я говорю к тому, что с друзьями у него дефицит и заменить меня ему нечем. Если ему вздумалось меня футболить, ну и пусть, он сам и останется в дураках, а не я.

Вот какие у нас сейчас отношения: говорим только о школьных делах и только если без этого никак не обойтись. Я, например, спрашиваю: «Что нам Рубин задала на дом?» — а он отвечает. Или он спрашивает: «Можно воспользоваться твоей точилкой?» — и я достаю точилку из пенала. Но как только звенит звонок, мы расходимся в разные стороны.

Зато теперь я стал общаться много с кем еще. Раньше, когда я все время проводил с Августом, многие меня сторонились, чтобы не приближаться к нему. И от меня скрывали, например, эту их «чуму». Похоже, я один не принимал в ней участие: ну, еще Джун и, может, подземельно-драконья компания. С ним просто не хотят дружить, хоть и не признаются. Рвутся дружить с теми, кто всем

нравится, а Август — на другом полюсе, он не нравится почти никому. Но я-то сейчас могу общаться с кем мне заблагорассудится. Захочу — могу стать своим в любой компании, даже самой популярной.

Чем это плохо? Тем, что на самом деле: а) меня не так уж тянет в популярные компании; и б) мне нравится дружить с Августом.

Похоже, я запутался. И во всем виноват Август.

Снег

Первый снег выпал в конце недели накануне Дня благодарения. Из-за этого занятия в пятницу отменили, и у нас образовался лишний выходной. Вот повезло! К тому же я так психовал из-за Августа, что мне нужно было какое-то время не видеть его, чтобы успокоиться. А еще я ужасно люблю просыпаться в снежный день. Открываешь утром глаза, и все кажется не таким, как обычно, но ты пока не знаешь почему. Потом тебя осеняет: тишина. Машины не сигналият. Автобусы не тарахтят. Подбегаешь к окну, а снаружи все белое: тротуары, деревья, машины, карниз под окном. А лучше всего, если снег выпадает в будний день и в школе отменяют занятия, — я всегда буду этому радоваться, даже когда стану совсем взрослым. И я никогда не буду одним из тех зануд, которые прячутся от снега под зонтом, — никогда.

Школа, в которой работает папа, тоже закрылась, поэтому он повел нас с Джейми кататься на санках со Скелет-горы в парке. На ней, говорят, один мальчик несколько лет назад сломал себе шею, но я не знаю, правда это или байка. По дороге домой я увидел искореженные деревянные санки, которые кто-то прислонил к древнему индейскому камню — есть такой у самого подножия горы. Что-то мне подсказывало, что если удастся их починить, то это будут самые лучшие санки на свете. Папа сказал: «Чего мусор собирать», но все-таки разрешил мне взять их с собой, и остаток дня я с ними возился. Сломанные планки скрепил суперклеем и для прочности обмотал широкой клейкой лентой белого цвета. Потом покрасил санки белым спреем, который остался у меня от статуи Сфинкса — я ее делал для Египетского музея. Когда краска высохла, я вывел посередине сиденья золотыми буквами «МОЛНИЯ», а сверху нарисовал маленькую золотую сверкающую молнию. Хвастаться, конечно, нехорошо, но получилось классно. Папа аж присвистнул: «Ничего себе, Джеки! Ты был прав, санки отличные!»

На следующий день мы вернулись на Скелет-гору уже с «Молнией». На таких быстрых санках я еще в жизни не катался — они были в сто раз быстрее наших старых пластиковых ледянок. На улице потеплело, и снег стал плотнее и мокрее: получилась идеальная, утрамбованная трасса. Мы с Джейми гоняли на «Молнии» весь день. Торчали в парке, пока от холода пальцы не задубели, а губы не посинели. И то папа волок нас домой волоком.

К концу выходных снег посерел и пожелтел, а затем ливень превратил сугробы в жидкую грязь.

А когда в понедельник после Дня благодарения мы пошли в школу, на улицах остались одни лужи.

С неба сыпал мелкий дождь. Было мерзко и слякотно. И внутри у меня было так же.

Когда я увидел Августа у шкафчиков, я ему кивнул. Он кивнул в ответ. Я хотел рассказать ему о «Молнии», но не рассказал.

Удача сопутствует смелым

Декабрьская максима мистера Брауна гласила: «Удача сопутствует смелым». Нам задали написать о каком-нибудь храбром поступке, который мы совершили и из-за которого с нами случилось что-то хорошее.

Я много об этом думал. По совести говоря, мой самый храбрый поступок — дружба с Августом. Но разве об этом напишешь? А вдруг нам придется читать сочинения вслух или мистер Браун повесит их на стенд — такое уже случалось. Короче, вместо правды я накалякал какую-то чепуху о том, как боялся океана, когда был маленький. Тупо, да, но ничего лучшего я из себя выжать не мог.

Интересно, о чем написал Август. Уж ему-то есть из чего выбрать.

Частная школа

Мои родители совсем не богатые. Это я говорю затем, что многие думают: если ты ходишь в частную школу, значит, у тебя денег куры не клюют, — но это не про нас. Папа у меня учитель, а мама социальный работник — и ежу понятно, что больших денег они не заколачивают. Раньше у нас была машина, но мы ее продали, когда Джейми тоже пошел в школу Бичера, в подготовительный класс. Мы живем не в особняке и не в шикарном небоскребе возле парка и с круглосуточным швейцаром. Ютимся на последнем этаже пятиэтажки без лифта, квартиру снимаем — у старушенции со странным именем «Донья Петра», и вообще живем «по ту сторону Бродвея» — так называют самые захудалые кварталы Хайтс, где никто даже не хочет парковаться. У нас с Джейми одна комната на двоих. Я время от времени слышу, как родители говорят друг другу: «Ну что, еще годик без кондиционера протянем?» или «Может, этим летом удастся поработать на двух работах».

Так вот, сегодня на большой перемене я околачивался в коридоре с Джулианом, Генри и Майлзом и их приятелями. Джулиан — а он очень богатый, это ни для кого не секрет — проворчал: «Тьфу, опять мне тащиться в Париж на Рождество. Тоска смертная».

— Старик, но это же Париж! — ляпнул я как полный идиот.

— Такая скучища, поверь, — зевнул он. — У моей бабушки свой дом в каком-то захолустье. Час езды от Парижа, в крошечной, ничтожнейшей деревушке. Там *ничего* не происходит, клянусь! «О, вот это да! Еще одна муха села на обои! Ух ты, гляди-ка! На улице дрыхнет незнакомая собака. Ура!»

Я рассмеялся. Все-таки острить Джулиан умеет.

— Правда, в этом году мои предки подумывают забить на Париж и устроить большую вечеринку тут, — продолжал он. — Очень на них надеюсь. А ты что делаешь на каникулах?

— Да ничего особенного, — сказал я.

— Вот везет.

— Надеюсь, снова пойдет снег. У меня новые санки, мировые. — Я уже собирался хвастануть «Молнией», но тут встрял Майлз:

— И у меня новые! Папа купил их в «Хэммекер Шлеммер». Последнее слово техники!

— Какая еще техника, если это санки? — хмыкнул Джулиан.

— Так они стоят долларов восемьсот.

— Ого! Тогда да.

— Нам надо пойти на Скелет-гору и устроить саночные гонки! — предложил я.

— Разве это гора? Так, холмик, — фыркнул Джулиан.

— Шутишь? — удивился я. — На ней кто-то даже шею свернул. Поэтому она так и называется.

Джулиан глянул на меня как на последнего болвана.

— Она называется Скелет-гора, потому что там было старое индейское кладбище, все это знают. А теперь ее пора уже переименовать в Отстойную гору или Дрянь-гору. В прошлый раз там всюду валялась разная дрянь: банки из-под газировки, какие-то пакеты...

— А я бросил там свои старые сломанные санки, — добавил Майлз. — Такая рухлядь, и, представь, кто-то их прихватил!

— Бомжу покататься захотелось! — загоготал Джулиан.

— А где ты их оставил? — спросил я.

— У большого камня, под горой. Возвращаюсь на следующий день — а их уже нет. Можешь поверить? Кому вообще они нужны?

— Вот что, — сказал Джулиан. — В следующий раз, как пойдет снег, мой папа отвезет нас в свой гольф-клуб, там у них в конце поля такие горы, рядом с которыми Скелет-гора — хилый бугорок. Эй, Джек, ты куда?

Я уже отошел на несколько шагов.

— К шкафчику за учебником, — соврал я.

На самом деле я хотел побыстрее от них смыться. Не хотел, чтобы кто-нибудь догадался, что тот бомж с санками — это я.

Естествознание

Я не самый лучший ученик на свете. Знаю, некоторые обожают школу, но только не я. Кое-что в школе мне нравится, например физкультура и информатика. Еще обед и перемены. Но в целом мне и без школы было бы неплохо. А больше всего я ненавижу домашние задания. Мы и так дни напролет сидим на уроках и боремся со сном, пока нам забивают головы всякой ерундой, которая, скорее всего, в жизни нам не пригодится: например, как вычислить площадь поверхности куба и какая разница между кинетической и потенциальной энергией. Кому какое дело? Мои родители, например, ни разу при мне даже слова такого не произносили — «кинетический»!

А из предметов я больше всего ненавижу естествознание. Там столько приходится вкалывать, что совсем уже не до смеха. И мисс Рубин придирается — даже к тому, как выглядят заголовки тем в тетрадах! Однажды она снизила мне оценку за домашку, потому что я забыл поставить дату. В общем, дурдом.

Когда мы с Августом еще дружили, я получал неплохие отметки по естествознанию, потому что Август всегда давал мне переписывать свои конспекты, сам я за миссис Рубин не поспеваю. А почерк у него такой

аккуратный, я ни у кого такого не видел, ну конечно, девчонки не в счет. Ровные буквы с круглыми петельками. Но сейчас мы больше не друзья и я у него не списываю, поэтому-то и оценки у меня не ахти какие.

Ну так вот, сегодня я пытался вникнуть в то, что вещала мисс Рубин, и записать это в тетради (а почерк у меня хуже некуда), когда вдруг она заговорила о Научной ярмарке для пятых классов и о том, что каждому из нас надо выбрать научный проект, над которым он будет работать.

Она говорила и говорила, а я все думал: «Какая еще Научная ярмарка?! Мы же только что покончили с Египетским музеем!» А потом у меня в голове пронеслось: «О, не-е-ет!» Я был как тот мальчишка из фильма «Один дома» — челюсть отвисла, а ладони прижаты к щекам. Ну, то есть это лицо я делал внутри. И еще я подумал о белых вытянутых лицах призраков: рот широко открыт в крике. Где-то я такое недавно видел. И вдруг у меня в голове промелькнула картинка, воспоминание, и меня осенило: я понял, что сообщала мне Джун своим «Кровавым Криком». Почему же до меня дошло только сейчас? На Хэллоуин кто-то в классе был одет Кровавым Криком. Я помню, он же стоял недалеко от меня. А потом куда-то делся, и я его больше не видел.

О черт. Это был Август!

Прозрение нашло на меня на естествознании, во время рассказа о Научной ярмарке.

О черт.

А я трепался про него с Джулианом. О черт. Теперь я дочухал! Какой же я гад! И кто меня только за язык тянул? Даже не помню, что именно говорил, но ничего хорошего. И говорил-то совсем недолго: минуту или две. Просто я знал, что Джулиан и его друзья думают, что я больной, раз все время провожу с Августом, ну и стал оправдываться. О господи. Он же собирался прийти в костюме Бобы Фетта. Будь там Боба Фетт, я бы ни за что себя так не повел. Но это был точно он — этот Кровавый Крик. И он слушал нас и глядел на нас. Длинная белая маска с фальшивой струйкой крови. Разинутый рот. Как будто он плачет. Это был он.

Меня сейчас вырвет.

Напарники

Из речи мисс Рубин до меня доносились лишь отдельные слова. Бла-бла-бла. Научная ярмарка. Бла-бла-бла. Напарники. Бла-бла-бла. Как взрослые разговоры в фильмах Чарли Брауна. Как будто кто-то говорит под водой. Буль-буль-буль, буль-буль.

И вдруг мисс Рубин начала называть имена.

— Росс и Тристан, Майя и Макс, Шарлотта и Ксимена, Август и Джек. — Она показала на нас. — Майлз и Амос, Джулиан и Генри, Саванна и...

Дальше я не слушал.

— Что? — сказал я.

И тут прозвенел звонок.

— Не забудьте договориться с напарниками о том, какой проект вы выбираете! — добавила мисс Рубин, когда все начали вставать с мест. Я посмотрел на Августа, но он уже нацепил рюкзак и был почти у двери.

Наверное, я так и стоял столбом, потому что Джулиан подошел ко мне и ухмыльнулся:

— Бедняжка, тебе твоего дружка еще и в напарники навязали.

Я молчал. Как же я его ненавидел в эту минуту!

— Прием, прием! Земля вызывает Джека Тота! Прием!

— Заткнись, Джулиан! — Я запихивал тетрадь в рюкзак и хотел только одного: чтобы он отвалил.

— Да, тебе не позавидуешь, — не унимался он. — Вот что, скажи мисс Рубин, что хочешь поменяться напарниками. Она разрешит.

— Не разрешит, — буркнул я.

— А ты спроси.

— Не хочу.

— Мисс Рубин? — Джулиан поднял руку.

Мисс Рубин перестала стирать с доски и обернулась.

— Джулиан, нет! — прокричал я шепотом.

— Что такое, мальчики? — спросила она нетерпеливо.

— А мы же можем поменяться напарниками? У нас с Джеком есть идея для Научной ярмарки, и мы хотим поработать над ней вместе... — И смотрит на нее такими невинными глазами.

— Хорошо, думаю, это возможно... — начала она.

— Нет-нет, все в порядке, мисс Рубин, — выкрикнул я и рванул к двери. — До свидания!

Джулиан побежал за мной.

— Ты с дуба рухнул? — сказал он, догнав меня на лестнице. — Мы могли бы быть напарниками. Не стоит тебе нянчиться с этим уродцем, если ты сам не хочешь прослыть, ну, знаешь...

И вот тогда я его ударил. Прямо в челюсть.

Нельзя объяснить

Некоторые вещи просто нельзя объяснить. Ты даже и не пытаешься. Не знаешь, откуда начать. Только откроешь рот, и все фразы сплетутся в громадный запутанный клубок. Любое произнесенное слово будет враньем.

— Джек, ты совершил очень, очень серьезный проступок, — говорил мистер Попкинс.

Я сидел у него в кабинете: съезжился на стуле и глядел на рисунок тыквы на стене.

— За такое обычно исключают, Джек! Я знаю, ты хороший парень, и хочу, чтобы ты продолжал учиться в нашей школе, но ты должен объясниться.

— Это так на тебя непохоже, Джек, — говорила мама. Она примчалась с работы, как только ей позвонили. Она явно не понимала, что произошло: то сердилась, то удивлялась.

— Я думала, вы с Джулианом дружите, — сказал мистер Попкинс.

— Мы не дружим, — отрезал я.

— Но бить в челюсть, Джек? — Мама повысила голос. — О чем ты думал? — Она посмотрела на мистера Попкинса. — Раньше он никогда ни с кем не дрался. Он не такой.

— Джек, ты разбил Джулиану губу до крови, — вздохнул мистер Попкинс. — И вышиб ему зуб, ты в курсе?

— Всего-то молочный, — пробормотал я.

— Джек! — Мама покачала головой.

— А что, так сказала медсестра Молли!

— Да какая разница! — закричала мама.

— Мне нужно знать, почему ты это сделал, — сказал мистер Попкинс.

— Только хуже будет.

— Рассказывай, Джек.

Я пожал плечами, но не издал ни звука. Просто не мог. Если признаться, что Джулиан назвал Августа уродцем, мистер Попкинс вызовет Джулиана, и Джулиан в красках ему распишет, как я отрекся от дружбы с Августом, и об этом узнают все.

— Джек! — окликнула меня мама.

И тут я заплакал.

— Простите...

Мистер Попкинс поднял брови и кивнул, но ничего не сказал. Вместо этого он подышал на руки, как будто замерз. А потом все-таки произнес:

— Джек, ну что тут скажешь. Ты ударил человека. А у нас есть строгое правило: за любую драку — автоматическое исключение. И ты даже не пытаешься объяснить, что произошло.

После этих слов я совсем раскис и, как только мама меня обняла, заревел в голос.

— Э-э-э... — Мистер Попкинс снял очки и принялся их протирать. — Давайте вот что сделаем. В любом случае со следующей недели у нас зимние каникулы. Джек, как насчет того, чтобы посидеть дома оставшиеся дни, а после каникул вернуться? Начнешь новую жизнь. Так сказать, с чистого листа.

Я хлюпнул носом.

— Что, меня исключат?

— Ну, — пожал он плечами, — технически да, но только на пару дней. И вот тебе мой совет. В эти дни поразмышляй о том, что случилось. И если захочешь написать мне письмо с объяснениями, а также письмо Джулиану с извинениями, то мы даже не будем заносить этот случай в твое личное дело. Договорились? А теперь отправляйся домой и поговори с мамой и папой, и, возможно, к утру ты уже во всем разберешься.

— Так он и сделает, мистер Попкинс, — закивала мама. — Спасибо!

Мистер Попкинс встал и подошел к двери.

— Все будет хорошо. Я знаю, что ты добрый мальчик, Джек. И я знаю, что иногда добрые люди делают глупости. — Он открыл дверь.

Мама пожала ему руку.

— Большое спасибо!

— Пожалуйста. — Он нагнулся и что-то сказал ей: так тихо, что я не разобрал.

— Знаю, спасибо, — вздохнула мама.

— Итак, приятель, — сказал он, кладя обе руки мне на плечи. — Подумай о своем поступке. И как следует отдохни на каникулах. Счастливой Хануки! Веселого Рождества! Счастливой Кванзы!

Я утер нос рукавом и потащился к двери. Мама потрепала меня по плечу.
— Скажи спасибо мистеру Попкинсу!
— Спасибо, мистер Попкинс, — промычал я, но посмотреть на него не смог.
А потом вышел из кабинета.

С Рождеством!

Бывают же такие совпадения: когда мы вернулись домой и мама проверила почтовый ящик, в нем лежали рождественские открытки от семьи Джулиана и от семьи Августа. На открытке Джулиана красовался Джулиан собственной персоной, в галстук, будто в оперу намылился. На открытке Августа была изображена симпатичная старая псина, наряженная в оленьи рога, красный нос и красные сапожки. Над головой собаки висел пузырь, как в комиксах: «Хо-хо-хо!» На обороте открытки было написано:

Семье Тот.

...И на земле мир!^[8]

С любовью, Нейт, Изабель, Оливия, Август (и Дейзи).

— Классная открытка, а? — Я повернулся к маме, которая по пути домой ни слова не вымолвила. Подозреваю, она просто не знала, что сказать.

— Наверное, это их собака, — добавил я.

— Ты расскажешь, что с тобой творится, Джек? — Отвлечь маму не удалось.

— Спорим, у них каждый год собака на открытке, — сказал я.

Она внимательно рассмотрела фотографию. Потом пожала плечами и вернула открытку мне.

— Нам очень повезло, Джек. У нас есть столько всего, а мы принимаем это как само собой разумеющееся...

— Знаю, — перебил я. Я прекрасно понимал, о чем она, и ей не надо было договаривать. — Я слышал, что мама Джулиана вырезала Августа из фотографии нашего класса. В фотошопе. И переслала этот снимок некоторым родителям.

— Какой кошмар, — вздохнула мама. — Люди... не всегда такие прекрасные, как хотелось бы.

— Я знаю.

— Ты поэтому ударил Джулиана?

— Нет.

И я ей рассказал, почему ударил Джулиана. И про то, что Август теперь со мной не дружит. И про Хэллоуин.

Письма, мейлы, фейсбук

18 декабря

Уважаемый мистер Попкинс,

Мне, честное слово, жаль, что я ударил Джулиана. Я в этом раскаиваюсь. Сейчас я напишу ему письмо, чтобы извиниться. Если Вы не против, я бы лучше не объяснял свой поступок, потому что объяснить все равно не получится. И еще я не хочу, чтобы у Джулиана были проблемы из-за того, что он сказал.

Очень искренне Ваш, Джек Тот.

18 декабря

Дорогой Джулиан,
Извини. Мне очень, очень жаль, что я тебя ударил. Я в этом раскаиваюсь.
Надеюсь, ты в порядке.

Надеюсь, что твой коренной зуб растет быстро.

Мои всегда быстро растут.

Искренне твой, Джек Тот.

26 декабря

Дорогой Джек,

Большое спасибо за письмо. После двадцати лет директорства в средней школе я уяснил одну простую вещь: мир не черно-белый и почти в любом конфликте не бывает однозначно правой и однозначно виноватой стороны. Подробностей я не знаю, но у меня есть подозрение насчет того, что могло вызвать конфликт с Джулианом.

И хотя ничто не оправдывает драку с другим учеником — никогда, — но друзей надо защищать. Нынешний год трудный для многих пятиклассников, таким обычно и бывает первый год средней школы.

Удачи тебе! И оставайся добрым мальчиком — а мы все знаем, что ты такой и есть.

Лоуренс Попкинс, Директор средней школы им. Г. У. Бичера.

Кому: Lpopkins@Beecherschool.com

Копия: johntot@totfamily.com; amandatot@totfamily.com

От: Melissa.Albans@rmail.com

Тема: Джек Тот

Дата: 27 декабря

Уважаемый мистер Попкинс, Вчера я говорила с Амандой и Джоном Тот, и они выразили свое сожаление в связи с тем, что их сын Джек ударил нашего сына Джулиана. Пишу, чтобы уведомить Вас, что мы с мужем поддерживаем Ваше решение о возвращении Джека в школу имени Бичера после двухдневного исключения.

Хотя я убеждена, что драка является достаточным основанием для исключения из школы, я согласна с тем, что в нашем случае крайних мер лучше избежать. Мы знаем семью Тот с тех пор, как наши сыновья ходили вместе в подготовительный класс, и уверены, что Джон и Аманда сделают все от них зависящее, чтобы впредь подобных инцидентов не происходило.

В этой связи я хотела бы поинтересоваться Вашим мнением: не является ли неожиданно агрессивное поведение Джека следствием неподъемной ответственности, возложенной на его юные плечи? Я говорю главным образом о новом мальчике с особыми потребностями, опекать которого просили и Джека, и Джулиана. Имея возможность наблюдать этого ребенка в школьной жизни и на фотографиях класса, я пришла к выводу, что было опрометчиво вынуждать наших детей нести такое тяжелое бремя. Разумеется, когда Джулиан упомянул, что ему с трудом дается дружба с этим мальчиком, мы заверили его, что он не обязан с ним дружить. Мы полагаем, что начало учебы в средней школе и так достаточно серьезное испытание, чтобы обрекать на дополнительные невзгоды эти хрупкие, впечатлительные создания. Я также должна упомянуть, что как член школьного совета я была несколько обеспокоена следующим недоразумением:

при зачислении этого ребенка в пятый класс не был учтен тот факт, что у нас не инклюзивная школа. В целом многие родители — и я в их числе — считают решение о приеме этого ребенка в нашу школу серьезной ошибкой. В частности, я удручена тем, что к нему не применялись те же строгие правила поступления, что и к остальным ученикам (например, он не проходил собеседование).

Всего наилучшего, Мелисса Пернер Албанс.

Кому: Melissa.Albans@rmail.com

От: Lpopkins@Beecherschool.com

Копия: johntot@totfamily.com; amandatot@totfamily.com

Тема: Джек Тот Дата: 28 декабря

Дорогая миссис Албанс, Спасибо за Ваше письмо, в котором Вы сообщаете о Вашем беспокойстве. Смею Вас уверить: если бы я не был убежден, что Джек Тот искренне раскаивается в своем поступке и никогда его не повторит, я бы не позволил ему вернуться.

Что касается остальных вопросов, затрагивающих пребывание в нашей школе нового ученика, Августа, то прошу Вас принять к сведению, что у него нет особых потребностей. Он не ограничен в возможностях и никоим образом не отстает от сверстников ни физически, ни интеллектуально, так что не было никаких оснований полагать, что кто-либо станет возражать против его зачисления в школу, не важно, инклюзивная она или нет. Что же до условий приема, то по очевидным причинам глава приемной комиссии и я сочли возможным провести собеседование вне школы, дома у Августа. Мы рассудили, что это незначительное отступление от протокола совершенно оправдано и никоим образом не ставит Августа в привилегированное положение. В школе он прекрасно учится и к тому же успел подружиться с достойнейшими молодыми людьми, включая Джека Тота.

Летом я попросил известных вам детей стать «школьными крестными» для Августа, чтобы ему было проще начать ходить в школу. Вряд ли призыв к доброте обрек детей на «дополнительные невзгоды». Более того, я полагал, что это пойдет им на пользу: так они научатся умению дружить, отзывчивости и верности.

Как выяснилось, Джеку Тоту не нужно было всему этому учиться — он и так уже обладал вышеперечисленными добродетелями.

Еще раз спасибо за отклик.

Искренне Ваш, Лоуренс Попкинс.

Кому: Melissa.Albans@rmail.com

Копия: Lpopkins@Beecherschool.com

От: johntot@totfamily.com; amandatot@totfamily.com

Тема: Джек

Дата: 29 декабря

Привет, Мелисса!

Спасибо за то, что ты с таким пониманием отнеслась к происшествию с Джеком. Он, как ты знаешь, очень сожалеет о своем поступке. Мы надеемся, ты примешь наше предложение оплатить счета стоматолога за лечение Джулиана.

Мы тронуты твоей обеспокоенностью по поводу общения Джека с Августом. Однако мы неоднократно спрашивали Джека о том, тяжело ли ему дается эта

дружба, и каждый раз он решительно отвечал: «Нет». Ему нравится компания Августа, они стали настоящими друзьями.

Хорошего Нового года!

Джон и Аманда Тот.

Август, Джекалоп1000 отправил вам запрос на добавление в друзья на Facebook.

Привет Август. Это я Джек Тот. Я заметил что я больше у тебя не в друзьях на фейсбуке. Я завел новый аккаунт и надеюсь что ты снова меня зафрендиш потому что мне правда очень жаль. Прости. Я знаю из-за чего ты злишься извини. Я тогда говорил то что не думаю. Потому что дурак. Сможеш меня простить?

Надеюсь мы снова будем друзьями

Джек

1 новое сообщение

От: АВГУСТ

31 декабря 16:47

получил твое сообщение, откуда ты знаешь почему я на тебя злюсь?? Джун сказала?

1 новое сообщение

От: ДЖЕКТОТ

31 декабря 16:49

Она только подсказала кровавый крик но я сначала не врубился. Потом вспомнил что видел кровавый крик в классе на Хэллоуин.

Я не знал что это был ты. Думал ты будешь Бобой Феттом.

1 новое сообщение

От: АВГУСТ

31 декабря 16:51

Я передумал в последнюю минуту. Ты правда ударил Джулиана?

1 новое сообщение

От: ДЖЕКТОТ

31 декабря 16:54

Ну да ударил выбил один зуб. Молочный.

1 новое сообщение

От: АВГУСТ

31 декабря 16:55

почему ты его ударил???????

1 новое сообщение

От: ДЖЕКТОТ

31 декабря 16:56

не знаю.

1 новое сообщение

От: АВГУСТ

31 декабря 16:58

врешь. Наверняка он что-то обо мне сказал да?

1 новое сообщение

От: ДЖЕКТОТ

31 декабря 17:02

он придурок. Но я тоже был придурок. Очень очень очень прошу прощения за то что сказал. Ок? Мы можем снова быть друзьями?

1 новое сообщение

От: АВГУСТ

31 декабря 17:03

ОК.

1 новое сообщение

От: ДЖЕКТОТ

31 декабря 17:04

ураааа!!!:-)

1 новое сообщение

От: АВГУСТ

31 декабря 17:06

но скажи мне, ты правда хотел бы себя убить, если бы был мной???

1 новое сообщение

От: ДЖЕКТОТ

31 декабря 17:08

нет!!!!

Клянусь жизнью. Не знаю почему это сказал. Но я бы хотел убить себя если бы был Джулианом:-)

1 новое сообщение

От: АВГУСТ

31 декабря 17:10

ЛОЛ^[9] да чувак мы снова друзья:-)

После зимних каникул

Когда я вернулся в школу в январе, никакого «чистого листа», обещанного Попкинсом, не было. И даже наоборот: с той секунды, как я подошел к своему шкафчику, начали происходить какие-то странные вещи. Мой шкафчик стоит рядом со шкафчиком Амоса — а Амос у нас без выкрутасов, — и я говорю: «Привет, как дела?» — а Амос в ответ едва кивает, закрывает дверцу и удаляется. Я думаю: «Что за дикость. Ну ладно». А потом говорю Генри: «Привет, как дела?» — а тот даже не кивает, просто отводит взгляд.

Два человека отшили меня меньше чем за пять минут. Ну хорошо, бывает. Решил попытать счастья с Тристаном — то же самое. Этот еще и нервничал, как будто боялся со мной заговорить.

Вот что: у меня теперь, похоже, разновидность «чумы». Это месть Джулиана.

И примерно так прошло все утро. Никто со мной не разговаривал. Хотя нет, неправда: девочки вели себя совершенно нормально. И, конечно, со мной разговаривал Август. И, если быть честным, со мной поздоровались оба Макса, и я даже почувствовал себя виноватым: ведь за все пять лет, что мы учились в одном классе, я ни разу с ними толком не общался.

Я надеялся, что за обедом будет лучше, но увы. Я сел за свой обычный стол с Майклом и Габриэлем. Думаю, я решил, что раз они были середнячками — во

всеобщих любимцах не числились, — то и со мной будут вести себя по-человечески. Но, когда я поздоровался, они едва на меня глянули. Потом, когда вызвали наш столик, они пошли с подносами за едой и не вернулись. Я видел, как они притулились где-то в дальнем конце столовой. Сели не за стол Джулиана, но рядом, будто пристроились сбоку популярности.

Я сидел за столом совсем один и чувствовал, что все за мной наблюдают. И мне стало так тоскливо и одиноко: неужели у меня совсем нет друзей? Я решил не обедать и пойти в библиотеку.

Война

О том, почему все от меня шарахаются, мне рассказала Шарлотта. Я обнаружил в своем шкафчике записку:

«Встречаемся в кабинете 301 сразу после уроков. Приходи один! Шарлотта».

Когда я пришел, она уже меня ждала.

— Привет, — сказал я.

— Привет. — Она подошла к двери, высунула голову, посмотрела налево и направо, а потом заперла дверь изнутри.

— Так что случилось-то? — спросил я.

— Мне все это не нравится, и я просто хотела рассказать тебе, что знаю. — Она нервно покусывала ноготь. — Обещаешь, что никому меня не выдашь?

— Обещаю.

— Так вот. На зимних каникулах Джулиан устраивал большую новогоднюю вечеринку. Прямо грандиозную. Подружка моей сестры отмечала в прошлом году в этом же ресторане шестнадцатилетие, и у нее собралось гостей — человек двести. В общем, это огромный-преогромный ресторан.

— Ну и...?

— Ну и... все пятиклассники там были.

— Не все, — съязвил я.

— Точно, не все... Даже родителей позвали, понимаешь? И моих тоже. Ты же в курсе, что мама Джулиана — вице-президент школьного совета, да? Она знает абсолютно всех. Короче, на вечеринке Джулиан всем заливал, что ты его ударил, потому что у тебя эмоциональные проблемы...

— Чего???

— И что тебя бы исключили, но его родители упростили мистера Попкинса тебя не выгонять.

— Чего???

— И все это — из-за того, что Попкинс заставил тебя дружить с Ави. Джулиан сказал, что ты «сломался под давлением» — ну, в смысле, так его мама думает.

Я не верил своим ушам.

— Но это же чушь собачья! Никто на нее не купился, правда же?

Шарлотта пожала плечами.

— Не в том дело, купились или не купились. А в том, что Джулиан многим нравится. И еще моя мама слышала, что его мама настаивает на том, чтобы школа пересмотрела результаты вступительных экзаменов. И пытается добиться, чтобы Ави исключили.

— И что, она действительно может его выгнать?

— Она говорит, что Бичер — не инклюзивная школа. Значит, у нас не должно быть детей с особыми потребностями.

— У Ави же нет особых потребностей.

— Да, но она говорит, что раз школа под него подстраивается, то...

— Да никто не подстраивается!

— Нет, подстраивается. Например, в этом году изменилась традиционная тема Новогоднего вернисажа: раньше пятиклассники рисовали автопортреты, но в этом году нас заставили рисовать бессмысленные «автопортреты в виде животных», помнишь?

— Какой бред.

— Это точно. В общем, Джулиан всем твердил, что дружба с Ави плохо на тебя влияет и что этой дружбе надо положить конец, для твоего же блага. И что как только твои старые друзья перестанут с тобой общаться, до тебя все дойдет — это будет тем самым звонком, который приведет тебя в чувство. Короче, он всех настроил против тебя и сам перестал с тобой дружить.

— Важное уточнение: я первый перестал с ним дружить!

— Да, но он еще убедил всех мальчиков тебя бойкотировать. Вот поэтому никто с тобой и не разговаривает.

— Ты разговариваешь.

— Я про мальчиков, — уточнила она. — Девочки сохраняют нейтралитет. Кроме Саванны и ее подружек, потому что они встречаются с друзьями Джулиана. Но в целом это мальчишеская война.

Я кивнул. Шарлотта наклонила голову набок и скорчила жалостливую рожицу, будто я какой-то малявка, который только что упал и разбил коленку.

— Ничего, что я тебе рассказала? — спросила она.

— Наоборот, спасибо! Плевать я хотел на эту войну, — соврал я. — И вообще все это тупость, тупее не придумаешь.

Она кивнула.

— Слушай, а Ави знает?

— Нет конечно. По крайней мере я ему ничего не говорила.

— А Джун?

— Вряд ли. Слушай, мне пора. И, на всякий случай: моя мама думает, что мама Джулиана — полная идиотка. Из тех, кто беспокоится только о семейном альбоме, а вот порядочность и доброта — не про нее. Ты слышал о том, как она фотошопила?

— Да, мерзость страшная.

— Именно, — кивнула Шарлотта. — Ну, мне пора. Я просто хотела тебя предупредить.

— Спасибо.

— Дам тебе знать, если еще что-то услышу, — сказала она.

Перед тем как выйти из кабинета, Шарлотта сперва убедилась, что в коридоре никого нет: высунула голову и посмотрела налево и направо. Хотя она и держала нейтралитет, но все равно не хотела, чтобы ее со мной застукали.

Пересаживаться запрещено

На следующий день в обеденный перерыв я как дурак подсел к Тристану, Нино и Пабло. Я решил, что они не должны особо вредничать, они же не из компании Джулиана и при этом не из тех, кто играет на большой перемене в «Подземелья и драконы». И сначала я даже обрадовался, потому что они все со мной поздоровались, хотя и переглянулись между собой. Но потом повторилось то же, что и вчера: наш стол вызвали, и они попытались улизнуть.

И, увы, миссис Ди, дежурившая в тот день в столовой, заметила, как они уходят, и ринулась им наперерез.

— Мальчики, пересаживаться запрещено! — принялась она их отчитывать. — У нас в школе это не принято. Ну-ка быстро за свой стол!

Отлично, мне только этого не хватало. Не дожидаясь, пока их приведут под конвоем обратно, я схватил свой поднос и рванул в сторону. Миссис Ди что-то кричала мне вслед, но я притворился, что не слышу, и почесал в ту часть столовой, что по другую сторону буфетной стойки.

— Джек! Садись к нам! — раздался голос Джун. Они с Августом сидели за своим столом вдвоем, и оба махали мне и звали к себе.

Почему я сразу не сел с Августом

Ну хорошо, я тогда повел себя по-свински. Сам знаю. Первого сентября я пришел в столовую и увидел Августа. Все на него смотрели. И шептались. Никто еще не привык к его лицу, а кто-то даже про него не слышал — и в первый школьный день он многих ввел в ступор. Большинство даже боялись к нему приблизиться.

И когда я увидел, как он идет в столовую, я уже знал, что никто с ним рядом не сядет. А себя я просто не мог заставить! Я общался с ним все утро на уроках и теперь хотел немного отдохнуть, перевести дух. Поэтому, как только я заметил, к какому столу он направился, я специально нашел место по другую сторону от стойки, как можно дальше от него. Я уселся с Майклом и Габриэлем, хотя видел их вообще первый раз, и мы все время болтали о бейсболе, а потом, на большой перемене, я играл с ними в баскетбол. С тех пор я обедал вместе с ними.

Я слышал, что Джун села с Августом, и удивился, потому что ее-то Попкинс точно не просил дружить с Ави. Я понимал, что она подошла к нему из одной лишь доброты, и думал, что она очень смелая.

И что теперь? Вот он я — сижу с Джун и Августом, и они мне рады. Я пересказал им все, что вчера мне сообщила Шарлотта, промолчал только о том, что я «сломался под давлением» дружбы с Ави, и о том, что мама Джулиана хочет выжить Ави из школы из-за «особых потребностей». Короче, я им всего-то и рассказал, что Джулиан устраивал новогоднюю вечеринку и настроил против меня почти всех пятиклассников.

— Так странно, — вздохнул я, — когда люди с тобой не разговаривают. Притворяются, что тебя вообще не существует.

Ави улыбнулся.

— Странно? — хмыкнул он. — Ну, добро пожаловать в мой мир!.

Диспозиция

На следующий день за обедом Джун достала из кармана сложенный тетрадный листок.

— У нас есть официальная диспозиция! — объявила она.

На листке было три колонки с именами.

За Джека

Джек
Август
Росс
Макс А.
Макс Б.

За Джулиана

Майлз
Генри
Амос
Нино
Тристан
Пабло
Майкл
Габриэль
Джейк
Толанд
Роман
Бен
Эмануэль
Зик
Рассел
Томазо

Нейтралитет

Малик
Ремо
Хосе
Лейф
Хосе
Роб
Айвен

— Откуда это у тебя? — спросил Ави. Он глядел мне через плечо, пока я читал список.

— Шарлотта передала его мне на прошлой перемене, — затараторила Джун, — чтобы я передала Джеку, потому что она думает, что тебе будет интересно узнать, кто за тебя, а кто против.

— Да, соратников у меня негусто, — сказал я.

— За тебя Росс. И два Макса.
— Великолепно. Зануды на моей стороне!
— Хорош злиться. Кстати, мне кажется, ты нравишься Шарлотте.
— Угу, знаю.
— Так пригласи ее на свидание.
— Смеешься? Как я ее приглашу, когда все от меня шарахаются, будто у меня чума.

Я сказал это и тут же прикусил язык: опять дал маху. Неловкая пауза. Я посмотрел на Ави.

— Все в порядке, — улыбнулся он. — Думаешь, я не знал?
— Прости, старик.
— Хотя про название я как раз не догадывался. Считал, что я для них что-то вроде плесневелого сыра.

— Да, как в «Дневнике слабака», — кивнул я.
— На самом деле «чума» звучит круче, — пошутил Ави. — Как будто «черная болезнь уродства». Еще и заразная.

— А по-моему, это ужасно, — фыркнула Джун, но Ави пожал плечами и сделал большой глоток сока.

— В общем, не буду я звать Шарлотту на свидание, — сказал я.
— Моя мама говорит, что мы еще не доросли до свиданий, — добавила Джун.
— А если Росс тебя пригласит? — спросил я. — Пойдешь?
Она сделала круглые глаза.

— Нет!
— Что, и спросить уже нельзя? — засмеялся я.
Джун покачала головой и улыбнулась:
— А почему ты спрашиваешь? Ты что-то знаешь?
— Да ничего я не знаю! Просто так спросил!
— На самом деле я с мамой согласна, — сказала она. — Я думаю, что мы еще не доросли до свиданий. Не понимаю, куда спешить...

— И я согласен, — поддержал ее Август. — Тоже вот решил не спешить. Но еле держусь. Сами ведь знаете, на меня кидается столько красоток!

Он сокрушался так уморительно, что молоко, которое я пил, прыснуло у меня из носа, и теперь уже мы все сползали под стол от хохота.

В гостях у Августа

Уже середина января, а мы так и не выбрали, что будем делать для Научной ярмарки. Это из-за меня: я все оттягивал работу над нашим проектом, потому что страшно не хотел им заниматься. Наконец Август изрек: «Чувак, ты все равно не отвертишься». И после школы мы двинули к нему домой.

Я волновался, потому что не знал, рассказал ли Август родителям ту «хэллоуинскую историю» (так мы теперь ее называли). Но оказалось, что его папа на работе, а мама как раз уезжала за покупками. Я поговорил с ней две секунды и уверился, что Ави ей ничего не выдал. И вообще она у него очень клевая.

Как только я вошел в комнату Ави, у меня вырвалось: «Ого! Да ты болен „Звездными войнами“!»

Полки были заставлены фигурками из «Звездных войн», а на стене висел огромный постер «Империя наносит ответный удар».

— Сам знаю, — засмеялся он.

Ави сел в кресло рядом со своим столом, а я плюхнулся на кресло-мешок в углу. Тут в комнату приковылял его пес и сразу направился прямо ко мне.

— Он был на рождественской открытке! — Я дал собаке обнюхать мою руку.

— Она, — поправил Ави. — Дейзи. Можешь погладить. Она не кусается.

Я стал ее гладить, а она взяла и перекатилась на спину.

— Просит почесать ей живот, — улыбнулся Август.

— Ух ты, какая классная! — Я почесал ей живот.

— Ага! Лучшая в мире. Правда, псина?

Услышав его, собака завиляла хвостом и проклацала к нему.

— Кто хорошая псина? Кто хорошая псина? — Ави обнимал ее, а она вылизывала ему все лицо.

— Вот бы у меня была собака! Но родители говорят, что квартира у нас слишком маленькая. — Пока я разглядывал комнату, Ави включил компьютер.

— Ух ты, да у тебя есть Хьох 360! Сыграем?

— Чувак, нам надо работать над научным проектом.

— А «Halo» у тебя есть?

— Конечно есть.

— Ну пожалуйста, один разочек!

Ави уже залогинился на школьном сайте и пролистывал страницу мисс Рубин, изучая список проектов для Научной ярмарки.

— Тебе оттуда хорошо видно? — спросил он.

Я вздохнул и пересел ближе к столу, на табуретку.

— Крутой iMac, — заметил я.

— А у тебя какой компьютер?

— У меня даже собственной комнаты нет, тем более компьютера. У моих родителей древний Dell, но он давно уже дышит на ладан.

— Как тебе это? — Он повернул ко мне монитор. Я только глянул на название проекта — и меня сразу замутило.

— «Сделать солнечные часы», — прочел Ави. — А что, звучит неплохо!

Я отодвинулся от компьютера.

— Может, сделаем вулкан?

— Все делают вулканы.

— Еще бы! Это легко, потому и делают. — Я снова начал гладить Дейзи.

— А как тебе «Вырастить кристаллы сульфата магния»?

— Ску-учно, — протянул я. — А почему вы назвали ее Дейзи?

Он не отрывался от экрана.

— Это моя сестра назвала. Я хотел «Дарт». Ее полное имя Дарт-Дейзи, но мы никогда ее так не зовем.

Я рассмеялся:

— Дарт-Дейзи! Привет, Дарт-Дейзи! — И собака снова перекатилась на спину, чтобы я почесал ей живот.

— Вот оно! — Август показывал на картинку с кучей картошки, и из этой кучи торчали провода. — «Сделать органическую батарею из картофеля». Супер! Тут

написано, что от такой батареи даже лампа может светить. Назовем ее «Картофелампа» или еще как-нибудь. Что думаешь?

— Чувак, мы головы ломаем. Сам знаешь, я во всем этом ни бум-бум.

— Перестань, ничего подобного.

— Ага, последнюю контрольную по естествознанию я вообще чуть не завалил.

— С контрольной так получилось, потому что мы тогда были в ссоре и я тебе не помогал. А сейчас помогу. Это крутой проект, Джек. Надо брать!

Я пожал плечами:

— Хорошо, как скажешь.

И тут в дверь постучали. В комнату заглянула девушка с длинными темными волосами. Увидев меня, она удивилась.

— Ой, привет, — сказала она нам обоим.

— Привет. — Август уже отвернулся к компьютерному экрану. — Вия — это Джек. Джек — это Вия.

— Привет, — кивнул я.

— Привет. — Девушка глядела на меня неодобрительно. В ту же секунду, как Ави произнес мое имя, я понял, что ей-то он рассказал про Хэллоуин. И вообще ее взгляд наводил на мысль о том, что она помнила меня долгие годы — с той самой встречи у магазина мороженого на Эймсфорт-авеню.

— Ави, я хочу тебя кое с кем познакомить, — сказала она. — Он придет через несколько минут.

— Кто, твой жених, да? — подколот ее Август.

Вия пнула его кресло.

— Веди себя прилично. — И вышла из комнаты.

— Чувак, а твоя сестра красивая, — сказал я.

— Ага.

— Она ненавидит меня, да? Ты рассказал ей хэллоуинскую историю?

— Да.

— Да — она меня ненавидит или да — ты ей рассказал?

— И то и другое.

Жених

Через две минуты сестра вернулась с парнем по имени Джастин. Он вроде ничего. Длинные волосы. Маленькие круглые очки. В руках вытянутый серебристый футляр, сужающийся с одной стороны.

— Джастин, это мой младший брат Август, — сказала Вия. — А это Джек.

— Привет, привет. — Джастин пожал нам руки. Он немного нервничал. Думаю, это потому, что он впервые увидел Августа. Иногда я забываю, какой это шок.

— Отличная комната.

— Ты жених Вии? — съехидничал Ави, а его сестра натянула ему на лицо бейсболку.

— А что в футляре? — спросил я. — Автомат?

— Ха, смешно, — ответил Джастин. — Нет, это... м-м... скрипка.

— Джастин скрипач, — пояснила Вия. — Он играет в зайдеко-группе.

— Что такое зайдеко, не знаешь? — спросил Ави, глядя на меня.

— Это такая музыка, — сказал Джастин. — Как креольская.
— А что значит креольская музыка? — спросил я.
— Ты говори всем, что это у тебя автомат, а не скрипка, — предложил Ави. — И никто не будет с тобой связываться.
— А что, стоит попробовать, — кивнул Джастин, заправляя волосы за уши, и повернулся ко мне: — Креольскую музыку играют в Луизиане.
— А ты что, из Луизианы? — спросил я.
— Э-э, нет, — ответил он. — Я из Бруклина.
Почему-то меня это страшно рассмешило.
— Джастин. — Вия потянула его за руку. — Идем ко мне в комнату.
— Ну, до встречи, — сказал он нам. — Пока.
— Пока!
— Пока!
Как только они вышли из комнаты, Ави поглядел на меня, улыбаясь.
— Я из Бруклина! — повторил я.
И мы оба расхохотались как сумасшедшие.

Часть пятая Джастин

Иногда мне кажется: моя голова так велика, потому что она вся наполнена мечтами.

Бернард Померанс «Человек-слон»

Брат Оливии

я увидел младшего брата оливии и оцепенел. это я зря, конечно, оливия мне его описывала, рассказывала мне про его «синдром», но и про операции тоже, его оперировали много лет подряд, вот я и решил, что теперь он уже в порядке, например, когда у ребенка волчья пасть, ему делают операцию, и потом можно даже не догадаться, что у него волчья пасть, разве что останется маленький шрам над губой, наверное, я думал, что ее брат будет весь в шрамах, но такого уж точно не ожидал, совсем не ожидал увидеть этого мальчишку в бейсболке — вот он, сидит прямо передо мной. точнее, передо мной сидят двое мальчишек: один абсолютно нормальный, с кудрявыми светлыми волосами, его зовут джек; а второй — ави. мне хочется думать, что у меня получается скрыть удивление, очень на это надеюсь, хотя вообще-то удивление трудно подделать: и когда ты не удивляешься, но делаешь вид, и наоборот, когда пытаешься не показать, что удивился. я жму ему руку, не глядя в лицо, жму руку второму мальчику, отличная комната, говорю я. ты жених вии? говорит ави. кажется, улыбается, оливия натягивает бейсболку ему на нос. это автомат? спрашивает светловолосый парнишка. так каждый второй шутит, мы немного говорим о зайдеко. потом вия берет меня за руку и уводит из комнаты, как только дверь за нами закрывается, мы слышим смех, я из бруклина!.. поет один из них., оливия закатывает глаза и улыбается, пойдем ко мне в комнату, говорит она. я с ней встречаюсь уже два

месяца, я понял, что она мне нравится, с той минуты, как она села за наш столик в столовой, я не мог оторвать от нее взгляда. она очень красивая, с оливковой кожей и самыми синими глазами в мире, сначала она вела себя так, будто хотела, чтобы мы были только друзьями. теперь-то я понимаю, что она только кажется недотрогой: держись подальше, даже и не пытайся. она не кокетничает, как остальные, когда ты с ней говоришь, она смотрит тебе прямо в глаза, словно бросает вызов, а я взял и принял этот вызов. а потом пригласил ее на свидание, и она ответила да! она невероятная, и я бы ни на минуту с ней не расставался. она рассказала мне об августе только на третьем свидании, кажется, она говорила про какие-то «черепно-лицевые отклонения», или, может, про «черепно-лицевую аномалию», но я точно знаю одно слово, которое она не использовала, — «уродство», потому что его бы я запомнил. ну что? волнуясь, спрашивает она в тот же миг, как мы входим в ее комнату, ты в шоке? нет, говорю я. вру, конечно, она улыбается и отводит глаза, ты в шоке, да нет же, настаиваю я. он выглядит точно как ты описывала. она кивает и падает на кровать, трогательно, что у нее на постели все еще много мягких игрушек, она машинально берет одну, белого медведя, и кладет себе на колени. я сажусь в кресло у стола, в комнате идеальный порядок. когда я была маленькая, говорит она, друзья приходили ко мне в гости один раз, а потом никогда не возвращались, таких было очень много, некоторые даже не являлись ко мне на дни рождения, чтобы не встретить его. они никогда мне об этом не говорили напрямую, но все равно, все же ясно, люди не знают, как вести себя с ави, понимаешь? я киваю. им даже невдомек, что они поступают плохо, продолжает она. им просто страшно, скажем прямо, выглядит он жутковато, правда же? есть такое, отвечаю я. а тебе как? спрашивает она осторожно, страшно? ужасно? не ужасно и не страшно, улыбаюсь я. она кивает и смотрит на белого медведя у себя на коленях, не могу сказать, верит она мне или нет, но потом она целует медведя в нос и бросает мне. и улыбается, думаю, это значит, что она мне верит, по крайней мере хочет верить.

День святого Валентина

на день святого Валентина я дарю оливии сердечко на цепочке, а она мне — сумку, которую сделала из старых дискет, круто, что она мастерит такие вещи, сережки из компьютерной платы, платья из футболок. сумки из старых джинсов, она такая талантливая. я говорю, что ей нужно стать художником, но она хочет быть ученым, и надо же — генетиком, наверное, она хочет найти лечение для таких, как ее брат. мы назначаем день, когда я наконец познакомлюсь с ее родителями, вечером в субботу, мексиканский ресторан на эймсфорт-авеню рядом с ее домом. весь день я нервничаю, а когда я нервничаю, у меня начинается тик. ну то есть мой тик всегда со мной, но он уже не так меня донимает, как в детстве: всего-то моргну несколько раз, или голова дернется. но когда я психую, он усиливается, а я определенно психую — из-за встречи с ее родителями. когда я появляюсь в ресторане, все меня уже ждут, папа встает и пожимает мне руку, мама меня обнимает. с ави мы стукаемся кулаками, оливию я целую в щеку, а потом сажусь. так приятно с тобой познакомиться, джастин! мы столько о тебе слышали! ее родители очень милые, с ними легко, официант приносит меню и я замечаю выражение его лица, когда он натывается взглядом на августа, но я

притворяюсь, что ничего не заметил, думаю, сегодня все мы стараемся на многое не обращать внимания, на официанта, на мой тик. на то, как август крошит хрустящую жареную лапшу на столе и ложкой запихивает крошки в рот. я смотрю на оливию, и она мне улыбается, она знает, она видит лицо официанта. она видит мой тик. оливия — девушка, которая видит все. за ужином мы болтаем и смеемся, родители оливии расспрашивают меня о моей музыке, о том, как я стал играть на скрипке, я рассказываю им, что раньше играл на классической скрипке, но увлекся аппалачской народной музыкой, а потом зайдеко. и они ловят каждое слово, как будто им на самом деле интересно, они просят позвать их на концерт нашей группы, хотят послушать. если честно, я не привык к вниманию, мои родители понятия не имеют, кем я собираюсь стать, они никогда ни о чем не спрашивают, мы никогда не разговариваем вот так. вряд ли они в курсе, что два года назад я продал свою барочную скрипку и купил восьмиструнную хардангерфеле. после ужина мы идем к ним домой поесть мороженого. их собака виляет хвостом у двери, старая собака, очень хорошая, хотя ее вырвало, и она перепачкала весь коридор, мама оливии бежит за бумажными полотенцами, а папа поднимает собаку, как ребенка. эх ты, старушенция, говорит он. и собака на небесах от счастья, язык свисает из пасти, хвост ходит ходуном, лапы растопырены в воздухе. папа, расскажи джастину, как у нас появилась дейзи, говорит ОЛИВИЯ, да! говорит ави. папа улыбается и садится на стул, все еще с собакой на руках, он наверняка рассказывал эту историю миллион раз, но им всем нравится ее слушать. так вот, начинает он. однажды возвращаюсь я домой, выхожу из метро, и какой-то бродяга, которого я раньше не видел в нашем квартале, везет в детской коляске лохматую дворнягу, и вот он подходит ко мне и говорит, эй, мистер, купите мою собаку. и я, ни секунды не думая, отвечаю: конечно, почему? и он говорит, десять баксов, и я даю ему двадцать — все, что у меня в кошельке, а он протягивает мне собаку, джастин, говорю тебе, ты в жизни не нюхал ничего ужаснее! она воняла так сильно, что даже описать невозможно! так что я сразу отнес ее к ветеринару по соседству, а потом уже привел домой. между прочим, мне даже не позвонил! перебивает мама, вытирая пол. не поинтересовался, согласна ли я на собаку, да еще бродяжку. а собака смотрит на маму, будто понимает все, что о ней говорят, она счастлива, словно знает, что в тот день ей дико повезло. и я ее понимаю, мне нравится семья оливии. они много смеются. моя семья совсем другая, мама и папа развелись, когда мне было четыре года, и они до сих пор ненавидят друг друга, в детстве я жил сразу в двух районах нью-йорка, проводил половину недели у папы в хобокене и половину — у мамы в челси. мой сводный брат на четырнадцать лет старше меня и лишь изредка вспоминает о моем существовании, сколько себя помню, я всегда чувствовал, что родители ждут не дождутся, когда я повзрослею и начну сам о себе заботиться, «ты сам можешь сходить в магазин». «вот тебе ключ от квартиры», забавно, что существует слово «гиперопека» — это про родителей, которые слишком носятся со своими детьми, — но нет слова для обратного перекося, когда родители со своими детьми не носятся вообще, как это может называться? недоопека? недолюбовь? фуффло? все сразу. в семье оливии все постоянно говорят друг другу «я тебя люблю». я даже не помню, когда мои родители говорили, что любят меня. когда я возвращаюсь домой, от тика не остается и следа.

Наш городок

в этом году в театральной студии ставят «наш городок»^[10]. оливия уговорила меня попробоваться на главную роль, «помощника режиссера», и каким-то волшебным образом я эту роль получил, чудеса, да и только, мне никогда в жизни не доводилось быть главным, я сказал оливии, что она приносит мне удачу, к сожалению, ей не досталась главная женская роль, эмили. ее получила миранда — та, что с розовыми волосами, а у оливии эпизодическая роль, и кроме того, ее назначили дублершей миранды. на самом деле я огорчился больше, чем оливия. она чуть ли не довольна, мне не нравится, когда люди меня разглядывают, говорит она, и странно, что это произносит такая красивая девушка, я даже начинаю сомневаться, вдруг она специально провалила пробы? премьера состоится в конце апреля, сейчас середина марта, осталось меньше шести недель, надо зубрить роль, плюс репетиции, плюс репетиции нашей зайдеко-группы. плюс экзамены, плюс оливия. эти шесть недель явно будут непростыми, а мистер дейвенпорт, учитель в театральной студии, уже на ушах стоит, к концу апреля он сведет всех нас с ума, тут никаких сомнений, ходят слухи, что он планировал поставить «человека-слона», но в последнюю минуту передумал, и из-за перемены спектакля мы потеряли целую неделю, а могли бы уже репетировать.

Божья коровка

мы с оливией сидим на крыльце ее дома, она помогает мне учить роль, этим мартовским вечером тепло, почти как летом, мы — между днем и ночью, когда небо еще ярко-голубое, а тротуары исчерчены длинными тенями. я декламирую: «да, солнце всходило более тысячи раз. лето сменяло зиму, зима сменяла лето, здесь и там появились крыши новых домов, некоторые младенцы, которые в первом действии еще не родились, уже научились говорить, а кое-кто из тех, кто считал себя молодым и полным сил, заметил, что взбегаєт по лестнице с одышкой...»^[11], я мотаю головой. дальше не могу вспомнить. «все это случилось за какую-нибудь тысячу дней», подсказывает оливия, заглядывая в текст пьесы. да, да, да, говорю я. и вздыхаю: я на пределе, оливия. и я никогда в жизни все это не запомню. ты все выучишь, говорит она уверенно, она вытягивает руки и ловит божью коровку, взявшуюся неизвестно откуда, видишь? божьи коровки — к удаче, говорит она, медленно приподнимая ладонь, к удаче или к теплой погоде, шучу я. конечно, к удаче, отвечает она, глядя, как жучок карабкается по ее запястью, почему, поймав божью коровку, не загадывают желания? мы с ави раньше так делали, когда ловили светлячков, она накрывает божью коровку ладонью, быстро, загадывай желание. закрой глаза. я послушно закрываю глаза, и через мгновение открываю, ну что, загадал? спрашивает она. да. она улыбается и снова поднимает ладонь, а божья коровка улетает, хочешь знать, что? нет. она откидывается на ступеньку и смотрит на небо, цвет которого в этот миг — точь-в-точь как ее глаза. я тоже загадала, говорит она. но я понятия не имею, что она загадала, ведь у нее, наверное, столько желаний.

На остановке

мама оливии, ави, джек и дейзи выходят на крыльцо, как раз когда мы с оливией прощаемся, получается немного неловко, они застают нас в середине долгого нежного поцелуя. ребята, привет, говорит мама, притворяясь, что ничего не видела, но мальчики хихикают, здравствуйте, миссис пулман. джастин, пожалуйста, зови меня изабель, повторяет она. уже третий раз меня об этом просит, пора бы мне переключиться, я иду домой, говорю я, будто оправдываюсь. о, ты к метро.? говорит она. собака с газетой в зубах тянет ее за собой, ты не мог бы проводить джека до автобусной остановки? без проблем. согласен, джек? спрашивает она, и джек пожимает плечами, джастин, посадишь его на автобус? конечно! мы прощаемся, оливия мне подмигивает, тебе не обязательно дожидаться моего автобуса, говорит джек, когда мы идем к остановке, я постоянно езжу сам. мама ави чересчур беспокоится. у него низкий хриловатый голос, и сам он — точь-в-точь хулиган из старых черно-белых фильмов, не хватает только твидовой кепки и бриджей. мы подходим к остановке, по расписанию автобус будет через восемь минут, я подожду с тобой, говорю я ему. как знаешь, пожимает он плечами, можно одолжить у тебя доллар? хочу купить жвачку. я выуживаю доллар из кармана и наблюдаю, как он переходит улицу и направляется в магазин на углу, почему-то мне кажется, что ему еще рано разгуливать по городу самостоятельно, потом я думаю, как сам в таком возрасте спокойно ездил на метро, когда-нибудь я непременно стану гиперопекающим отцом, и мои дети будут знать, что я о них забочусь. спустя минуту или две я замечаю на улице троих мальчишек, они проходят мимо магазина, но один из них заглядывает внутрь и окликает остальных, и те возвращаются и тоже заглядывают, сразу ясно, что у них какая-то пакость на уме, они пихают друг друга и смеются, один из них ростом с джека, но остальные двое выше и явно сильнее, они прячутся за фруктовым прилавком у магазина, и когда джек выходит, пристраиваются за ним и идут сзади, издавая громкие рвотные звуки, джек как бы случайно оборачивается на углу, чтобы посмотреть, кто это, и они с гоготом убегают, придурки. джек переходит улицу, как будто ничего не случилось, и встает рядом со мной на автобусной остановке, выдувая пузырь из жвачки, друзья-приятели? наконец спрашиваю я. ха, говорит он. пытается улыбнуться, но я вижу, что он расстроен, просто недоумки из школы, объясняет он. джулиан и его две гориллы, генри и майлз. очень тебя донимают? нет, раньше они так не делали, они бы никогда не решились так кривляться в школе, их бы тут же вышибли, джулиан живет в двух кварталах отсюда, думаю, встретились мы случайно, просто не повезло, понятно, киваю я. ерунда, ничего особенного, заверяет он меня, мы оба машинально смотрим на эймсфорт-авеню, не едет ли автобус. у нас вроде как война, говорит он через минуту, будто это все объясняет, потом достает из кармана джинсов потрепанный листок линованной бумаги и дает мне. я его разворачиваю: три столбца имен, он настроил против меня весь класс, говорит джек, не весь, замечаю я, глядя на лист, он оставляет мне записки в шкафчике, вроде: «все тебя ненавидят». а учителя об этом знают? джек смотрит на меня как на идиота, но некоторые держат нейтралитет, говорю я, показывая на список, если ты перетянешь их на свою сторону, вы немного выравниваетесь. да. только ничего не выйдет, отвечает он с сарказмом. почему? он снова бросает на меня такой взгляд, будто я чемпион среди тупиц, так почему? повторяю я. он

качает головой, как будто я безнадежен, короче, говорит он, я дружу кое с кем, кого в школе не очень-то жалуют. и тут до меня доходит: август, все из-за того, что он дружит с августом, и говорит джек обиняками, потому что я встречаюсь с сестрой августа, точно, все сходится. на эймсфорт-авеню появляется автобус, ну, тогда держись, говорю я, протягивая ему список. средняя школа вообще мрак, потом станет лучше. прорвешься? он пожимает плечами и засовывает листок в карман. он садится в автобус, и мы машем друг другу на прощание. когда я подхожу к метро в двух кварталах от остановки, я вижу знакомую троицу перед забегаловкой у самого входа в метро, они все еще хохочут и притворяются, что их рвет друг на друга, придурочная шпана, богатенькие мальчики в дорогуших зауженных джинсах, играющие в отморозков. не знаю, что на меня находит, но я снимаю очки, кладу их в карман и вскидываю скрипичный футляр заостренным концом вверх, я подхожу к ним, напустив на себя злобный вид. они глядят на меня, и смех затихает, в руках нелепо торчат рожки с мороженым. эй, вы, слушайте сюда, процеживаю я сквозь зубы, крутой, как клинт иствуд. джека — не трогать, ясно? а вздумаете еще хоть раз к нему подкатить — пеняйте на себя, и хлопаю по футляру для пущего эффекта. усвоили? они одновременно кивают, мороженое капает им на руки. смотрите у меня, таинственно изрекаю я, а потом ныряю в метро и сбегаю по лестнице, перескакивая через две ступеньки.

Репетиция

скоро премьера, и спектакль съедает почти все мое свободное время, текста — море, я его еще не выучил. бесконечные монологи, зато оливия предложила гениальную идею: на сцене я буду стоять со скрипкой и наигрывать на ней. в пьесе такого нет, но мистер дейвенпорт считает, что помощник режиссера, пиликающий на скрипке, добавит спектаклю непринужденности, а для меня это спасение, потому что, когда мне потребуется секунда-другая, чтобы вспомнить следующую реплику, я просто заиграю «радость солдата», мелодию старую как мир, — и выгадаю немного времени. я ближе познакомился с другими актерами, особенно с мирандой, у которой розовые волосы и которая играет эмили. оказывается, она совсем не такая заносчивая, как я думал, но я судил по ее компании. ее парень — качок, один из лучших спортсменов в школе, это целый мир, с которым у меня нет ничего общего, поэтому я удивился, что миранда оказалась нормальной. мы сидим за кулисами и ждем, когда электрики починят основную рампу. ну, говорит она ни с того ни с сего, давно вы встречаетесь с оливией? месяца четыре, отвечаю я. ты видел ее брата? спрашивает она как бы между прочим. вопрос застает меня врасплох, и я не могу скрыть удивления, ты знаешь брата оливии? я знаю ави с детства, что, вия тебе не рассказывала? мы раньше были лучшими подругами. а, да, кажется, что-то говорила, отвечаю я. не хочу, чтобы она догадалась, что оливия ничего не говорила. так странно, что она называет ее вией. это домашнее имя оливии, а тут передо мной сидит совсем чужая девушка с розовыми волосами, и вдруг: вия. миранда смеется и трясет головой, после неловкой паузы она начинает рыться в сумке и выуживает оттуда бумажник, достает из него фотографию и протягивает мне. на ней маленький мальчик в парке в солнечный день, в шортах и рубашке — и в космонавтском шлеме, скрывающем его голову целиком. она глядит на фото и улыбается: в тот

день была жара градусов под сорок, но он наотрез отказывался снять шлем, он носил его два года подряд, зимой, летом, на пляже, представляешь? да, я видел фотографии дома у оливии. это я подарила ему шлем, говорит она. кажется, она этим гордится, забирает у меня фотографию и бережно кладет ее обратно в бумажник. круто, говорю я. так тебя это не смущает? спрашивает она, глядя на меня, что не смущает? она вздергивает брови, будто не верит, что я ее не понял, ты знаешь, о чем я, говорит она и делает большой глоток воды из бутылки, чего уж там, вселенная не пощадила ави пулмана.

Птица

почему ты не рассказала мне, что вы с мирандой дружили? спрашиваю я у оливии на следующий день, я очень злюсь из-за того, что она это скрывает. какая разница, отвечает она и смотрит на меня, как будто это со мной что-то не так. я выглядел как идиот, говорю я. зачем ты скрывала? ты всегда вела себя так, будто с ней и не знакома. я с ней не знакома, выпаливает она. с этой розововолосой из команды поддержки, я дружила с зубрилкой, собиравшей кукол, оливия, ты что. сам «ты что»? ты могла хотя бы упомянуть между делом, говорю я тихо, притворяясь, что не замечаю огромную слезу, которая катится у нее по щеке. она пожимает плечами, и видно, что боится разрыдаться. я говорю: все в порядке, я не злюсь, я думаю, что она плачет из-за меня. злись на здоровье, мне все равно, язвит она. очень мило, говорю я. она не отвечает, в глазах слезы. оливия, в чем дело? она качает головой, как будто не хочет об этом говорить, но слезы вдруг брызжут из глаз. прости, джастин. я плачу не из-за тебя, наконец выдавливает она. тогда почему? потому что я ужасный человек, о чем ты? она отворачивается, вытирает слезы ладонью, я не сказала родителям о спектакле, я пожимаю плечами, потому что не очень ее понимаю. говорю: ну и что? еще не поздно, билеты пока есть... я не хочу, чтобы они пришли на спектакль, джастин, перебивает она нетерпеливо, неужели ты не понимаешь? я не хочу, чтобы они пришли! если они придут, то приведут с собой ави, а я просто не могу... она рыдает, не может произнести ни слова, я ее обнимаю, я ужасный человек! всхлипывает она. ты не ужасный человек, отвечаю я нежно, нет, ужасный! так хорошо было пойти в новую школу, где о нем никто не знает, понимаешь? никто не шепчется у тебя за спиной, так хорошо, джастин. но если он придет на спектакль, все будут опять шушукаться, все узнают... что со мной?.. клянусь, я никогда раньше его не стеснялась. знаю, знаю, я пытаюсь ее утешить, ты имеешь на это право, оливия. тебе столько уже досталось в жизни. когда оливия злится, она похожа на птицу со взъерошенными перьями, а сейчас она — маленькая потерянная птичка, которая ищет свое гнездо, и я прячу ее под своим крылом.

Вселенная

сегодня ночью я не могу заснуть, в голове вертятся мысли, от которых никак не избавиться, куски монологов. элементы периодической таблицы, которые я должен запомнить, теоремы, которые я должен понять. оливия. ави. то и дело я возвращаюсь к словам миранды: «вселенная не пощадила ави пулмана». я думаю об этой фразе и о том, что она значит, миранда права: вселенная не пощадила ави

пулмана. неужели этот маленький мальчик заслужил такое наказание? или его родители заслужили? или оливия? она как-то упомянула, что, по словам одного доктора, шанс получить комбинацию синдромов, изувечивших ави, — один на четыре миллиона, значит, вселенная — огромная лотерея? ты покупаешь билет, когда рождаешься, а уж достанется тебе хороший билет или плохой — дело случая, как повезет. все это крутится в моей голове, но потом приходят успокоительные мысли, как минорная терция в мажорном трезвучии, нет, нет, не все случайно, если бы все зависело от случая, вселенная бы нас не оберегала, а она оберегает, заботится о самых хрупких созданиях, пусть мы этого и не видим, например, она посылает тебе родителей, которые слепо тебя обожают, и старшую сестру, которая чувствует себя виноватой из-за того, что она всего лишь человек, и мальчишку с хрипловатым голосом, которого из-за тебя травят, но он все равно с тобой дружит, и даже девушку с розовыми волосами, которая не расстанется с твоей фотографией, может, это и лотерея, но в конечном счете вселенная все уравнивает, вселенная заботится обо всех своих птицах.

Часть шестая Август

Какое чудо природы человек!
Часть шестая
Как благородно рассуждает!
С какими безграничными
способностями!
Как точен и поразителен по складу и движениям!
Поступками как близок к ангелам!
Почти равен богу — разумением!
Краса вселенной!

Шекспир^[12]

Северный полюс

Картофелампа произвела настоящий фурор. Мы с Джеком получили за нее «отлично». Джек прыгал до потолка: еще бы, это была его первая отличная оценка в нынешнем году.

Научная ярмарка проходила в спортзале, там же, где был Египетский музей в ноябре. Только сейчас на столах громоздились не пирамиды и фараоны, а вулканы и макеты молекул. И на этот раз мы не устраивали родителям экскурсии, а стояли у своих столов. Родители бродили по залу и сами все разглядывали. Как вам такая математика: шестьдесят детей в параллели — это минимум шестьдесят родителей, даже если не считать бабушек и дедушек. Значит, на меня обращены как минимум сто двадцать глаз. Сто двадцать взрослых глаз, которые ко мне, в отличие от детских, не привыкли. Стрелки компаса показывают на север, куда бы

ты ни направился. Так вот, все эти глаза — компасы, а я для них — Северный полюс.

Поэтому я и не люблю школьных праздников с родителями. Я, конечно, уже не так их ненавижу, как раньше. Например, как я ненавидел праздник в честь Дня благодарения — думаю, тогда мне было тяжелее всего. Я ведь первый раз предстал перед всеми родителями. А потом был Египетский музей, но на него я как раз не жалуюсь, потому что нарядился мумией и никто меня не заметил. Затем — Зимний концерт, и его я возненавидел всей душой, потому что меня заставили петь в хоре. Я и петь-то совсем не умею да к тому же чувствовал себя прямо как зверь в зоопарке. Новогодний вернисаж был сносным, но все равно напрягал. Наши художества развесили в коридорах, и родители, разгуливая по всей школе, их рассматривали. Сталкиваться с неподготовленными родителями на лестнице — все равно что отправиться в школу заново.

Вообще-то я не очень переживаю из-за того, как люди на меня реагируют. Могу повторить и в миллионный раз: я привык. Зачем расстраиваться по пустякам. Вот, например, ты выходишь на улицу и накрапывает дождь. Не надевать же из-за мороси резиновые сапоги. Ты даже зонт не открываешь. Идешь себе под дождеком, и тебе плевать, что волосы промокли.

Но когда громадный спортивный зал наводнен родителями, тут уже не морось, а настоящий ураган с ливнем. Вмиг промокаешь насквозь, а взгляды норовят сбить тебя с ног, как сильные порывы ветра.

Мама и папа почти все время простояли у нашего стола вместе с родителями Джека. Вот смешно: почему-то родители всегда объединяются в те же компании, что и их дети. Например, мои мама и папа подружились с родителями Джека и мамой Джун. А родители Джулиана прохаживались по ярмарке с родителями Генри и Майлза. И даже родители двух Максов держались друг друга. Забавно.

Позже, когда мы возвращались домой, я поделился своим наблюдением с мамой и папой, и они со мной согласились.

— Подобное притягивается подобным, — сказала мама. — Похоже, так и есть.

Ави-Долл

Война затянулась. Хуже всего было в феврале: почти никто с нами не разговаривал, а Джулиан начал подбрасывать нам в шкафчики записки. Джеку — совсем уж тупые, вот, например: «От тебя несет тухлятиной, вонючка!» или «Всех от тебя тошнит!»

А я получал записки вроде таких: «Урод!» Или: «Вали из нашей школы, орк!»

Джун считала, что мы должны показать записки мисс Рубин, которая курировала нашу параллель, или даже мистеру Попкинсу, но мы же не доносчики. А потом, мы и сами оставляли им записки, хотя наши были не такие злобные, скорее насмешливые.

Например: «Ты такой красавчик, Джулиан! Я тебя люблю. Давай поженимся! Целую, Бьюла».

А вот еще одна: «Обожаю твои волосы! Обнимаю, Бьюла».

И еще: «Ты душка. Пощекочи мне пяточки. Чмок, Бьюла».

Бьюлу мы с Джеком сами выдумали. Она была слегка чокнутая: например, ела грязь, которая скапливается между пальцами ног, и потом еще костяшки пальцев

обсасывала. И мы решили, что такое недоразумение наверняка втюрилось бы в Джулиана, который выглядел и вел себя, словно звезда телерекламы.

Еще пару раз Джулиан, Майлз и Генри в открытую издевались над Джеком. А меня на виду у всех не трогали. Ну естественно: если обнаружится, что они меня «травят», то им не миновать больших неприятностей — это они понимали. А Джек — цель полегче. Однажды перед физкультурой они украли у него спортивные шорты и потом кривлялись и размахивали ими посреди раздевалки. В другой раз Майлз — он сидит рядом с Джеком в нашем классе — стащил его тетрадь и кинул ее Джулиану через весь кабинет. Конечно, мисс Петоза этого бы не допустила, но в тот день ее заменяла другая учительница, а учителя на замену обычно только ушами хлопают и не замечают, что творится вокруг. Джек держался молодцом. Он никогда не показывал, что расстроен, хотя, думаю, иногда расстраивался.

О войне знали все пятиклассники. Девочки сначала держали нейтралитет, особенно после того как Саванна и Генри стали встречаться. Но к марту им все это порядком надоело. И некоторым мальчишкам. Например, как-то раз Джулиан вытряхивал карандашные стружки из точилки в рюкзак Джека, а Амос выхватил рюкзак из рук Джулиана и вернул его Джеку. Хотя Амос вообще-то водился с той компанией.

Несколько недель назад Джулиан распространил нелепый слух: Джек, мол, нанял какого-то «гангстера», чтобы тот свел счеты с ним и заодно с Майлзом и Генри. Просто курам на смех. Вот тогда даже те мальчишки, которые все еще были на стороне Джулиана, перешли в нейтральный лагерь. Так что к концу марта с Джулианом остались только Майлз и Генри — и, кажется, их тоже эта война начала доставать. Например, они вроде бы подтвердили «гангстерскую историю», но сказали, что на самом деле к ним просто подходил какой-то псих, — ничего особенного.

А еще, судя по всему, игра в «чуму» закончилась. От меня не шарахались, когда я с кем-то случайно сталкивался, и теперь любой мог одолжить у меня ручку и не делать при этом вид, будто на ней кишат вши.

Иногда мы с одноклассниками даже обмениваемся шутками. Например, однажды я увидел, как Майя пишет записку Элли на листке из блокнота с изображением Агли-Долла — это такой уродливый чудик, мягкая игрушка, — и сам не знаю почему, но я вдруг спросил:

— А ты в курсе, что Агли-Долла делали с меня?

У Майи глаза на лоб полезли: она приняла это за чистую монету. И, когда спустя несколько секунд сообразила, что я шучу, тут же решила, что я выдал самую смешную остроту на свете.

— Ты такой забавный, Август! — воскликнула она, а потом пересказала всё Элли и другим девчонкам, и они тоже захихикали. Ну, конечно, не сразу: сперва разинули рты, но когда сообразили, что это шутка, то и сами рассмеялись. А на следующий день я обнаружил на своем стуле маленький брелок с Агли-Доллом и записочку от Майи: «Самому милому Ави-Доллу на свете! Целую, Майя».

Шесть месяцев назад такое и вообразить было нельзя, а теперь происходит все чаще и чаще.

А еще никто не дразнил меня из-за моего нового слухового аппарата.

Лобот

С тех пор как я родился, доктора то и дело напоминали моим родителям, что когда-нибудь мне понадобится слуховой аппарат. — Не знаю, почему это всегда меня бесило: может, потому что мои уши меня вообще бесят.

Я слышал все хуже, но никому в этом не признавался. Океан, который постоянно шумел у меня в голове, становился все громче. Он даже заглушал голоса людей, как будто я жил под водой. Если я сидел за последней партой, то учителя не слышал совсем. Но я знал, что, как только я выдам себя маме или папе, мне всучат дурацкий слуховой аппарат, — и надеялся, что мне все-таки удастся дотянуть без него до конца пятого класса.

А потом на ежегодном медосмотре в декабре я провалил проверку слуха, и врач сказал: «Ну, дружище, пора». И отправил меня к специальному ушному доктору, который сделал слепок моих ушей.

Во всей моей внешности уши я ненавижу больше всего. Они как маленькие сжатые кулачки, торчащие по обе стороны лица. И еще они слишком низко расположены: сплюснутые кусочки теста, прилепленные к шее. Ну ладно, может, я немного сгущаю краски. Но я правда их ненавижу.

Когда ушной доктор вытащил мой слуховой аппарат, чтобы мы с мамой на него посмотрели, я застонал.

— Ни за что! — заявил я.

— Конструкция, конечно, внушительная, — сказал ушной доктор. — Но нам пришлось прицепить слуховые аппараты к обручу, потому что по-другому их у тебя на голове не закрепить.

Понимаете, нормальный слуховой аппарат обычно крепится за внешним ухом, чтобы вкладыши, то есть те части, которые запикивают внутрь, не выпадали. Но в моем случае — ведь внешних ушей у меня практически нет — вкладыши прилепили к здоровенному обручу, который должен был охватывать затылок.

Я заныл:

— Мам, это я носить не буду!

Мама попыталась меня подбодрить:

— Ты их и не заметишь! Обычные наушники, вот и все.

— Наушники? Мам, ты только погляди! — разозлился я. — Все будут принимать меня за Лобота!

— Кто такой Лобот? — спокойно спросила мама.

— Лобот? — улыбнулся ушной доктор, что-то подкручивая в наушниках. — Это который из пятого эпизода, «Империя наносит ответный удар». Злодей с крутым кибернетическим имплантатом — радиопередатчиком вокруг головы.

— Что-то не припоминаю, — ответила мама.

— Вы разбираетесь в «Звездных войнах»? — спросил я ушного доктора.

— Разбираюсь ли я в «Звездных войнах»? — воскликнул он, надевая слуховой аппарат мне на голову. — Да я самый главный спец по «Звездным войнам»! — Он откинулся в кресле, чтобы посмотреть, как сидит слуховой аппарат, и потом его снял.

— А теперь, Ави, я объясню, что это за штуковина, — сказал он, показывая на разные части аппарата. — Вот эта пластмассовая загогулина соединяется с трубкой ушного вкладыша. Этот вкладыш — помнишь, мы делали для него

слепок в декабре? — засовывается в ухо. Вот эта часть называется крюк. А это — специальное приспособление, чтобы аппарат удерживался на голове.

— Как у Лобота, — горько вздохнул я.

— Но-но! Лобот — крутой киборг! — возмутился ушной доктор. — Ты же не будешь похож на Джа-Джа Бингса, так? Вот тогда я бы тебе не позавидовал. — Он снова аккуратно надел на меня слуховой аппарат. — Ну, Август, как тебе?

— Ужасно неудобно!

— Скоро привыкнешь, — ответил он.

Я поглядел в зеркало. На глаза навернулись слезы. Все, что я видел, — трубки, торчащие у меня из ушей, как антенны.

— Мам, мне правда нужно это носить? — Я старался не расплакаться. — Ненавижу их. И слышу ничуть не лучше.

— погоди, приятель, — сказал доктор. — Я же их еще не включил. Вот почувствуешь разницу и будешь их обожать.

— Не буду!

И тогда он их включил.

Слышать ярко

Как можно описать то, что я услышал, когда доктор включил слуховой аппарат? Или то, чего я не слышал до этого? Как подобрать слова? Океана в моей голове больше не было. Он исчез. Разные звуки вспыхивали в мозгу какими-то ослепительными огоньками. Как будто ты сидишь себе в комнате, где одна лампочка на потолке перегорела, но того, что в комнате полумрак, не замечаешь, а затем лампочку меняют, и ты аж подпрыгиваешь: ого, какой яркий свет! Не знаю, есть ли слово, которое означает для слуха то же, что «яркий» для глаз, но оно бы мне как раз пригодилось, потому что мои уши сейчас слышали ярко.

— Ну что, Ави? — сказал ушной доктор. — Нормально слышишь?

Я поглядел на него и улыбнулся, но не ответил.

— Милый, ты чувствуешь разницу? — спросила мама.

Я радостно кивнул:

— Мам, незачем так кричать.

— Лучше? — поинтересовался ушной доктор.

— Я больше не слышу шума, — сказал я. — В ушах такая тишина.

— Пропал белый шум, — подтвердил врач и подмигнул мне. — Я же говорил, Август, тебе понравится. — И он поправил левый наушник.

— Сынок, звучит по-другому, да? — снова спросила мама.

— Ага, — кивнул я. — Звучит... светлее.

— Все потому, что ты обзавелся бионическим слухом, приятель. — Теперь доктор поправлял мне правый наушник. — Ну-ка, дотронься вот тут. — Он положил мою руку на обруч. — Здесь регулятор громкости. Нам нужно подобрать тебе подходящую. Сейчас мы этим и займемся, а пока полюбуемся.

Он достал маленькое зеркальце и показал мне в большое зеркало, как слуховой аппарат выглядит сзади. Почти не виден под волосами. Единственное, что бросалось в глаза, — торчащие из ушей трубки.

— Итак, ты доволен своим новым бионическим Лобот-аппаратом? — спросил ушной доктор, глядя на меня в зеркало.

— Да, — ответил я. — Спасибо.

— Большое спасибо, доктор Джеймс, — сказала мама.

Когда я впервые появился в школе со слуховым аппаратом, я думал, что все набросятся на меня с расспросами и издевками. Но я ошибался. Джун обрадовалась, что я стал лучше слышать, а Джек сказал, что я теперь похож на агента ФБР. И все. Мистер Браун спросил у меня о нем на уроке английского, но не так: «Что за чертовщина у тебя на голове?» — а скорее так: «Если тебе когда-нибудь понадобится, чтобы я что-то повторил, говори, не вздумай стесняться!»

Теперь я ума не приложу, почему столько времени отбрыкивался от слухового аппарата. Забавно, как иногда ты из-за чего-то очень переживаешь, а потом оказывается, что это не стоило выеденного яйца.

Секрет Оливии

Через пару дней после весенних каникул мама обнаружила то, что Оливия от нас скрывает: она участвует в школьном спектакле и премьера уже на следующей неделе. Ну мама и рассвирепела! Обычно мама если и злится, то не слишком сильно (хотя папа бы с этим не согласился), но сейчас она ого-го как вспыхнула. И они с Оливией поругались. Мои бионические уши ловили даже целые фразы, которые доносились из комнаты Вии.

Мама говорила:

— Вия, что с тобой творится? Ты угрюмая, молчишь все время, у тебя появились от нас секреты...

А Оливия в ответ вопила:

— Дался тебе этот дурацкий спектакль! У меня в нем даже реплик нет!

— Но у твоего друга большая роль! Ты разве не хочешь, чтобы мы пришли на него посмотреть?

— Нет, не хочу!

— Перестань кричать!

— Ты первая начала. И отстань от меня! Столько лет я тебя вообще не интересовала, и вот наконец ты решила меня заметить — с чего вдруг? Поздно, я уже в старшей школе!

Не знаю, что ответила мама, потому что внезапно стало очень тихо и даже моим бионическим ушам не удалось уловить ни звука.

Моя нора

К ужину они вроде бы помирились. Папа в тот вечер работал допоздна. Дейзи спала. Ее сильно вырвало днем, и мама записала ее на завтра к ветеринару.

Мы трое сели за стол. Все молчали.

Наконец я не выдержал:

— Ну что, мы пойдем посмотреть на Джастина в спектакле?

Вия не ответила, опустила взгляд на тарелку.

— Знаешь, Ави, — тихо произнесла мама. — Я сначала не разобралась, что это за пьеса, но оказалось, что она не годится для детей твоего возраста.

Я поглядел на Вию.

— Так меня не приглашают?

— Я этого не говорила, — сказала мама. — Я просто думаю, что тебе не понравится.

— Тебе будет совсем скучно! — Казалось, Вия меня в чем-то обвиняет.

Тогда я спросил у мамы:

— А вы с папой пойдете?

— Папа пойдет. А я останусь с тобой дома.

— Что?! — закричала Вия. — Вот как ты решила наказать меня за то, что я была с тобой честной!

— Ты же сначала сама не хотела, чтобы мы пришли, помнишь?

— Но теперь-то вы знаете о спектакле, и я хочу, чтобы вы пришли!

— Вия, надо учитывать чувства *каждого*.

Я заорал:

— Да о чем вы вообще говорите?

— Ни о чем! — отрезали они одновременно.

— Это касается школьных дел Вии, ты тут совсем ни при чем, — добавила мама.

— Ты врешь! — выпалил я.

— Как ты сказал? — Мама была потрясена. Даже Вия удивилась.

— Я сказал: ты врешь! И ты врешь! — крикнул я Вие и вскочил со стула. — Вы обе лгуны! Врете мне в лицо и не краснеете, будто я полный идиот!

Мама схватила меня за руку.

— Сядь, Ави.

Я выдернул руку и ткнул пальцем в Вию:

— Думаешь, я не понимаю? Ты просто не желаешь, чтобы твои выпендрёжные друзья-старшеклассники узнали, что твой брат — урод!

— Ави! — воскликнула мама. — Это неправда!

— Мама, не обманывай меня! — вопил я. — Перестань обращаться со мной как с трехлетним! Я урод, но не умственно отсталый! Я прекрасно понимаю, что происходит!

Я помчался в свою комнату и так хлопнул дверью, что с косяка посыпалась штукатурка. Потом кинулся на кровать и натянул на себя покрывало. Закрыв свое отвратительное лицо подушкой, а сверху навалил мягкие игрушки. И оказался будто в норе. Если бы можно было привязать к лицу подушку и разгуливать с ней повсюду, я бы только так и ходил.

И почему я так разъярился? В начале ужина я ведь не злился ни капли. Даже не грустил. Но потом внутри вдруг что-то как рванет. Я знал, что Вия не хотела, чтобы я пришел на ее дурацкий спектакль. И знал, почему она не хотела.

Я ждал, что мама прибежит ко мне в комнату. Я хотел, чтобы она нашла меня в норе из мягких игрушек, и поэтому так и замер, но она не поднялась ко мне и через десять минут. Странно. Она всегда ко мне заходит, когда я сижу в своей комнате и горюю.

Я представил, как мама и Вия говорят обо мне на кухне. Наверное, Вие сейчас очень, очень, очень стыдно. А мама ее корит. И папа, когда вернется домой, тоже ее отругает.

Слегка раздвинув мягкие игрушки, я взглянул на стенные часы. Я лежу тут уже целых полчаса, а мама еще не явилась. Я прислушивался к звукам в доме. Они еще ужинают? Что вообще происходит?

Наконец дверь распахнулась. Вия. Я думал, что когда ко мне поднимутся, то смущенно отворят дверь и робко приблизятся к моей кровати. Но Вия влетела, как вихрь.

Прощай

— Ави, скорее! — выдохнула Вия. — Мама хочет с тобой поговорить.

— Извинений не дождетесь!

— Это не про тебя! — закричала она. — Не все в мире вертится вокруг тебя, Ави! Беги вниз. Дейзи плохо. Мама везет ее к ветеринару. Иди попрощайся.

Я сбросил подушку с лица. И увидел, что Вия плачет.

— Что значит «попрощайся»?

— Давай же! — Она протянула мне руку.

Я взял ее за руку, и мы спустились на кухню. Дейзи лежала на полу, вытянув лапы. Она часто и тяжело дышала, как будто целый час носилась в парке. Мама стояла на коленях и гладила ее по голове.

— Что случилось? — спросил я.

Вия опустилась на колени рядом с мамой:

— Вдруг начала скулить, ни с того ни с сего.

— Я отвезу ее к ветеринару, — сказала мама. Она тоже плакала. — Мы уже вызвали такси.

— Ветеринар ее вылечит, правда же?

Мама посмотрела на меня:

— Очень надеюсь, милый. Но, если честно, не знаю.

— Конечно, вылечит!

— Ави, в последнее время Дейзи постоянно болеет. Она у нас старая...

— Но они ей обязательно помогут. — Я ждал, чтобы Вия со мной согласилась, но она не поднимала взгляда.

У мамы тряслись губы.

— Ави, возможно, нам придется проститься с Дейзи. Мне жаль.

— Нет! — крикнул я.

— Мы не хотим, чтобы она мучилась, Ави.

Зазвонил телефон. Вия взяла трубку, сказала «Спасибо» и, смахнув слезы со щек, обернулась к нам.

— Такси уже здесь.

— Хорошо. Ави, сынок, откроешь мне дверь? — Мама бережно подняла Дейзи, словно огромного младенца.

— Мамочка, пожалуйста, нет! — Я загородил дверь.

— Сынок, мне тяжело ее держать.

— А как же папа?!

— Он встретит меня в больнице. Ави, он тоже не хочет, чтобы Дейзи страдала.

Вия отодвинула меня в сторону и открыла дверь.

— Если понадобится, телефон у меня включен, — сказала мама Вие. — Можешь накрыть ее пледом?

Вия кивнула, а сама уже ревела навзрыд.

— Дети, попрощайтесь с Дейзи. — По маминому лицу текли слезы.

— Я люблю тебя, Дейзи, — сказала Вия, целуя Дейзи в нос. — Очень люблю.

— Пока, хорошая псина... — прошептал я Дейзи на ухо. — Я тебя люблю...

Мама понесла Дейзи вниз по ступенькам. Водитель такси открыл заднюю дверь, а мы стояли на пороге и смотрели, как мама садится в машину. Перед тем как закрыть за собой дверь, она обернулась и махнула нам. Я никогда не видел ее такой грустной.

— Мамочка, я тебя люблю! — крикнула Вия.

— Мамочка, я тебя люблю! — крикнул я. — Мам, прости меня, пожалуйста!

Мама послала нам воздушный поцелуй, и они тронулись. Мы глядели вслед отъезжавшей машине, а потом и Вия закрыла дверь. Мгновение она смотрела на меня, а потом обняла, очень-очень крепко, и вместе мы выплакали, наверное, миллион слез.

Игрушки Дейзи

Через полчаса пришел Джастин. Он обнял меня и сказал: «Сочувствую, Ави». А потом мы молча сидели в гостиной. Мы с Вией зачем-то собрали по всему дому игрушки Дейзи и сложили их на кофейном столике. И теперь просто пялились на гору игрушек.

— Самая классная собака на свете, — сказала Вия.

— Да, — ответил Джастин, обнимая Вию за плечи.

— Она вот просто так взяла и стала скулить? — спросил я.

Вия кивнула:

— Через две секунды после того, как ты ушел. Мама собиралась тебя догнать, но Дейзи заскулила.

— Как?

— Ну не знаю, просто завывала.

— Так заскулила или завывала?

— Ави, ну какая разница! Стала стонать, будто у нее что-то жутко болит. И дышала часто-часто. А потом повалилась на пол. Мама подошла и попыталась ее поднять, а Дейзи было так больно, что она укусила маму.

— Что?!

— Когда мама попробовала дотронуться до ее живота, Дейзи укусила ее за руку, — пояснила Вия.

— Дейзи никогда не кусается!

— Она была сама не своя, — сказал Джастин. — Ей же было больно.

— Правильно папа говорил, — вздохнула Вия. — Не надо было до этого доводить.

— Папа знал, что она болела? — удивился я.

— Ави, за последние два месяца мама возила ее к ветеринару три раза. Дейзи постоянно рвало. Ты что, не замечал?

— Я не думал, что все так серьезно!

Вия ничего не ответила, просто притянула меня к себе. Я снова расплакался.

— Мне тоже очень грустно, Ави, — сказала она. — И прости меня. Простишь? Ты же знаешь, как сильно я тебя люблю?

Я кивнул. Наша ссора казалась теперь глупостью и пустяком.

— До крови укусила? — спросил я.

— Нет, чуть-чуть только прихватила. Вот тут. — Она показала на кончик своего большого пальца.

— Маме было больно?

— С ней все хорошо, Ави. Все в порядке.

Мама и папа вернулись домой через два часа. Как только они открыли дверь — одни, без Дейзи, — мы поняли, что ее не стало. Мы все сели в гостиной вокруг горы ее игрушек. Папа рассказал, как все было: врач сделал Дейзи рентген и взял анализ крови, а потом вернулся и сообщил, что у нее огромная опухоль в желудке. Ей уже было трудно дышать. Мама и папа не хотели, чтобы она мучилась, поэтому папа взял ее на руки, так, как обычно — ее лапы торчали в воздухе, — а мама целовала и целовала ее на прощание и шептала ей на ухо ласковые слова. Ветеринар воткнул иглу ей в лапу, и примерно через минуту она умерла на руках у папы. Умиротворенная, говорит папа. Ей уже было совсем не больно. Она как будто просто заснула. Пока папа рассказывал, у него несколько раз срывался голос, и он откашливался.

Я никогда раньше не видел, как папа плачет, но сегодня увидел. Я побрел в спальню к родителям — искал маму, чтобы она уложила меня в постель, — а там на краю кровати сидел папа и снимал носки. Он сидел спиной к двери и не заметил меня. Сначала мне показалось, что он смеется, потому что у него тряслись плечи, но потом он закрыл ладонями лицо, и я понял, что он плачет. Это был самый тихий плач на свете. Как шепот. Я собирался подойти к нему, но потом подумал, что он плакал шепотом, потому что не хотел, чтобы его услышали. Поэтому я вышел из комнаты и отправился к Вие и увидел, что рядом с ней на постели лежит мама и что-то говорит ей на ухо, а Вия тоже плачет.

Тогда я пошел к себе, залез в кровать и надел пижаму — без всяких напоминаний — и включил ночник. И выключил большой свет, и забрался под грудку мягких игрушек, в которой прятался этим вечером — хотя мне казалось, что это было тысячу лет назад. Я снял слуховой аппарат и положил его на тумбочку, натянул одеяло на голову.

Я представлял, как ко мне прижимается Дейзи, а ее большой мокрый язык лижет мне лицо, как будто это ее самое любимое лицо на свете. Так я и заснул.

Небеса

Когда я проснулся, была еще ночь. Я вылез из постели и пошел в спальню к родителям.

— Мама? — прошептал я. В темноте было не видно, проснулась она или нет. — Мама?

— Что случилось, сынок? — спросила она.

— Можно мне к вам?

Мама подвинулась к папе, а я прильнул к ней. Она меня поцеловала.

— Как твоя рука? — сказал я. — Вия сказала, Дейзи тебя укусила.

— Ерунда, даже царапины не осталось.

Я расплакался.

— Мам... Прости меня за то, что я сказал.

— Ш-ш-ш... Тебе не за что просить прощения, — сказала она еле слышно. Она прижалась щекой к моей щеке.

— Вия меня стесняется, да?

— Нет, милый, нет. Ты и сам знаешь. Она всего лишь приспосабливается к новой школе. Это непросто.

— Знаю.

— Я знаю, что ты знаешь.

— Прости, что назвал тебя врунней.

— Засыпай, малыш... Я тебя очень люблю.

— И я тебя тоже люблю, сильно-сильно.

— Спокойной ночи, мой хороший.

— Мама, а Дейзи сейчас с бабушкой?

— Думаю, да.

— На небесах?

— Да.

— А когда люди попадают на небеса, они выглядят так же, как на земле?

— Не знаю. Вряд ли.

— И как же они друг друга узнают?

— Не знаю, сынок. — Ее голос звучал устало. — Просто чувствуют. Для того чтобы любить, глаза не нужны, правда же? Ты чувствуешь любовь, и все тут. Вот так и на небесах. Если любишь человека, то это навсегда. И ты обязательно его узнаешь.

Она снова меня поцеловала.

— А теперь спи, сынок. Очень поздно. И я страшно устала.

Но я не мог заснуть даже после того, как заснула мама. Я слышал, как дышит папа и даже как дышит Вия в своей комнате, — или мне это казалось. Интересно, спит ли сейчас Дейзи на небесах? И если спит, то, может, видит во сне меня? И как это — попасть в рай, где никто, никто не обращает внимания на твое лицо? Как не обращала внимания Дейзи.

Дублерша

Через несколько дней после смерти Дейзи Вия принесла домой три билета на школьный спектакль. Мы больше ни разу не возвращались к той ссоре за ужином. В день премьеры, когда они с Джастином уходили пораньше, чтобы подготовиться к спектаклю, Вия крепко меня обняла и сказала, что любит меня и гордится тем, что она моя сестра.

Я в первый раз шел в новую школу Вии. Она была огромная: намного больше, чем ее старая школа, и в сто раз больше, чем моя. Коридоры широкие, потолки высокие. Единственный серьезный минус моего Лобот-аппарата — поверх него нельзя надеть бейсболку, а бейсболка порой бывает очень полезна. Иногда мне хочется снова спрятаться под старым космонавтским шлемом, который я носил, когда был маленьким. Хотите верьте, хотите нет, но ребенок в шлеме удивляет людей намного меньше, чем ребенок с лицом, как у меня. Ну да ладно, в общем, я опустил голову пониже и потопал за мамой по этим длинным светлым коридорам.

Мы последовали за толпой к зрительному залу, у входа в который школьники раздавали программки. Нашли свои места — в пятом ряду, почти посередине. Как только мы уселись, мама принялась шарить в сумочке.

— Не может быть! Очки забыла! — воскликнула она.

Папа покачал головой. Мама всегда забывала очки, или ключи, или еще что-нибудь важное — то одно, то другое. Такая уж она есть, и ее не переделаешь.

— Может, пересядем поближе? — спросил папа.

Мама сощурилась на сцену.

— Да нет, и отсюда нормально видно.

— Смотрите, Джастин! — Я показал им фотографию Джастина в программке.

— Хорошо получился, — кивнул папа.

— А почему тут нет Вии? — спросил я.

— Она дублерша, — ответила мама. — Но гляди-ка: вот ее имя.

— Что значит дублерша?

Мама протянула программку папе:

— Ничего себе! Взгляни на фото Миранды. Я бы ее не узнала.

— Так что значит дублерша? — повторил я.

— Дублером называют того, кто замещает актера, если он почему-то не может выступать, — ответила мама.

— Ты слышала, что Мирандин отец снова женился? — сказал папа.

— Да что ты! — воскликнула мама. — Откуда ты знаешь?

— Я встретил в метро маму Миранды. Сама понимаешь, она не в восторге. У его новой жены вот-вот родится ребенок.

Мама покачала головой:

— Ну и ну.

— А почему актеры на замене называются дублерами? — сказал я.

— Точно не знаю, Ав-Гав, — ответил папа. — Наверное, потому что «дублировать» — значит делать что-то параллельно, а дублеры ведь учат роль параллельно с основными актерами.

Я еще кое-что собирался сказать, но тут погас свет. В зрительном зале мгновенно настала тишина.

Я прошептал папе на ухо:

— Папа, пожалуйста, не зови меня больше Ав-Гав.

Папа улыбнулся, кивнул и показал большие пальцы.

Подняли занавес. Сцена была совершенно пустая, только на старом расшатанном стуле сидел Джастин и настраивал скрипку. На нем был старомодный костюм и соломенная шляпа.

— Сейчас вы увидите пьесу «Наш городок», — сказал он зрителям. — Ее написал Торнтон Уайлдер, а поставил Филип Дейвенпорт. Городок называется Гроверс-Корнерс. Он расположен в штате Нью-Хэмпшир, у самой границы со штатом Массачусетс. В первом действии мы покажем вам один день из жизни нашего городка — 7 мая 1901 года. Время — незадолго перед рассветом.

И тут я понял, что спектакль мне понравится. Он был не такой, как другие школьные спектакли, которые я видел: «Волшебник страны Оз», например. Или «Облачно, возможны осадки в виде фрикаделек». Нет, тут все было по-

взрослому, и меня распирало от гордости, что я сижу здесь и смотрю вместе со всеми.

Чуть позже миссис Уэбб из пьесы позвала свою дочь, Эмили. Я знал из программы, что эту роль играет Миранда, и вытянул шею, чтобы лучше видеть.

Когда Эмили вышла, мама, щурясь на сцену, прошептала:

— Это Миранда. Надо же, как изменилась...

— Это не Миранда, — тихо ответил я. — Это Вия.

— О боже! — Мама резко наклонилась вперед.

— Тс-с-с, — цыкнул на нас папа.

— Это Вия! — шепотом закричала мама.

— Вижу, — улыбнулся папа. — Тс-с-с!

Финал

Спектакль был потрясающий. Чем закончилось, не буду рассказывать, но от таких финалов зрители плачут. Мама чуть в обморок не грохнулась, когда Вия-Эмили сказала:

— Прощай, прощай, белый свет! Прощай, Гроверс-Корнерс... мама, папа... Прощай, тиканье часов... И мамины подсолнухи... И еда, и кофе, и вечно подгоревший бекон... И свежеотглаженные платья, и горячая ванна... и сон, и пробуждение. О земля, ты слишком прекрасна, чтобы кто-нибудь мог понять, какая ты!

Вия и в самом деле плакала. Настоящими слезами: я видел, как они катятся у нее по щекам. Фантастика!

Когда занавес упал, все зрители стали хлопать. Тогда актеры вышли на сцену, один за другим. Вия и Джастин появились последними, и когда они появились, весь зал встал.

Я услышал, как папа кричит, сложив руки рупором:

— Браво!

— А почему все встают? — спросил я.

— Потому что люди благодарны актерам за прекрасную игру, — ответила мама, поднимаясь на ноги. — Вот это настоящая оvação!

Ну и я встал и хлопал, хлопал и хлопал. Чуть ладони себе не отбил. На миг я представил, как классно было бы сейчас превратиться в Вию или Джастина — ведь ими восхищаются столько людей! Надо придумать закон, по которому каждому человеку в мире полагалась бы настоящая оvação, хоть раз в жизни.

Не знаю, сколько минут все хлопали, но наконец актеры отступили в глубь сцены, и занавес опустился. Аплодисменты стихли, зажегся свет.

Мы с мамой и папой пробивались к сцене. Казалось, актеров кинулись поздравлять абсолютно все: их обнимали, хлопали по плечам, пожимали руки. В центре толпы мы увидели Вию и Джастина, они всем улыбались и смеялись.

— Вия! — крикнул папа.

Когда ему удалось к ней прорваться, он обнял ее и приподнял.

— Доченька, ты бесподобна!

— О боже, Вия! — Мама чуть не визжала от радости. — О боже, боже! — Она стискивала Вию так отчаянно, что я испугался, что Вия задохнется, но та только смеялась.

— Ты была неподражаема! — сказал папа.

— Неподражаема! — Мама кивала и качала головой одновременно.

— И ты, Джастин. — Папа пожал Джастину руку и обнял его. — Грандиозно!

— Грандиозно! — повторила мама. Кажется, она так разволновалась, что самостоятельно говорить уже не могла, — Мы чуть со стульев не упали, когда увидели тебя на сцене, Вия! — воскликнул папа.

— Мама сначала тебя не узнала! — добавил я.

А мама прижала ладони к щекам:

— Я тебя не узнала.

— В последний момент Миранде стало дурно, — выдохнула Вия. — Мы даже не успели объявить о замене.

Надо сказать, выглядела она странновато, потому что на ее лице была тонна косметики, а я ее такой ни разу не видел.

— И ты вот так просто взяла и заменила ее в самую последнюю минуту? — удивился папа. — Потрясающе.

— Она была великолепна, — сказал Джастин, обнимая Вию.

— Все в зале плакали, — сказал папа.

— А что с Мирандой? — сказал я, но меня никто не услышал.

И тут к Джастину и Вие, аплодируя, подошел какой-то лысый дядечка, судя по всему, их учитель.

— Bravo, bravo! Оливия и Джастин! — И он расцеловал Вию в обе щеки.

— Я переврала пару реплик, — вздохнула Вия.

— Ничего, ты справилась! — Он улыбался во весь рот.

— Мистер Дейвенпорт, познакомьтесь, это мои родители, — сказала Вия.

Он тряс обеими руками сначала мамину руку, а потом папину:

— Вы должны гордиться своей дочкой!

— Мы и гордимся!

— А это мой младший брат Август, — произнесла Вия.

Он уже было открыл рот, чтобы со мной поздороваться, но, увидев меня, замер.

— Мистер Дейвенпорт! — Джастин потянул его за рукав. — Пойдемте, я познакомлю вас с моей мамой.

Вия хотела мне что-то сказать, но ее окружили приятели, и не успел я опомниться, как оказался в толпе совсем один. То есть я знал, где примерно находятся мама и папа, но со всех сторон теснилось столько людей, и все наталкивались на меня и бросали те самые взгляды, от которых мне было не по себе. Не знаю почему — из-за жары, а может, еще из-за чего, — но у меня закружилась голова. Лица расплывались перед глазами. А голоса оглушали. Я попробовал уменьшить звук в Лобот-аппарате, но перепутал и сделал его громче. И подскочил от неожиданности. А когда поднял глаза, то нигде не увидел ни мамы, ни папы, ни Вии.

— Вия! — выкрикнул я.

И стал пробираться сквозь толпу.

— Мама!

Но кругом было лишь плотное кольцо животов и галстуков.

— Мама!

Вдруг кто-то схватил меня сзади за плечи.

— Ну и ну, какие люди! — сказал знакомый голос, и меня крепко обняли. Сначала я подумал, что это Вия, но обернулся и не поверил своим глазам.
— Привет, майор Том!
— Миранда! — И я обнял ее так сильно, как только мог.

Часть седьмая Миранда

Я забыла, что в мире
Столько прекрасных вещей.
Я забыла, чего я прежде
Ждала от жизни своей.

Группа Andain «Прекрасные вещи» (Beautiful Things)

В лагере

Летом, как только я окончила восьмой класс, мои родители развелись. Папа сразу же съехал к какой-то девице. Думаю, они и разошлись из-за его романа, хотя от мамы я этого никогда не слышала.

После развода папу я почти не видела. А мама вела себя как-то ужасно странно. Не то чтобы у нее крыша съехала, но она будто замкнулась в себе. Замедлилась. Моя мама из тех людей, которые для посторонних напяливают счастливую маску, а на семью их уже не хватает. Она никогда ничем со мной не делилась: не говорила ни о своих чувствах, ни о своей жизни. Я плохо себе представляю, какой она была в моем возрасте. Что ей нравилось, а что нет. Своих родителей она упоминала всего несколько раз — я никогда их и не видела, — и говорила про то, что мечтала удрать от них как можно дальше, когда вырастет. И никогда не объясняла почему.

Я спрашивала, но она пропускала вопросы мимо ушей.

Я не хотела ехать в лагерь. Хотела остаться с ней, помочь ей пережить развод. Но она настояла на моем отъезде. Я решила, что, наверное, ей нужно побыть одной, и согласилась.

Лагерь я терпеть не могла, там было просто невыносимо. Я записалась помощницей вожатого, понадеялась, что будет хоть немного лучше, — зря надеялась. Вдобавок во всем лагере не оказалось никого из моих прошлогодних знакомых, ни единого человека, так что я совсем никого не знала. В общем, сама не понимаю, как так получилось, но я начала пудрить мозги девочкам из своего отряда. Они меня расспрашивали, а я заливала: мои родители в Европе, говорила я. А живу я в огромном особняке на самой прекрасной улице в Норт-Ривер-Хайтс. У меня есть собака Дейзи.

Потом, в один прекрасный день, я ляпнула, что у меня есть младший брат — урод. Не знаю зачем: наверное, просто так, хотелось посмотреть, что будет. И конечно, девочки запричитали: «Правда? Ой, бедняжка! Как же это тяжело!» И

так далее, и тому подобное. Я сразу пожалела, что брякнула. Получается, я — самозванка. Если Вия узнает, думала я, она решит, что я сбрендилa. А может, так оно и есть. Но с другой стороны, мне казалось, что я не совсем вру. Я ведь знала Ави с тех пор, как ему было два года. Он рос у меня на глазах. Я с ним играла. Ради него я отсмотрела все шесть эпизодов «Звездных войн» — чтобы разговаривать с ним обо всех этих мандалорах и охотниках за головами. Именно я подарила ему космонавтский шлем, и он не снимал его целых два года. Я вроде как заслужила право думать о нем как о брате.

И самое поразительное, что мои выдумки сотворили чудо — все меня заобожали. Другие помощницы вожатых услышали мою историю от малышни и только о ней и трещали. Никогда в жизни я не пользовалась особым успехом у сверстников, но этим летом в лагере я оказалась всеобщей любимицей, и все рвались со мной дружить. Даже девочки из вожатского домика приняли меня за свою, а ведь они считали себя элитой. Они говорили, что им нравятся мои волосы (хотя после общения с ними моя прическа сильно изменилась). Говорили, что им нравится, как я крашусь (хотя краситься я тоже стала по-другому). Они научили меня превращать обычную футболку в модный топ. Мы курили. Поздно вечером мы выскальзывали из своих домиков и шли через лес в лагерь мальчиков. Мы гуляли с мальчиками.

Когда я вернулась из лагеря, я сразу позвонила Элле и договорилась с ней о встрече. Не знаю, почему я не позвонила Вие. Наверное, я просто не хотела ей ничего рассказывать. Она бы стала спрашивать о родителях, о лагере. А Эллу такие вещи никогда не интересовали. В этом смысле дружить с ней было проще и удобнее. Она не такая строгая, как Вия. С ней весело. Когда я покрасила волосы в розовый цвет, Элле понравилось. А больше всего ее интересовало, куда мы ходили по ночам.

Мы стали другими

В школе мы с Вией почти не виделись, а когда виделись, мне было как-то не по себе. Будто она меня осуждала. Я чувствовала, что она не одобряет мой новый стиль. И что ей не нравятся мои новые друзья. А мне, наоборот, не нравились ее друзья. Мы не ссорились: просто взяли и отделились. Я и Элла злословили у нее за спиной: «Нашлась недотрога! Тоже еще, святоша!» Мы знали, что поступаем плохо, и притворялись, что это она нам чем-то насолила, и поэтому-то мы над ней издеваемся. Но, конечно, она ничего плохого нам не сделала и сама ни капли не изменилась: изменились мы. Мы стали другими, а она оставалась такой, какой была всегда. И это меня почему-то страшно злило.

Время от времени я подглядывала, где она сидит в столовой, или смотрела на списки курсов по выбору, чтобы знать, на какой она записалась. Но мы с ней никогда не разговаривали, только кивали друг другу в коридоре — и все.

Я заметила Джастина в середине года. До этого я совсем не обращала на него внимания: какой-то тощий длинноволосый паренек в очках, который повсюду таскал с собой скрипку. А потом я увидела, как он обнимает Вию. «Надо же! У нашей Вии парень появился!» — сказала я Элле. И почему меня это удивляло? Из нашей тройцы Вия уж точно была самая красивая: синие-синие глаза, длинные

волнистые волосы. Но она всегда вела себя так, будто на мальчиков ей начхать. Как будто для свиданий она слишком умная.

У меня тоже был парень, Зак. Когда я сообщила ему, что записалась в театральную студию, он покачал головой и хмыкнул: «Смотри не превратись в оголтелую театралку». С отзывчивостью у него не очень, но зато он такой клевый. И в школе не последний человек. Спортсмен, играет за нашу сборную.

Сначала я и не собиралась заниматься в театральной студии. Но увидела имя Вии в списке и вдруг взяла и нацарапала рядом свое. Сама себе поразилась. Тем более мы уже полгода избегали друг друга, словно и не знакомы. А как-то раз я пришла в студию пораньше, и Дейвенпорт попросил меня отксерить пьесу, которую он собирался ставить весной. Пьеса называлась «Человек-слон», я слышала о ней раньше, хотя толком не знала, про что там. Но сейчас, пока ксерокс работал, я начала читать. Что-то о человеке по имени Джон Меррик, который жил сто лет назад и который был безобразнейшим уродом.

— Мы не можем ставить эту пьесу, мистер Дейвенпорт! — воскликнула я, когда вернулась в класс. — У моего младшего брата врожденный дефект лица, и этот спектакль травмирует его и всю мою семью!

Кажется, я не очень его убедила, только рассердила. Тогда я сказала, что у моих родителей будут серьезные претензии к школе, которая показывает такой спектакль. И в конце концов он поменял пьесу на «Наш городок».

Наверное, я решила попробовать на роль Эмили Уэбб, так как знала, что Вия тоже на нее пробует. Мне и в голову не приходило, что выберут меня, а не ее.

Чего мне не хватает

Мне не хватает не только самой Вии — мне не хватает ее семьи. Я люблю ее маму и папу. Они всегда были со мной очень добры, всегда так хорошо меня принимали. Я знаю, что они любят своих детей больше всего на свете. Рядом с ними я всегда чувствовала себя в безопасности. Даже безопаснее, чем дома. Глупо, да? И, конечно, я люблю Ави. Я никогда его не боялась, даже когда была еще маленькая. Некоторые мои друзья не могли поверить, что я хожу к Вие в гости. «От него же волосы на голове дыбом встают», — говорили они. «Ну и дураки», — отвечала я. Лицо у Ави вовсе не такое ужасное, если привыкнуть.

Один раз я позвонила Вие домой, просто чтобы поздороваться с Ави. А может, в глубине души я надеялась, что ответит Вия, не знаю.

— Привет, майор Том! — Я его всегда так называла.

— Миранда! — Он жутко мне обрадовался, а я этому очень удивилась. — Я теперь хожу в обычную школу! — прокричал он.

— Правда? Ух ты! — Я была обескуражена. И предположить не могла, что он пойдет в обычную школу. Ведь родители так его оберегали. Наверное, я считала, что он всегда будет ходить в моем космонавтском шлеме. А потом, за разговором с ним, я поняла: он и не подозревал, что мы с Вией больше не дружим. «В старшей школе все по-другому», — объяснила я ему. — Там общаешься с уймой разных людей».

— А у меня в школе тоже появились друзья, — сказал он. — Джек и Джун.

— Так держать, Ави! — сказала я. — Ну, я просто хотела сказать, что скучаю по тебе, и пожелать всего хорошего. Звони в любое время, договорились? Ты же знаешь, что я тебя люблю.

— Я тебя тоже люблю, Миранда!

— Передавай привет Вие. Скажи, что я по ней скучаю.

— Передам. Пока!

— Пока!

Неподражаема, а смотреть некому

Ни мама, ни папа не явились на премьеру: мама опять застряла на работе, а папа не отходил от своей новой жены, которая в любую секунду могла родить его нового ребенка.

Зак тоже не явился: он играл в волейбол против команды колледжа, и этот матч никак нельзя было пропустить. Вообще-то он даже уговаривал меня прогулять спектакль и прийти за него поболеть. И все мои подружки тоже побежали на матч — ну конечно, ведь играют их парни. Даже Элла не пришла. Ну, куда все, туда и она.

Итак, на спектакле не было никого, кто хоть как-то мне близок. А дело в том, что, как я поняла на третьей или четвертой репетиции, я хорошая актриса. Я чувствую роль. Я понимаю текст. Я произносила свои реплики так, будто они рождались у меня в голове и в сердце. И на премьере, скажу вам честно, я готовилась сыграть не просто хорошо, а превосходно. Я буду неподражаема. Вот только смотреть на меня некому.

Пока все нервничали за кулисами, повторяя про себя реплики, я выглянула в зрительный зал. И тогда я увидела Ави, который шел по проходу с Изабель и Нейтом. Они заняли три места в пятом ряду, прямо посередке. На Ави был галстук-бабочка, он радостно озирался. Он немного вырос с тех пор, как я его видела, а волосы стали короче. Теперь он носил наушники: наверное, слуховой аппарат. Мы с Ави не виделись почти год. Но его лицо ни чуточки не изменилось.

Я оглянулась на сцену. Дейвенпорт помогал декораторам что-то подправить — это были последние штрихи. Джастин, лихорадочно бормоча, шагал туда-сюда за левой кулисой.

— Мистер Дейвенпорт, — сказала я неожиданно для самой себя. — Извините, но я не могу сегодня играть.

Дейвенпорт медленно обернулся.

— Что? — произнес он.

— Простите.

— Ты что, смеешься?

— Я... просто... — промямлила я, глядя в пол, — ...плохо себя чувствую. Извините. Меня сейчас вырвет.

Я лгала.

— Ничего страшного, обычный мандраж.

— Нет! Я не смогу выйти на сцену! Говорю же вам.

Дейвенпорт начал вскипать.

— Миранда, это возмутительно!

— Простите!..

Дейвенпорт глубоко вдохнул, пытаясь взять себя в руки. Честно говоря, он выглядел так, будто вот-вот взорвется. Его лысина стала пунцовой.

— Миранда, это абсолютно неприемлемо! Иди сделай несколько глубоких вдохов и...

— *Я не буду играть!* — громко сказала я, и на глаза тут же навернулись слезы.

— Прекрасно! — выкрикнул он, не глядя на меня. — Прекрасно! — Потом обернулся к нашему художнику-оформителю Дэвиду.

— Беги найди Оливию, она в будке осветителя! Скажи ей, что она заменяет Миранду!

— Чего? — переспросил Дэвид, он вообще у нас тугодум.

— Беги! — зарычал на него Дейвенпорт. — Быстро!

Наконец и до остальных начало доходить, что у нас не все гладко, и они собрались вокруг.

— Что случилось? — спросил Джастин.

— Неожиданные изменения, — процедил Дейвенпорт. — Миранда плохо себя чувствует.

— Меня тошнит, — сказала я слабым голосом.

— Так почему ты еще тут? — рявкнул Дейвенпорт. — Перестань болтать, снимай костюм и отдай его Оливии! Ясно? Так, все по местам!

Я понеслась за сцену в примерную и принялась стягивать костюм. Через две секунды в дверь постучали, и в комнату вошла Вия.

— Что стряслось?

— Скорее, надевай! — Я протянула ей платье.

— Ты заболела?

— Да! Поторапливайся!

Ошеломленная Вия стянула футболку и джинсы и через голову надела длинное платье. Я ей помогала, потом застегивала молнию на спине. К счастью, первые десять минут спектакля Эмили не появляется на сцене, поэтому наша гримерша успела зачесать волосы Вии в пучок и наложить грим. Я никогда не видела Вию сильно накрашенной: она выглядела как фотомоделка.

— А если я забуду свой текст? — сказала Вия, глядя в зеркало. — *Твой текст.*

— У тебя все получится, — ответила я.

— Зачем тебе это, Миранда? — Вия смотрела на мое отражение.

— Оливия! — Это Дейвенпорт орал шепотом из коридора. — Твой выход через две минуты. Сейчас или никогда!.

Вия вышла из гримерной, и я так ей и не ответила. Да я и не знала, что сказать.

Спектакль

Я смотрела спектакль из-за кулис, рядом с Дейвенпортом. Джастин играл потрясающе, и Вия, особенно в той душераздирающей сцене, была бесподобна. В одной реплике она было споткнулась, но Джастин ей помог, и никто из зрителей не заметил. Я слышала, как Дейвенпорт бормочет себе под нос: «Хорошо, хорошо, хорошо». Он волновался больше, чем все его ученики вместе взятые: актеры, декораторы, осветители, парень, поднимавший занавес. Трясся как в припадке, ей-богу.

Единственный раз, когда я пожалела о том, что сделала, — совсем чуть-чуть пожалела — в самом конце, когда все вышли из-за кулис на поклон. Вия и Джастин выходили последними, и зрители встали. Тогда, признаться, я ощущала одновременно и радость, и горечь. Но уже спустя несколько минут я увидела, как Нейт, Изабель и Ави пробираются за кулисы и сияют от счастья. За кулисами все поздравляли и обнимали актеров. Суматоха невообразимая: актеры стояли потные и довольные, а зрители подходили к ним выразить свое восхищение. В этой толчее я и заметила Ави: кажется, он потерялся. Я протиснулась к нему сквозь толпу.

— Эй! — сказала я. — Майор Том!

После спектакля

Так и не объяснишь, почему я страшно обрадовалась, увидев Ави спустя столько месяцев, и не передашь, как хорошо было его обнять.

— Поверить не могу, как ты вырос! — сказала я.

— Я думал, ты будешь в спектакле! — сказал он.

— Что-то настроения не было. Но Вия сыграла замечательно, правда же?

Он кивнул. Через две секунды нас нашла Изабель.

— Миранда! — радостно воскликнула она и поцеловала меня в щеку. А потом обернулась к Августу: — Куда ты исчез?!

— Это ты исчезла, — ответил Ави.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила меня Изабель. — Вия говорит, тебе нездоровится...

— Мне уже лучше, — сказала я.

— Твоя мама тут?

— Нет, у нее работа. Так что я не очень расстраиваюсь, что не смогла играть. — Я несколько не лукавила. — В любом случае будет еще два спектакля...

Хотя вряд ли у меня получится так здорово, как у Вии.

Подошел Нейт, и с ним у нас повторился тот же разговор, почти слово в слово. Потом Изабель сказала:

— Слушай, мы сейчас собираемся поужинать и отпраздновать премьеру. Не хочешь к нам присоединиться? Мы были бы очень рады!

— Спасибо, но я еще не... — начала я.

— Пожа-а-алуйста! — сказал Ави.

— Мне надо домой...

— Мы настаиваем, — сказал Нейт.

К нам подошли Вия, Джастин и его мама, и Вия меня обняла.

— Тебе от нас не отвертеться. — Она улыбалась своей прежней улыбкой.

Мы выбрались из толпы, и, если честно, в первый раз за очень, очень долгое время я чувствовала себя абсолютно счастливой.

Часть восьмая Август

Лети, прекрасное дитя!

Энни Леннокс *«Прекрасное дитя» (Beautiful Child)*

Турбаза для пятиклассников

Каждую весну пятиклассники школы Бичера уезжают на три дня и две ночи в Пенсильванию, на турбазу «Брорвуд». Добираются до нее четыре часа на школьном автобусе. Спят в хижинах на двухъярусных кроватях. Разгуливают по лесу и жарят зефир на костре. Учителя готовили нас к этой поездке весь год, и все давно считают до нее дни и часы — все, кроме меня. То есть я тоже считаю дни и часы, просто я всегда ночевал только дома, поэтому и волнуюсь.

Большинство моих ровесников не раз ночевали у кого-нибудь в гостях. У бабушек с дедушками, например, или отдыхали в летнем лагере. Но только не я. Если не считать больницы — и даже тогда мама и папа на ночь оставались со мной. Я, например, никогда не ночевал у Ба и Де или у тети Кейт и дяди По. Когда я был маленьким, то не спал у них потому, что разобраться во всем медицинском оборудовании, которое ко мне прилагалось, было не всякому под силу: например, нужно было каждый час чистить трахейную трубку или вставлять зонд для кормления, если он отсоединялся. Но когда я подрос, я и сам не очень-то рвался из дома. Однажды я чуть не переночевал у Кристофера. Нам было лет по восемь, и мы все еще были лучшими друзьями. Мы поехали к ним в гости, и мы с Кристофером так отлично играли в леговские «Звездные войны», что вечером я не хотел уходить, а Кристофер заканючил: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, можно Ави останется у нас?» Наши родители согласились, и мама с папой и Вией уехали домой. А мы с Кристофером играли до полуночи, пока Лиза, его мама, не сказала: «Ну все, джедай, марш в кровать». И вот тогда я струхнул не на шутку. Лиза попробовала уложить меня спать, но я как разревусь и как закричу: «Хочу домой!» И Лиза в час ночи позвонила маме с папой, и папа вернулся за мной в Бриджпорт. Мы добрались домой в три часа ночи. В общем, моя единственная попытка переночевать не дома с треском провалилась. Вот я и нервничаю из-за турбазы.

Но, с другой стороны, мне туда очень хочется.

Чем известен

Я попросил маму купить мне новую сумку на колесиках, потому что на старой у меня нарисованы «Звездные войны», и я категорически отказываюсь брать ее на турбазу для пятиклассников. При всей моей любви к «Звездным войнам» я не хочу, чтобы меня знали как их фаята. В средней школе все чем-то известны. Росс, например, спец по морям и океанам. Амос — лучший в параллели бейсболист. Шарлотта в шесть лет снялась в телерекламе. А Ксимена очень умная.

Это я о том, что в средней школе ты известен своими достижениями и увлечениями, и тут нужно быть осторожным. Вот, например, Макс А. и Макс Б. теперь навечно — заядлые игроки в «Подземелья и драконы».

Поэтому-то я и хочу немножко отстраниться от «Звездных войн». То есть я всегда буду их любить — как, например, любит их ушной доктор. Просто я не хочу, чтобы в средней школе меня знали как звездно-войного маньяка. Я пока не уверен, чем хочу быть известен, но точно не этим.

Хотя вообще-то, конечно, я знаю, чем известен на самом деле. Но со своим лицом я ничего не могу поделать. А со старой сумкой могу.

Сборы

Мама помогала мне собирать вещи перед путешествием. Мы свалили на кровать всю одежду, которую я брал с собой, и мама аккуратно ее сворачивала и складывала в сумку, а я сидел рядом. Кстати, это была обычная синяя сумка на колесиках, никаких надписей и рисунков.

— А что, если ночью я не смогу заснуть? — спросил я.

— Возьми с собой книгу., Если не спится, доставай фонарик и читай, пока глаза не слипнутся, — ответила она.

— А если мне приснится кошмар?

— Сынок, рядом будут учителя. И Джек. И остальные друзья.

— Я могу взять с собой Бабу, — сказал я.

Бабу — маленький черный медведь с мягким черным носом. В детстве это была моя самая любимая плюшевая игрушка.

— Ты же давно с ним не спишь, — удивилась мама.

— Нет, но держу его в тумбочке, на случай, если ночью проснусь и не получится заснуть обратно. Я спрячу его в сумке. И никто не узнает.

— Давай так и сделаем. — И мама достала Бабу из тумбочки.

— Жалко, что там запрещены мобильные телефоны, — вздохнул я.

— Да, жалко. Хотя я не сомневаюсь, что ты чудесно отдохнешь, Ави. Ты точно хочешь взять с собой Бабу?

— Ага. Только запихни его поглубже, чтобы никто не увидел, — попросил я.

Мама засунула Бабу в сумку, а сверху положила последнюю футболку.

— Столько одежды на два дня!

— Три дня и две ночи, — поправил я.

— Три дня и две ночи, — улыбнулась мама, застегнула сумку и приподняла. — Тяжело... но не очень. Попробуй.

Я тоже поднял сумку и пожал плечами:

— Нормально.

Мама села на кровать.

— Погоди, а что случилось с постером «Империя наносит ответный удар»?

— Снял его сто лет назад, — ответил я.

— Надо же. — Она покачала головой. — А я только сейчас заметила.

— Пытаюсь немного изменить свой образ, — объяснил я.

— Хорошо. — Мама кивнула, будто все поняла. — Да, совсем забыла: пообещай мне, что будешь прыскаться спреем от комаров, хорошо? Особенно на ноги, и особенно когда идешь в лес. Спрей вот тут, в переднем отделении.

— Угу.

— И носи бейсболку — ты же не хочешь получить солнечный удар. И не забудь снять слуховой аппарат, если будешь купаться.

— А если не сниму? Меня убьет током?

— Нет, тебя убьет папа, потому что такие вещи стоят целое состояние! — засмеялась она. — Дождевик тоже в переднем отделении. Если пойдет дождь, обязательно прячь слуховой аппарат под капюшоном, хорошо?

— Есть, мэм! — отсалютовал я.

Мама притянула меня к себе.

— Ты так вырос в этом году, Ави. Даже не верится.

— Стал выше?

— Несомненно.

— Но я все равно самый маленький в классе.

— Вообще-то я не про рост, — улыбнулась мама.

— Как думаешь, там будет ужасно?

— Думаю, будет прекрасно, Ави.

Я кивнул. Она встала и поцеловала меня в лоб.

— Ну хорошо, а теперь пора в кровать.

— В девять часов? Мам, ты что!

— Завтра вставать в шесть утра. Ты же не хочешь опоздать на автобус? Давай-ка, живо. Уже почистил зубы?

Я кивнул и забрался под одеяло.

— Мам, сегодня не нужно меня укладывать. Я сам почитаю, пока глаза не слипнутся.

— Правда? — поразилась мама. Она легонько сжала мою руку и поцеловала ее. — Тогда спокойной тебе ночи! Хороших сновидений.

— И тебе.

Она включила маленький ночник у кровати.

— Я буду тебе писать, — сказал я на прощанье. — Хотя, наверное, я приеду домой раньше своих писем. Ну и пусть.

— Что ж, тогда прочитаем их вместе. — И мама послала мне воздушный поцелуй.

Когда она вышла из комнаты, я взял с тумбочки «Льва, колдунью и платяной шкаф» и читал, пока не заснул.

«Колдунья знает Тайную Магию, уходящую в глубь времен. Но если бы она могла заглянуть еще глубже, в тишину и мрак, которые были до того, как началась история Нарнии, она прочитала бы другие Магические Знаки»^[13].

Рассвет

Проснулся я ни свет ни заря. В комнате было темно, а снаружи еще темнее, хотя почему-то было понятно, что скоро утро. Я повернулся на бок, но спать совершенно не хотелось. И вот тогда я увидел, что рядом с моей кроватью сидит Дейзи. То есть я знал, что это была не Дейзи, но на секунду увидел тень, которая выглядела в точности как она. В тот момент я был уверен, что это не сон, но сейчас, вспоминая то утро, думаю, что сон. Я совсем не расстроился: наоборот, мне стало хорошо-хорошо. Какой-то миг — и Дейзи исчезла, будто растворилась в темноте.

Комната понемногу светлела. Я потянулся за слуховым аппаратом и надел его, и теперь мир действительно проснулся. Я слышал, как по улице гремят

мусоровозы и как за домом поют птицы. Как у мамы в спальне пищит будильник. Благодаря Дейзи я вдруг почувствовал себя суперсильным: я знал, что она всегда рядом, где бы я ни был.

Я вылез из постели, подошел к столу и написал маме записочку. Потом спустился в гостиную, где стояла моя сумка. Открыл сумку, пошарил в ней и нашел, что искал.

Я унес Бабу к себе в комнату, положил на кровать и скотчем прилепил записку к его пузу. Затем накрыл медведя одеялом, чтобы мама не сразу его обнаружила. Записка была такая:

«Дорогая мама. Мне Бабу не нужен, но если ты по мне соскучишься, можешь сама с ним поспать. Целую, Ави».

День первый

Четыре часа в автобусе пролетели как четыре минуты. Я сидел у окна, а Джек рядом, у прохода. Перед нами сидели Джун и Майя. Настроение у всех было отличное, мы шумели и смеялись без умолку. Я сразу заметил, что Джулиана в автобусе нет, хотя Генри и Майлз тут. Я решил, что, наверное, он сел в другой автобус, но потом услышал, как Майлз говорит Амосу, что Джулиан «забил на поездку», потому что считает эти турбазы «дебилизмом». Я чуть не запрыгал от радости, потому что самое главное, что меня смущало в нашем путешествии, — это три дня рядом с Джулианом. А раз его нет, то я и правда мог вздохнуть спокойно.

Мы добрались до турбазы около полудня. Первым делом бросили в домиках вещи. В каждой комнате стояло три двухъярусные кровати, и мы с Джеком сыграли в «камень-ножницы-бумагу», чтобы решить, кто будет спать наверху, и я выиграл. Йо-хо!

А еще с нами в комнате спали Росс с Тристаном и Пабло с Нино.

Мы пообедали в столовой и отправились в двухчасовой поход по лесу. Центральный парк этому лесу и в подметки не годится. Потому что лес — настоящий. Раскидистые кроны почти не пропускают солнечный свет, внизу залежи палых листьев и поваленные деревья. Над головой птичьи крики, и щебет, и чириканье. И кругом легкий туман, похожий на бледно-голубую дымку. С ума сойти! Наш проводник показывал нам все-все-все: разные виды деревьев, мимо которых мы проходили, насекомых под корой пней, оленьи и медвежьи следы. Рассказывал, какие вокруг поют птицы и как их разглядеть. Я понял, что мои бионические уши дают фору обычным ушам, потому что я почти всегда слышал птиц первым.

Когда мы возвращались в лагерь, начался ливень. Я надел дождевик и натянул капюшон, чтобы уберечь Лобот-аппарат, но джинсы и ботинки промокли насквозь. А на остальных ребятах вообще сухой нитки не осталось. Зато было так весело! В домике мы устроили битву мокрыми носками.

Дождь зарядил надолго, и большую часть дня мы прослонулись по комнате отдыха. У них там стоял стол для пинг-понга и приставки с доисторическими играми, вроде «PacMan» и «Missile Command», и мы резались в них до ужина. Когда дождь закончился, мы развели настоящий костер. Правда, бревна, на которых можно сидеть у костра, все еще были сырыми, но мы бросили на них

куртки, а сами грелись у огня и жарили на нем зефирины и сосиски — и это было так вкусно! Мама оказалась права про комаров: они кружили вокруг нас тучами. Но, к счастью, я попрыскался, прежде чем выйти из домика, и меня не сожрали заживо, как некоторых моих одноклассников.

А как же здорово было сидеть у костра, когда стемнело! Мне нравилось, как искры взлетают в небо и исчезают в ночном воздухе. И как пламя освещает лица. И как огонь потрескивает. Лес такой темный, что ничего кругом не видно, зато наверху, в небе, — миллиард звезд. Небо тут другое, не как в Норт-Ривер-Хайтс. Похоже на небо в Монтоке: как будто кто-то высыпал соль на черный полированный стол.

Я так устал, что еле дотащился до нашего домика, и никакая засыпательная книга мне не понадобилась. Я отключился почти в тот же миг, как голова коснулась подушки. Точно не помню, но, может быть, мне снились звезды.

Полигон

И следующий день был что надо. Утром мы катались на лошадях, а днем залезали на огромные деревья — наши проводники нам помогали. Когда мы к ужину вернулись в лагерь, то опять валились с ног от усталости. После ужина нам сказали, что у нас есть час на отдых, а потом мы поедем на автобусе — недолго, минут пятнадцать — на лагерьный «полигон», где будет Ночь кино под открытым небом.

Я до сих пор не успел написать письмо маме, папе и Вие, вот я и сел за него после ужина и рассказал обо всем, что мы делали в тот день и накануне. И представлял, как буду читать им это письмо вслух, потому что раньше меня оно уж точно домой не попадет.

Мы приехали на полигон в половине восьмого, солнце только начало садиться. На траве лежали длиннющие тени, а облака светились розовым и рыжим. Как будто кто-то взял пастель и пальцами размазал ее по небу. Я, разумеется, видел красивые закаты в городе — вернее, обрывки закатов между зданиями, — но я не привык, когда вокруг столько неба, куда ни глянешь. Здесь я наконец понял, почему древние люди считали, что земля плоская, а небо — купол. Так все и выглядело, если смотреть на небо, стоя посреди большущего поля.

Мы приехали раньше остальных школ, так что успели вдоволь наноситься по полю. А потом учителя сказали, что пора занимать хорошие места. Мы расстегнули сумки и разложили спальные мешки на траве — как пледы на пикнике — перед громадным киноэкраном. Потом мы двинули к продуктовым фургонам, припаркованным на краю поля: перед началом фильма надо было загрузиться чипсами и газировкой. Там были еще и палатки, как на фермерском рынке, в которых продавались жареные орешки и сахарная вата. А рядом разбили несколько ярмарочных шатров, таких, где, например, можно выиграть плюшевую игрушку, если попадешь мячом в баскетбольную корзину. Мы с Джеком пытались что-нибудь выиграть, но безуспешно. Зато Амос, говорят, выиграл желтого бегемота и подарил его Ксимене. Это была новая парочка, и о ней последнее время все сплетничали: еще бы, качок и отличница.

Если стоять рядом с продуктовыми фургонами, видно, что примерно треть поля, а точнее все, что по ту сторону огромного экрана, засажено кукурузой. А

по эту сторону — только трава. А кругом лес. Солнце садилось все ниже и ниже, и высокие деревья на опушке были темно-синими.

Когда приехали автобусы других школ, мы уже развалились на своих спальниках прямо перед экраном: лучшие места на всем поле! Все угощали друг друга разными вкусностями, и было так здорово! Мы с Джеком, Джун, Россом и Майей играли в «Уно». Мы слышали, как приходят дети из других школ, но почти их не видели. Хотя небо было еще светлое, солнце уже скрылось: облака казались огромными теньями, а внизу, на земле, все стало фиолетовым. Мы даже карты различали с трудом, хотя держали их перед самым носом.

А потом, без всякого предупреждения, по краям поля одновременно зажглись все фонари. Как огромные прожекторы на стадионе, Я вспомнил ту сцену в «Ближних контактах третьей степени», где приземляется корабль пришельцев и звучит вот эта мелодия: та-да-дан-та-дан. Все захлопали и завопили, как будто и в самом деле на наше поле приземлились пришельцы.

Берегите природу

Из огромных колонок рядом с прожекторами загремело:

— Всем добро пожаловать! Добро пожаловать на двадцать третью Ночь кино под открытым небом! Добро пожаловать, учителя и ученики из средней школы Уильяма Хита... — Аплодисменты и вопли с левой стороны поля. — Добро пожаловать, учителя и ученики из гимназии Гловера... — Снова аплодисменты и крики, теперь справа. — И добро пожаловать, учителя и ученики из школы Бичера! — Теперь и мы захлопали и закричали во все горло. — Мы очень рады, что вы приехали к нам в гости и что погода нас не подвела. И правда, что за чудная ночь! — И опять вопли и крики, уже отовсюду. — Перед началом фильма прослушайте несколько важных объявлений. Турбаза «Брорвуд», как вы знаете, заботится о сохранении природных ресурсов и окружающей среды. Пожалуйста, не оставляйте после себя мусор. Убирайте за собой.

Берегите природу, и она будет беречь вас. Не заходите за оранжевые конусы по краям: гулять по лесу и по кукурузному полю запрещено. Пожалуйста, сведите к минимуму перемещения по территории: даже если вам не хочется смотреть кино, не мешайте другим, будьте вежливы, воздержитесь от разговоров, не включайте музыку, не бегайте. Туалеты расположены рядом с торговыми палатками. Когда закончится кино, просим вас не отходить от своих учителей и одноклассников, чтобы благополучно добраться в темноте до автобусов. Обычно как минимум один человек теряется: учителя, постарайтесь, чтобы это не был ваш подопечный! Итак, а сегодня мы будем показывать... «Звуки музыки»!

Я тут же захлопал, хотя «Звуки музыки» смотрел уже раз пять, потому что это самый любимый фильм Вии. Но море людей (не из Бичера) засвистели, заулюлюкали и загоготали. Во дают. Кто-то справа даже кинул банку газировки в экран, что, кажется, возмутило мистера Попкинса. Он встал и поглядел туда, откуда летела банка, хотя что разглядишь в такой темнотище?

Началось кино. Прожекторы погасли. Мария, послушница из монастыря, кружилась на верхушке горы. Стало холодно, и я надел желтую толстовку, которую мне купили в Монтоке, а потом настроил звук в слуховом аппарате, облокотился на рюкзак и стал смотреть.

«Холмы наполнены звуками...»

Лес наполнен звуками

В занудной части фильма, где Рольф и Лизль поют: «Тебе шестнадцать, а будет семнадцать», Джек пихнул меня в бок.

— Чувак, мне нужно в туалет.

Мы встали и пошли, лавируя между одноклассниками. Джун помахала нам, когда мы проходили мимо, и я помахал ей в ответ.

Дети из других школ толпились у продуктовых фургонов, играли в ярмарочных шатрах или просто болтались без дела.

К туалетам, естественно, тянулась длинная очередь.

— Нет уж, пошли искать дерево, — сказал Джек.

— Ну ты даешь, Джек, — ответил я. — Дерево! Давай подождем.

Но он уже направился к деревьям на опушке — за оранжевые конусы, куда нам запретили заходить. И, конечно, я пошел за ним. И, конечно, у нас не было фонариков, потому что мы их забыли. А уже совсем стемнело, и в лесу за десять шагов ничего не было видно. Спасибо хоть, отблески экрана немного помогали ориентироваться. Так что, когда из лесу нам навстречу вышли трое с фонариком, мы их узнали: это были Генри с Майлзом и Амос. Наверное, им тоже не захотелось стоять в туалетной очереди.

Майлз и Генри все еще не разговаривали с Джеком, зато Амос недавно перестал с нами воевать. Он кивнул, когда проходил мимо.

— В лес не суйтесь, там медведи! — крикнул Генри, и они с Майлзом захохотали.

Амос покачал головой, будто говоря: «Да ну их».

Мы с Джеком прошли еще немного и очутились совсем в лесу. Потом Джек выбрал идеальное дерево и наконец сделал то, ради чего пришел.

Лес переполняли странные звуки: уханье, кваканье, стрекот. Потом мы услышали громкий чпок, будто хлопнула бутылочная пробка, и это уж точно были не птицы, не лягушки и не насекомые. А издалека, как с другой планеты, доносилось: «Капли на розах, усы у котят».

— Фух, так-то лучше, — выдохнул Джек, застегивая ширинку.

— А теперь и мне надо, — сказал я и пописал на ближайшее дерево. Глубже в лес, как Джек, я идти не рискнул.

Джек подошел ко мне.

— Чувствуешь вонь? Похоже на петарды.

— О, точно. А я все не мог понять, что это за запах.

— Идем отсюда.

Чужой

Возвращались мы тем же путем, каким пришли: держали курс на огромный экран. Вот тогда мы и наткнулись на ту компанию: они, видимо, улизнули в лес от учителей. Теперь и я почувствовал запах дыма от петард и сигарет. Кто-то навел на нас фонарик. Их было шестеро: четверо мальчиков и две девочки. Судя по виду, класс седьмой.

— Вы из какой школы? — окликнули они нас.

— Из Бичера, — сказал Джек, и вдруг девочка, стоявшая к нам ближе всех, завизжала.

— Мамочки! — голосила она, прижимая ладони к глазам.

Я решил, что, наверное, ей в лицо врезался какой-нибудь огромный жук.

— Ё-моё! — заорал один из мальчиков и замахал руками перед собой, будто обжегся. — Ни фиги себе! Ни фиги ж себе!

Теперь все они смеялись, толкали друг друга и громко ругались..

— Какого черта? — сказал парень, который направлял на нас фонарь, и только тогда я осознал, что он светит прямо мне в лицо и что все эти «ё-моё» и весь этот шум — из-за меня.

— Идем отсюда, — тихонько сказал мне Джек. Он схватил меня за рукав толстовки и попятился.

— Стоять! — заорал парень с фонариком, загораживая нам дорогу. Он снова светил фонариком мне в лицо и стоял сейчас в каких-то трех шагах. — Ёлы-палы! — Он вытаращил глаза и затряс головой. — А чего это у тебя с лицом?

Вторая девочка попыталась его остановить:

— Эдди, перестань.

— Не знал, что мы сегодня смотрим «Властелина колец»! — продолжал он. — Гляньте, это ж Горлум!

Его друзья загоготали.

Мы опять попробовали уйти, но Эдди опять отрезал нам путь. Он был на голову выше Джека, а Джек почти на голову выше меня, поэтому мне этот Эдди казался великаном.

— Не, чувак, это Чужой! — хмыкнул один из его приятелей.

— Не-не-не. Орк! — рассмеялся Эдди и в очередной раз меня ослепил. Теперь он стоял совсем близко.

Джек оттолкнул его руку.

— Отстань от него!

— А ты кто такой? — Теперь Эдди светил в лицо Джеку.

— Слушай, чувак, в чем проблема? — спросил Джек.

— Твой парень, вот в чем проблема!

Я потянул Джека за руку:

— Джек, идем, не связывайся с ними.

— Батюшки, оно разговаривает! — воскликнул Эдди и снова направил фонарик на меня. Потом один из его компании кинул нам под ноги петарду.

Джек попробовал протиснуться мимо Эдди, но тот схватил Джека обеими руками за плечи и толкнул его со всей силы, так что Джек упал на спину.

— Эдди! — закричали девочки.

— Слушайте, ребята. — Я встал перед Джеком и поднял обе руки в воздух, как регулировщик дорожного движения. — Мы же намного меньше вас...

— Ты со мной говоришь, Фредди Крюгер? — ухмыльнулся Эдди. — Ты, уродец, смеешь еще что-то вякать?

Тут я понял, что надо удирать, но Джек все еще лежал на траве, а бросать его я не собирался.

— Эй, — раздался голос сзади. — Что тут у вас такое?

Эдди развернулся и посветил туда, откуда доносился голос. Сначала я даже не поверил своим глазам.

— Отстань от них, — спокойно сказал Амос, а за его спиной возвышались Майлз и Генри.

— Это еще кто? — спросил один из друзей Эдди.

— Я же сказал, отстань от них, — повторил Амос.

— А ты что, тоже урод? — сказал Эдди.

— Ага, компашка уродов! — поддакнул кто-то из его приятелей.

Амос им не ответил, он перевел взгляд на нас.

— Пошли, ребята. Мистер Попкинс нас ждет.

Я знал, что про Попкинса он соврал, но помог Джеку подняться, и мы двинули к Амосу. Когда я проходил мимо Эдди, он вдруг схватил меня за капюшон и дернул так резко, что я упал на спину и больно ударился локтем о камень. Я не успел разглядеть, что после этого произошло, видел только, как Амос набросился на Эдди, а потом они оба рухнули на землю рядом со мной.

А дальше началось такое! Кто-то потянул меня за рукав и рывком поднял на ноги, и закричал: «Бежим!», а кто-то другой орал: «Бей их!», и несколько мгновений два человека чертыхались и тянули рукава моей толстовки в разные стороны. Потом толстовка порвалась, и первый дернул меня за руку и потащил за собой. Мы удирали, и я бежал во весь дух. Я слышал, что кто-то за нами гонится, кто-то кричит, девчонки визжат, но в темноте я не понимал, где чьи голоса, и вообще мне казалось, будто мы все под водой. Мы мчались сломя голову, кругом было темно, но каждый раз, когда я замедлял ход, тот, кто держал меня за руку, орал: «Не останавливайся!»

Голоса во тьме

Мы бежали целую вечность, и наконец кто-то сказал:

— Кажется, они отстают!

— Амос?

— Я тут! — раздался голос Амоса у меня за спиной.

— Можно тормозить! — крикнул Майлз, убежавший вперед.

— Джек! — позвал я.

— Хей-хо! — откликнулся Джек. — Я здесь.

— Ничего не вижу!

— Они точно отстают? — спросил Генри, отпуская мою руку. Только тогда я понял, что это он тащил меня за собой.

— Ага.

— Тс-с-с! Давайте послушаем!

Мы затихли и прислушались. Ничего, только сверчки и лягушки, да еще наше собственное дыхание. Все запыхались, у всех колело в боку, и мы согнулись, упираясь руками в колени.

— Оторвались! — сказал Генри.

— Йо-хо! Ну и гонка!

— А где фонарик?

— Потерял!

— А как вы узнали, что мы влипли в историю? — спросил Джек.

— Мы их давно заметили.

— Сразу поняли, что они полные придурки.

— А как ты его повалил! — повернулся я к Амосу.

Он засмеялся:

— Ага, круто, да?

— Он небось думал, что у нас кишка тонка, — прогудел Майлз.

— Он тебе: «Ты что, тоже урод?» — а ты ему как врежешь! — подхватил Джек.

— Бац! — Амос ударил кулаком воздух. — Ну да, врезать-то врезал, а сам в это время думаю: «Амос, болван, беги, он в десять раз тебя здоровее!» Ну и драпанул.

Мы расхохотались.

— А я схватил Ави и кричу: «Бежим!» — вставил Генри.

— А я даже не понял, что это ты меня тащишь! — ответил я.

Амос покачал головой:

— Да, еле ноги унесли.

— Не то слово.

— Старик, у тебя из губы кровь идет.

— Да, мне хорошенько двинули пару раз. — Амос вытер губу.

— А они ведь бугаи, класса из седьмого...

— Слабаки! — что есть мочи крикнул Генри в темноту, но мы все на него зашикали.

Мы затаили дыхание и прислушались. Вроде никто нас не засек.

— Мы вообще где? — спросил Амос. — Я что-то даже экрана не вижу.

— Кажется, в кукурузном поле, — ответил Генри.

— Надо же! И как это ты догадался? — Майлз тряхнул кукурузный стебель.

— Так, я все понял, — сказал Амос. — Нам нужно идти вон туда, на другой конец поля.

— Чуваки, — сказал Джек и высоко поднял руку, — круто, что вы вернулись за нами. Правда, круто. Спасибо. Дайте пять.

— Да всегда пожалуйста, — ответил Амос и хлопнул его по ладони. А потом и Майлз с Генри тоже хлопнули.

— Спасибо. — Я поднял руку так же, как Джек, хотя не был уверен, что они станут ко мне притрагиваться.

Амос посмотрел на меня и кивнул:

— Чувачок, ты и сам держался молодцом. — И хлопнул меня по ладони.

— Ага, Ави. — Майлз тоже хлопнул меня по ладони. — Как ты их пытался образумить: «Ребята, мы же меньше вас...»

— Ну я просто не знал, что еще сказать! — рассмеялся я.

— Ты крутой. — Генри тоже хлопнул меня по ладони. — Извини, что порвал толстовку.

Я глянул вниз. Да уж. Один рукав оторван, а другой вытянулся так, что свисает до колен.

— Ой, у тебя кровь на локте, — сказал Джек.

— Бывает. — Я пожал плечами. Локоть и правда начал болеть.

— Ты в порядке? — спросил Джек, всматриваясь в мое лицо.

Я кивнул. Мне вдруг захотелось плакать, но я крепился.

— Погоди, а где твой слуховой аппарат? — воскликнул Джек.

— Что?! — Я схватился за уши. Оба наушника пропали. Так вот почему мне казалось, что мы под водой!

— Но как же... — начал я, и тут меня прорвало. Слишком много всего навалилось одновременно, я не мог больше сдерживаться и разреvelся. Я прямо заливался слезами — мама называет такой плач водопадным. Мне было стыдно, я пытался закрыть лицо руками, но слезы все текли.

Ребята и не думали надо мной издеваться. Они хлопали меня по плечу и говорили:

— Все хорошо. Все хорошо.

— Знаешь, а ты отважный чувачок! — сказал Амос.

Но я ревел и ревел, и тогда он обнял меня обеими руками, прямо как папа, и дал мне выплакаться.

Гвардейцы императора

Мы вернулись в лес, чтобы поискать мой слуховой аппарат, и минут десять шарили в траве. Но было так темно, будто всё вокруг облили черными чернилами. Нам даже пришлось держаться друг за друга и идти гуськом.

— Дохлый номер, — изрек Генри. — Он может быть где угодно.

— А если сбегать за фонариком? — сказал Амос.

— Да бросьте, все в порядке, — ответил я. — Идем лучше к нашим. Спасибо вам.

Мы долго пробирались между рядами кукурузы и наконец увидели тыльную сторону экрана. Свет на нашу сторону не попадал, первые слабые отблески появились, только когда мы дошли до лесной опушки.

Семиклассников нигде не было.

— Как думаете, куда они пошли? — спросил Джек.

— К фургонам с едой, куда же еще, — ответил Амос. — Они, наверное, думают, что мы на них пожалуемся.

— А мы пожалуемся? — поинтересовался Генри.

Все посмотрели на меня. Я помотал головой.

— Хорошо, — сказал Амос. — Но, чувачок, больше не разгуливай один. Если тебе нужно будет куда-нибудь отойти, только скажи, мы пойдем с тобой.

— Договорились, — кивнул я.

Мы приближались к экрану, и я уже слышал: «Высоко на холмах жил одинокий пастух» и чувствовал запах сахарной ваты из палаток у продуктовых фургонов. Тут слонялось много народу, поэтому, когда мы пробирались через толпу, я натянул то, что осталось от капюшона, на лицо, а руки засунул в карманы. Я давно уже не бывал на улице без слухового аппарата, поэтому чувствовал себя так, будто провалился глубоко под землю. Или как в той песне, которую пела мне Миранда: «Земля на связи. Майор Том, вы где? Прием, прием, прием...»

Амос шел со мной рядом, справа. Джек — слева. Майлз шагал впереди нас, а Генри позади. А я посередине. Будто император в окружении своих гвардейцев.

День на календаре

«Но тут лощина кончилась, и Люси поняла, откуда неслись эти звуки. Питер, Эдмунд и армия Аслана отчаянно сражались с ордой страшных чудищ, которых она видела прошлой ночью, только сейчас, при свете дня, они выглядели еще страшнее, уродливее и злобнее».

Здесь я остановился. Я читал уже больше часа, а глаза всё не слипались. Было почти два ночи. Все остальные дрыхли. Под спальником у меня горел фонарик, и, может, я не мог заснуть из-за света, но выключить его я боялся. Меня пугала темнота снаружи.

Когда мы вернулись на свои места перед экраном, никто и не заметил, что нас не было. Мистер Попкинс, мисс Рубин, Джун и все остальные смотрели кино. Они понятия не имели, что с нами — со мной и Джеком — чуть не случилась беда. Так бывает: у тебя самый кошмарный вечер в жизни, а у всех вокруг — самый обычный. Ну то есть на календаре я бы отметил сегодняшний день как один из худших в моей жизни. Почти как тот, когда умерла Дейзи. Но для всего остального мира это был самый заурядный день. Или даже хороший. Может, кто-то сегодня выиграл в лотерею.

Амос, Майлз и Генри довели нас с Джеком до наших мест рядом с Джун, Майей и Россом, а потом направились к своим — рядом с Ксименой и Саванной. Вроде бы все было как и раньше, до того как мы пошли в туалет. Такое же небо. Такое же кино. Такие же лица вокруг. И мое лицо — точно такое же.

Но что-то изменилось.

Я видел, как Амос и Майлз с Генри рассказывают своим друзьям о том, что случилось. Я знал, о чем они говорят, потому что они постоянно на меня поглядывали. Фильм еще не закончился, но все уже про него забыли и перешептывались в темноте. Подобные новости разлетаются мгновенно.

И в автобусе, когда мы возвращались на турбазу, все обсуждали то же самое. Девочки, даже не очень знакомые, спрашивали меня, как я себя чувствую. Мальчики спорили о том, из какой школы эти придурки-семиклассники и как им отомстить.

Я не собирался жаловаться учителям, но они все равно узнали. Может, из-за порванной толстовки и ссадины на локте. А может, на то они и учителя, чтобы все знать.

Когда мы приехали на турбазу, мистер Попкинс отвел меня в медпункт, и пока медсестра промывала и перевязывала мне локоть, в соседней комнате мистер Попкинс и директор турбазы разговаривали с Амосом, Джеком, Генри и Майлзом и расспрашивали, как выглядели хулиганы. Чуть позже он спросил и меня, а я сказал, что их лиц совсем не помню.

Я соврал. Их лица я видел каждый раз, когда закрывал глаза, чтобы заснуть. Искажённое ужасом лицо девочки, которая заметила меня первой. Ненавидящий взгляд парня с фонариком, этого Эдди.

Как агнец на заклание. Я помнил эти слова с тех пор, как папа произнес их тысячу лет назад, но сегодня, думаю, я наконец-то понял, что они значат.

После

Мама ждала меня перед школой вместе с другими взрослыми. Когда мы ехали домой, мистер Попкинс сказал, что позвонил моим родителям и сообщил, что на

турбазе «кое-что произошло», но что сейчас все уже в порядке. Сказал, что директор турбазы со своими сотрудниками искали слуховой аппарат утром, когда мы купались в озере, но так и не нашли. Сказал, что «Брорвуд» возместит нам стоимость аппарата. Они переживают из-за того, что случилось.

Интересно, может, это Эдди взял мои бионические уши? Как сувенир на память об орке.

Когда я вышел из автобуса, мама крепко меня обняла, но почему-то не закидала вопросами. От ее объятий было так хорошо, что я и не пытался высвободиться, как многие другие вокруг.

Водитель автобуса начал выгружать наши сумки, и я отправился искать свою, а мама беседовала с мистером Попкинсом и мисс Рубин, которые как раз к ней подошли. Когда я катил сумку обратно, многие кивали мне или хлопали по плечу — даже те, кто обычно со мной не здоровался.

— Ну что, идем? — спросила мама и взяла мою сумку. А я был не против, пусть. Вот честное слово, если бы маме вздумалось понести меня на плечах, я бы тоже не возражал.

Когда мы покидали школьный двор, мистер Попкинс быстро и крепко меня обнял, но не сказал ни слова.

Люди нас удивляют

По дороге домой мы с мамой почти не разговаривали. Когда мы подошли к нашему крыльцу, я машинально посмотрел на окно гостиной, потому что на миг забыл, что Дейзи уже нет и что она не ждет нас, стоя на диване и уперевшись передними лапами в подоконник. Из-за этого мне стало грустно. А как только мы вошли, мама уронила сумку и обняла меня, и целовала мне волосы и лицо, как будто меня вдыхала.

— Да все нормально, мам, со мной все хорошо, — улыбнулся я ей.

Она кивнула и обхватила мое лицо ладонями. Ее глаза светились.

— Знаю. Я так по тебе соскучилась, Ави.

— И я соскучился.

Было видно, что ей столько всего хочется сказать, но она себя сдерживает.

— Хочешь есть? — спросила она.

— Умираю с голода. А можно горячий сэндвич с сыром?

— Конечно. — И мама тут же начала готовить сэндвич, а я снял куртку и сел за кухонную стойку.

— А где Вия? — спросил я.

— Она приедет домой с папой. Боже, она так по тебе тосковала, Ави.

— Да? Ей бы понравилось на турбазе. Знаешь, какое кино там показывали? «Звуки музыки»!

— Обязательно ей об этом расскажи.

Я помолчал несколько минут — просто сидел, подперев голову рукой, — а потом спросил:

— Ну, так хочешь сначала о плохом или хорошем?

— Решай сам, как тебе хочется, — ответила она.

— В общем, не считая прошлого вечера, все было потрясающе, — сказал я. — То есть прямо потрясающе. И вот это как раз самое обидное. Как будто они мне всю поездку испортили.

— Нет, милый! Ты провел на турбазе сорок восемь часов, а этот ужас длился один час. Не позволяй им забирать у тебя остальные сорок семь, хорошо?

Угу, — кивнул я. — А мистер Попкинс рассказал тебе про слуховой аппарат?

— Да, он звонил утром.

— Аппарат же такой дорогой... Папа разозлился, да?

— О господи, конечно нет, Ави. Только бы с тобой все было хорошо, а остальное ерунда. И не надо думать, что эти... супостаты... испортили тебе поездку.

Я рассмеялся.

— Что? — спросила она.

— Супостаты, — поддразнил я. — Так сейчас никто не говорит!

— Хорошо, придурки. Дебилы. Дегенераты. — Она перевернула сэндвич на гриле. — «Кретинос», как сказала бы твоя бабушка. Как их ни назови, пусть только попадутся мне на улице, я им... — Она покачала головой.

— Они здоровые бугаи, мам, — улыбнулся я. — Наверное, семиклассники.

Она покачала головой:

— Семиклассники? Мистер Попкинс нам этого не сказал. Ох ты боже мой.

— А он сказал, что Джек за меня заступился? — сказал я. — И Амос — бабах! — накинулся прямо на их главаря. Они оба рухнули на землю, как в настоящей драке! Представляешь? Амосу разбили губу до крови.

Брови у мамы взлетели вверх.

— Он сказал, что была драка, но... Я просто... фух... как я счастлива, что с тобой, Амосом и Джеком все хорошо. Когда я думаю о том, что могло случиться... — Она замолчала и снова перевернула сэндвич.

— Монтокскую толстовку разодрали в клочья.

— Ну, толстовку-то можно купить, — ответила мама. Она положила сэндвич на тарелку, а тарелку поставила передо мной на стойку. — Молоко или виноградный сок?

— А можно шоколадное молоко? — сказал я, набросившись на сэндвич. — Ой, а сделай его, пожалуйста, как только ты умеешь, с пеной?

Мама налила молоко в стакан.

— погоди, и как же вы с Джеком оказались на опушке леса?

— Джеку нужно было в туалет, — промычал я с набитым ртом. Мама положила ложку шоколадного порошка в стакан и принялась быстро-быстро взбивать его венчиком. — Но у туалетов была огромная очередь, а он не хотел ждать. И мы пошли пописать в лес. — Мама подняла на меня глаза, не прекращая взбивать молоко. Я знаю, она думала, что нам не следовало так поступать. Теперь в стакане над шоколадным молоком высилась пена в пару дюймов. — Класс. Спасибо, мам.

Мама поставила передо мной стакан.

— И что случилось потом?

Я отхлебнул шоколадного молока.

— А можно мы пока не будем об этом говорить?

— Хм. Ну ладно.

— Обещаю, я расскажу всё позже, когда домой вернутся папа и Вия. Всё-всё-всё. Я просто не хочу повторять эту историю снова и снова, понимаешь?

— Конечно.

Я в два укуса расправился с сэндвичем и залпом допил шоколадное молоко.

— Ого, как ты быстро! Хочешь еще? — спросила она.

Я помотал головой и вытер рот рукой.

— Мам, а что, такие идиоты всегда на меня будут бросаться? Даже когда я вырасту?

Она ответила не сразу. Сначала поставила тарелку и стакан в раковину и залила водой.

— Ави, идиоты будут всегда, — сказала она, глядя на меня. — Но мы с папой очень верим, что в мире хороших людей больше, чем плохих, и хорошие люди друг о друге заботятся. Как Джек заботится о тебе. И Амос. И другие дети.

— О, совсем забыл: Майлз и Генри! — воскликнул я. — Они тоже меня защищали. Можешь себе представить? Они же весь год со мной воевали.

Мама провела рукой по моим волосам.

— Иногда люди нас удивляют.

— Да, бывает.

— Хочешь еще шоколадного молока?

— Нет, — сказал я. — Спасибо, мам. Если честно, я устал. Не выспался прошлой ночью.

— Иди приляг. Кстати, спасибо за Бабу.

— Прочла мою записку?

Она улыбнулась:

— Я обе ночи спала с ним. — Мама хотела еще что-то сказать, но зазвонил мобильный телефон, и она взяла трубку. И засияла — видимо, ее чем-то обрадовали.

— Ух ты, правда? Какой? — воскликнула она. — Да, он тут рядом. Собирался поспать. Хочешь поздороваться? А, ладно, увидимся через пару минут. — Она положила трубку и взволнованно обернулась ко мне. — Это папа. Они с Вией уже подходят к дому.

— Разве он не на работе? — удивился я.

— Ушел пораньше, чтобы поскорее тебя повидать, — сказала она. — Дождись его, не засыпай.

Через минуту папа и Вия вошли в дом. Я подбежал к папе, а он поднял меня, и поцеловал, и закружил.

Он не отпускал меня, пока я не сказал: «Папа, хватит». А потом была очередь Вии, и она всего меня обцеловала — как малыша.

И только когда она остановилась, я заметил белую картонную коробичку, которую они принесли.

— Что это? — спросил я.

— Открой, — улыбнулся папа, и они с мамой переглянулись, как будто знали какой-то секрет.

— Давай, Ави! — подбодрила меня Вия.

Я открыл коробку. А там — там сидел щенок, самый симпатичный щенок на свете! Черный и пушистый, с острой мордочкой, блестящими черными глазами и висячими ушами.

Бабу

Мы называли щенка Бабу, потому что, когда мама его только увидела, она сказала, что он выглядит как медвежонок. А я тогда сказал: «Давайте назовем его Бабу!», и все согласились, что это идеальное имя.

На следующий день я прогулял школу. Не потому что у меня болел локоть — а он болел, — но чтобы целый день возиться с Бабу. Мама и Вие разрешила остаться дома, и мы вдвоем то обнимали Бабу, то играли с ним. Мы сохранили все старые игрушки Дейзи и теперь достали их, чтобы посмотреть, какие ему понравятся.

Было здорово провести целый день с Вией. Как в старые добрые времена. Тогда я с нетерпением ждал, когда Вия вернется домой из школы, и она играла со мной перед тем, как сесть за уроки. А теперь мы выросли, я тоже хожу в школу, и у меня есть свои друзья, и мы очень, очень редко проводим время вдвоем.

Так что я ужасно радовался, что мы с ней вместе, что мы смеемся и играем. Думаю, ей тоже понравилось.

Большой сдвиг

Когда на следующий день я пришел в школу, я сразу заметил, что произошел большой сдвиг в том, как у нас все устроено. Монументальный сдвиг. Сейсмический. Может, даже космический. Как его ни называй, он был громадный, вот что главное. Все — не только в классе, но и в школе — слышали про стычку с семиклассниками. И внезапно я стал известен этой потасовкой, а не чем обычно. А история все раздувалась и обрастала новыми подробностями. Через два дня Амос уже вступал в кулачный бой с главным злодеем, а остальным досталось от Майлза, Генри и Джека. Наше бегство превратилось в длиннущее приключение — через кукурузный лабиринт в темную лесную чащобу. Версия Джека была, пожалуй, самой лучшей — потому что самой смешной, — но в любом варианте, кто бы его ни рассказывал, неизменными оставались две вещи: на меня напали из-за моего лица; и Джек за меня заступился, а остальные ребята — Амос, Генри и Майлз — меня спасли. И теперь, когда они меня спасли, — стали относиться ко мне по-другому. Я будто стал одним из них. Все называли меня «чувачок» — даже крутые спортсмены, которых раньше я едва знал. И большие «чуваки» жали мне руку, встречаясь со мной в коридоре.

А еще эта история изменила нашу школьную жизнь вот в чем: Джулиан оказался не у дел, зато все хотели дружить с Амосом. И Майлз с Генри ходили теперь за Амосом будто приклеенные, точь-в-точь как раньше за Джулианом. Я бы рад был добавить, что и Джулиан изменился к лучшему, но увы, ничего подобного. Он по-прежнему бросал на меня злобные взгляды. Он так и не разговаривал со мной и Джеком. Но теперь никто его не поддерживал. И нам с Джеком было на него наплевать.

Утка

Накануне последнего школьного дня мистер Попкинс вызвал меня к себе в кабинет и сказал, что тех семиклассников с турбазы отыскиали. Он зачитал кучу имен, которые ничего мне не говорили, а последнее имя в списке было «Эдвард Джонсон».

Я кивнул.

— Узнаёшь? — спросил он.

— Они звали его Эдди.

— Правильно. А вот что обнаружили в шкафчике Эдварда. — Он протянул мне то, что осталось от моего слухового аппарата. Правый наушник напрочь исчез, левый весь искорежен, а обруч согнут посередине.

— Его школа хочет знать, потребуете ли вы возмещения ущерба, — сказал мистер Попкинс.

Я посмотрел на аппарат и пожал плечами:

— Зачем? Мне все равно уже другой заказали.

— Хм. Почему бы тебе не поговорить об этом с родителями? Я попозже позвоню твоей маме и тоже с ней поговорю.

— А этих... посадят в тюрьму? — спросил я.

— Нет, в тюрьму вряд ли. Но, возможно, они попадут в суд по делам несовершеннолетних. И, возможно, извлекут из этого урок.

— Вот уж уроки этого Эдди точно не интересуют, — пошутил я.

Мистер Попкинс сел за стол.

— Ави, присядь на минутку.

Я опустил на стул напротив. На его столе все было так же, как прошлым летом: тот же зеркальный кубик Рубика, тот же глобус, парящий в воздухе. Казалось, с тех пор прошел миллион лет, не меньше.

— Не верится, что этот год закончился, а?

Он что, читает мои мысли?

— Да.

— И как он тебе, Ави? Нормально?

— Нормально, — кивнул я.

— С успеваемостью у тебя все замечательно, ты один из наших лучших учеников.

— Спасибо!

— Но я знаю, что в остальном тебе пришлось несладко, — сказал он. — Вероятно, хуже всего — в ту ночь на турбазе.

— Точно, — кивнул я. — Но там было и кое-что хорошее.

— Хорошее?

— Ну, знаете, как все за меня заступались и защищали.

— Да, это чудесно, — улыбнулся он.

— Ага.

— И Джулиан тебе, конечно, много крови попортил.

Ничего себе.

— Вы и про Джулиана знаете?

— Директор школы должен знать всё.

— У вас секретные камеры в коридорах?

— И микрофоны, — рассмеялся он.

— Серьезно?

Он снова рассмеялся:

— Нет, не серьезно.

— А-а!..

— Но учителя знают больше, чем вам кажется. Жаль, что вы с Джеком не рассказали мне про те записки в шкафчиках.

— А про записки вы откуда знаете?! — снова удивился я.

— Говорю тебе, директор должен знать *всё*.

— Ладно, записки — это ерунда, — ответил я. — Мы тоже им кое-что писали.

Он улыбнулся:

— А ты слышал, что Джулиана Албанса переводят в другую школу?

— Что?!

— Его родители считают, что школа Бичера ему не подходит, — продолжал мистер Попкинс.

— Отличная новость, — сказал я.

— Да уж. Я подумал, тебе будет интересно узнать.

Тут я заметил, что портрет-тыква, который раньше висел за его столом, исчез и теперь на том же месте был мой рисунок в рамке: «Автопортрет в виде животного», который я нарисовал для Новогоднего вернисажа.

— Это же мой рисунок!

Мистер Попкинс обернулся и хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ах да! Который месяц собираюсь тебе показать.

— Автопортрет в виде утки, — кивнул я.

— Мне он очень нравится, Ави, — сказал он. — Я как увидел этот рисунок, сразу выпросил его у учительницы рисования, чтобы повесить на стену. Надеюсь, ты не против.

— Да пожалуйста! А куда делся ваш портрет-тыква?

— Он прямо за тобой.

— А, ага.

— Я хотел спросить тебя с тех самых пор, как повесил этот рисунок на стену... — продолжал он. — Почему ты нарисовал себя в виде утки?

— Как почему? — не понял я. — Такое было задание.

— Да, но почему именно утка? Это как-то связано... э-э... с историей про утенка, который превращается в лебедя?

— Нет! — прыснул я. — Просто я думаю, что я похож на утку.

— А-а!.. — Мистер Попкинс удивленно помолчал. А потом рассмеялся: — Правда? Ха! А я-то ищу символы и метафоры. Но, оказывается, иногда утка — это просто утка!

— Ну да.

Я не очень понял, почему это его так развеселило. Он затрясся от беззвучного хохота, а отсмеявшись, сказал:

— Ну, Ави, спасибо, что поболтал со мной. Не забывай, мне действительно приятно, что ты учишься в нашей школе, и я уже жду не дождусь следующего года. — Он нагнулся через стол, и мы пожали друг другу руки. — Увидимся завтра на выпускном.

— До завтра, мистер Попкинс.

Последняя максима

Когда мы пришли на последний урок английского, вот что было написано на доске мистера Брауна:

Июньская максима мистера Брауна:

«Следуй за днем и тянись к солнцу!»^[14]

Хороших летних каникул, 5-А!

Мы провели вместе отличный год, и вы прекрасные ученики.

Пожалуйста, не забудьте прислать мне летом открытку с ВАШЕЙ личной максимой. Вы можете сочинить ее сами или взять цитату, которая для вас чем-то важна (в этом случае не забудьте указать ссылку на источник!). Жду!

Том Браун

563 Себастьян-Плейс, Найтсбридж, Нью-Йорк 11 134

За час до начала

Выпускной проводился в зале Старшей школы Бичера. От нашего дома до нее было минут пятнадцать ходьбы, не больше, но папа довез меня на машине, потому что я был в костюме и в блестящих черных туфлях — новых, еще не разношенных — и не хотел натереть ноги. Школьникам велели явиться на церемонию за час до начала, но мы приехали даже раньше, поэтому просто сидели в машине и ждали. Папа включил плеер, и сразу же заиграла наша любимая песня. Мы оба заулыбались и закачали головой в такт музыке.

Папа стал подпевать:

— «Анди в дождь на велосипеде за эскимо для тебя поедет»^[15].

— Слушай, а у меня галстук ровно повязан? — спросил я.

Он поправил мне галстук, продолжая петь:

— «А Джон купит тебе обновку, и ты пойдешь в ней на тусовку».

— А волосы не торчат?

Он улыбнулся:

— Лежат идеально. Ты отлично выглядишь, Ави.

— Вия утром намазала их гелем. — Я опустил козырек над сиденьем и погляделся в маленькое зеркало. — Не слишком блестят?

— Нет, все очень, очень круто, Ави. У тебя никогда не было такой короткой стрижки, верно?

— Ага, это я вчера постригся. Мне кажется, так я выгляжу взрослее, да?

— Определенно! — Папа улыбался, глядя на меня и кивая под музыку.

«Но мне везет больше всех, я не стану роптать, ведь я на машине и могу тебя покатасть».

— С ума сойти, Ави: ты такой взрослый, настоящий щеголь! Не верится, что ты окончил пятый класс!

— Ага, мне самому не верится, — кивнул я.

— Ты ведь только вчера пошел в школу.

— А помнишь, у меня была падаванская косичка?

— О боже, точно. — Он потер лоб ладонью.

— Ты ее ненавидел, правда же, пап?

— «Ненавидел» — может, слишком сильно сказано, но я ее определенно не любил.

— Ненавидел! Давай же, признавайся, — дразнил его я.

— Ну уж нет. — Он улыбнулся и помотал головой. — Что я ненавидел, так это твой космонавтский шлем, из которого ты не вылезал, помнишь?

— Папа! — Я уменьшил звук.

— Что?

— Ты его выкинул?!

Он наконец-то посмотрел мне в лицо и увидел, как я разозлился. Он что, совсем не понимает, как это серьезно? То есть для меня как гром среди ясного неба грянул, а он притворяется, что ничего особенного?

Папа начал оправдываться:

— Ави, эта штукавина закрывала тебе лицо, я не мог больше этого выносить.

— Папайя любил этот шлем! Он для меня много значил! Когда он потерялся, я чуть не свихнулся, ты что, не помнишь?

— Конечно помню, — ласково произнес он. — Ну, Ави, не сердись. Я просто не мог больше видеть тебя с этой штукой на голове, понимаешь? Я думал, что и тебе это пойдет на пользу. — Он пытался поймать мой взгляд, но я отворачивался.

— Пожалуйста, Ави, попробуй меня понять. — Он взял меня за подбородок и повернул к себе. — Ты носил этот шлем все время. И настоящая-пренастоящая правда вот в чем: я скучал по твоему лицу. Я знаю, что *ты* не всегда его любишь, но ты должен понять... *Я* люблю его. *Я люблю* твое лицо, Ави. Такое, какое есть. И то, что ты всегда прятал его, разбивало мне сердце.

Он глядел на меня умоляюще, как будто и впрямь очень хотел, чтобы я его понял.

— А мама знает? — спросил я.

У папы округлились глаза:

— Ты что, смеешься? Она бы меня убила!

— Она перерыла весь дом, пап, — сказал я. — Искала его целую неделю в каждом шкафу, в подвале и на чердаке, везде.

— Именно! — сказал он, кивая. — Поэтому она бы меня и убила!

Он скорчил смешную мину, а потом ахнул, будто вдруг сообразил что-то важное.

— Минутку, Ави! Обещай, что ты *никогда* не расскажешь об этом маме.

Я ухмыльнулся и потер руки, будто в предвкушении наживы:

— Посмотрим, — сказал я. — В следующем месяце выходит новая модель ХЬох, она мне необходима. А лет через шесть мне потребуется собственная машина: красный «порше» вполне подойдет, и...

Папа расхохотался. Мне нравится, когда мне удастся рассмешить папу, ведь обычно это он всех смешит.

— Боже мой, боже мой, — сказал он. — Ты действительно вырос.

Заиграла та часть песни, которую нам больше всего нравится петь, и я сделал погромче. Мы оба запели:

— «Знаю, я не красавчик, но не стану роптать, Ведь я на машине и могу тебя покатать.

Могу тебя покатать.

Могу тебя покатать.

Могу тебя поката-а-а-а-а-ать!»

Мы всегда горланим эти строчки что есть мочи, пытаюсь тянуть последнюю ноту так же долго, как парень, который ее поет, и потом всегда лопаемся от смеха. Пока мы хохотали, я заметил Джека, он шел к нашей машине. Я взялся за рюкзак, собираясь вылезти наружу.

— погоди, — сказал папа. — Скажи мне сначала: ты меня простил?

— Да, пап.

Он посмотрел на меня с благодарностью:

— Спасибо.

— Только больше так не делай. Не выбрасывай мои вещи тайком!

— Обещаю.

Я открыл дверцу и выскочил из машины.

— До скорого, пап!

Папа опустил стекло на водительском окне.

— Удачи! Увидимся по ту сторону пятого класса!

Мы ему помахали, а он завел мотор и начал отъезжать, но я подбежал к нему, и он остановился.

Я просунул голову в окошко, чтобы Джек меня не услышал.

— А вы можете меня не особо целовать после выпускного? — попросил я тихо. — Я ведь уже не младенец.

— Очень постараюсь.

— Скажешь маме?

— Не уверен, что она сможет удержаться, Ави, но я ей передам.

— Пока, дорогой папаша!

Он улыбнулся:

— Пока, сын, мой сын.

Занимайте места

Мы с Джеком вошли, вслед за какими-то шестиклассниками, в здание Старшей школы. Как тут просторно! Большие сверкающие люстры. Красные бархатные стены. Шик и красота.

Миссис Ди стояла на первом этаже, раздавая программки и командуя, кому куда идти.

— Пятиклассники по лестнице налево. Шестиклассники направо. Проходите, проходите. Доброе утро. Пятиклассники налево, шестиклассники направо...

Мы поднялись по широкой лестнице, и на всем пути были расклеены указатели. В большом зале рядами стояли складные стулья, а на них висели листочки с буквами алфавита. Все бродили по проходам, но никто не садился.

— Да ты у нас, оказывается, франт, — подколот меня Джек и дернул за галстук.

— Сам такой! — Я потянул его за галстук-бабочку.

— Дети, занимайте свои места, — сказала мисс Рубин. — Не забудьте, рассаживаемся по алфавиту!..

Но ее не особо слушали. Мы с Джеком дрались на свернутых в трубочку программках, как на мечях.

— Привет!

К нам подошла Джун. На ней было светло-розовое платье, и, кажется, она немного нарядилась.

— Ух ты, Джун, отлично выглядишь, — сказал я, потому что она действительно выглядела отлично.

— Правда? Спасибо. Ты тоже, Ави.

— Да, ничего так прикид, — произнес Джек как бы между прочим. И тут я понял, что Джек в нее влюбился.

— Я немного волнуюсь, а вы? — сказала Джун.

— Есть такое, — кивнул я.

— О нет, вы только взгляните на программу, — простонал Джек. — Мы проторчим тут весь день.

Я взглянул.

Вступительное слово Генерального директора школ им. Г. У. Бичера: д-р Гарольд Дженсен.

Речь директора Средней школы: мистер Лоуренс Попкинс.

«Свет и день»: хор.

Речь ученика пятого класса: Ксимена Ван.

Пахельбель, «Канон ре мажор»: камерный ансамбль.

Речь ученика шестого класса: Марк Антониак.

«Под давлением»^[16]: хор.

Речь учителя: мисс Дженнифер Рубин.

Вручение наград (см. на обороте).

— Один только Попкинс будет говорить два часа, — вздохнул Джек. Всем было известно, что мистер Попкинс сочиняет длинные-предлинные речи.

— А что за вручение наград? — спросил я.

— Это когда выдают медали ботаникам, — поморщился Джек. — Все медали достанутся Шарлотте и Ксимене — так было и в четвертом классе, и в третьем.

— А во втором?

— Во втором наград не бывает.

— Может, в этом году тебе тоже выдадут награду? — пошутил я.

— Только если придумают какую-нибудь антимедаль по естествознанию! — фыркнул Джек.

— Дети! Рассаживайтесь по местам! — Мисс Рубин повысила голос: видно, рассердилась, что все ее игнорируют.

— Пора. — Джун направилась к передним рядам.

— Но ты помнишь, что потом мы идем ко мне в гости, да? — крикнул я ей вслед.

— Помню!

— Если не застрянем тут до ночи, — прошептал Джек мне на ухо. — Пока, чувак!

— Пока! — ответил я.

Простая вещь

Час спустя мы сидели в огромном зале и ждали, когда мистер Попкинс начнет свою речь. Зал был даже больше, чем я себе представлял — даже больше, чем в школе Вии. Я огляделся: вот это толпа! Наверное, миллион человек. Ну ладно, может, не миллион, но очень-очень много.

Мистер Попкинс поднялся на кафедру и взял микрофон:

— Директор Дженсен, спасибо за теплые слова. Добро пожаловать, учителя и все сотрудники школы... Добрый день, мамы и папы, добрый день, бабушки и дедушки, друзья и знакомые и, конечно же, мои любимые пятиклассники и шестиклассники... Добро пожаловать на выпускную церемонию Средней школы имени Бичера!!!

Все зааплодировали.

— Каждый год мне полагается написать два обращения: одно для сегодняшней церемонии пятых и шестых классов, а другое — для церемонии седьмых и восьмых классов, которая состоится завтра. — Мистер Попкинс читал по бумажке, нацепив очки на кончик носа. — И каждый год я говорю себе: «Чего мучиться, напишу-ка я одну речь и произнесу ее дважды». Вроде не такая уж трудная задача, правда? И все же каждый год я сочиняю две разные речи, и сейчас я наконец-то понял почему. Не только потому, что семи- и восьмиклассники старше вас: у них как минимум половина средней школы позади — а у вас как минимум половина впереди. Нет, я думаю, что это связано с особенным возрастом, в котором вы сейчас находитесь. С особенным этапом вашей жизни, который, даже после двадцати лет работы в школе, все еще вызывает во мне симпатию и сочувствие. Вы находитесь на стыке. На границе между детством и всем тем, что будет позже. Это переходный возраст.

Сегодня все мы, — продолжал мистер Попкинс, сняв очки и обводя ими зал, — ваши родители, друзья и учителя, собрались здесь, чтобы отметить не только ваши достижения, но и ваши безграничные возможности.

Когда вы будете вспоминать прошедший год, я хочу, чтобы вы задумались о том, какие вы сейчас и какими были раньше. Все вы стали немного выше, немного сильнее, немного умнее... надеюсь.

Тут многие хмыкнули.

— Но лучшее мерило роста — не дюймы, на которые вы вытянулись, и не круги, которые вы можете пробежать на стадионе, и даже не годовые оценки — хотя это, несомненно, тоже важно. А то, как вы распорядились своим временем, как проводили свои дни и что сделали для других. На мой взгляд, это самое важное.

У Джеймса Барри есть замечательные строки — нет, не бойтесь, не из «Питера Пэна», я не буду мучить вас рассказами о феечках.

Снова смешки.

— Но в другой книге, которая называется «Белая птичка», Джеймс Барри пишет... — Он взял в руки небольшую книгу, лежавшую на кафедре, нашел нужную страницу и надел очки: — «Давайте введем новое правило в жизни... постараемся всегда быть чуть добрее, чем необходимо».

Мистер Попкинс поднял глаза на зал.

— Добрее, чем необходимо, — повторил он. — Прекрасная фраза, не правда ли? Добрее, чем *необходимо*. Недостаточно быть просто добрым, надо быть еще добрее. Почему я люблю эту строчку, эту мысль? Да потому что она напоминает мне о том, что в нас, в людях, заложена возможность не просто быть добрыми, но делать сознательный выбор в пользу доброты. Что это значит? Доброту ведь тоже линейкой не измеришь. И не подсчитаешь, так? Откуда мы знаем, что были добрыми? И вообще, *что такое* быть добрым?

Он снова надел очки и начал листать другую книжку.

— Я хочу поделиться с вами еще одной цитатой, — сказал он. — Из другой книги. Потерпите еще немного... А, вот она. В книге «Под присмотром часов»^[17] Кристофера Нолана главный герой — молодой человек, он тяжело болен. В одном из эпизодов ему помогает одноклассник. На наш взгляд, эта помощь вроде бы сущая ерунда. Но для больного юноши, его зовут Джозеф, это... ну, если позволите...

Он откашлялся и зачитал:

— «В мгновения, подобные этому, Джозеф узревал в людях лик Божий. Этот лик мерцал в их доброте, светился в их чуткости, проглядывал в их заботе и ласкал в их взгляде».

Он остановился и снова снял очки.

— «Мерцал в их доброте», — повторил он. — Такая простая вещь, доброта. Очень простая. Доброе слово поддержки, сказанное в нужную минуту. Дружеский поступок. Мимолетная улыбка.

Он закрыл книгу, положил ее и подался вперед.

— Дети, вот это я и хотел вам сказать. Как важно понять ценность такой простой вещи под названием доброта. Думаю, на сегодня этого достаточно. Я знаю, что знаменит своей... э-э... многоречивостью...

Тут все снова засмеялись. Да уж, что есть то есть, говорить он может до бесконечности.

— ...но я хочу, чтобы вы, мои ученики, твердо усвоили, — продолжал он, — что в будущем, которое вы сами себе создадите, возможно все. Если каждый человек в этом зале возьмет за правило стараться быть добрее, чем необходимо — где бы он ни был, что бы ни делал, — мир действительно станет лучше. И если вы будете чуть добрее, чем от вас требуется, то в один прекрасный день кто-то другой увидит в вас, в каждом из вас, лик Божий.

Он помолчал немного и улыбнулся.

— Или любого политически корректного божественного воплощения добра, в которое вы верите, — скороговоркой добавил он, чем вызвал море смеха и море аплодисментов, особенно с задних рядов, где сидели родители.

Награды

Мне понравилась речь мистера Попкинса, но скажу вам честно: за остальными речами я уже совсем не следил.

Я снова стал прислушиваться, когда мисс Рубин начала зачитывать имена отличников, потому что надо было вставать, когда тебя называли. Вот я и ждал, когда алфавитная очередь дойдет и до меня. Росс Кингсли, Майя Марковиц.

Август Пулман. Я встал. Потом, когда мисс Рубин дочитала список до конца, она попросила нас обернуться к зрителям и поклониться, и все нам хлопали.

Я понятия не имел, где в этом необъятном зале сидят мама с папой: я видел только вспышки фотоаппаратов и каких-то чужих родителей, которые махали своим детям. Тогда я представил, как и моя мама мне откуда-нибудь машет — ну и что, что я ее не вижу.

Потом мистер Попкинс вернулся на трибуну, чтобы вручить медали, и Джек оказался прав: золотую медаль «За отличие по всем предметам в 5 классе» получила Ксимена Ван. Шарлотте досталась серебряная. Шарлотте также вручили золотую медаль за музыку. Амос получил медаль «За отличие по всем видам спорта», и я ужасно радовался, потому что после турбазы считал Амоса одним из своих близких друзей. Но вот когда мистер Попкинс вызвал Джун и вручил ей медаль «За лучшие сочинения», я завопил от восторга. Услышав, что ее вызвали, Джун зажала рот рукой и пошла на сцену, а я выкрикнул: «Ура, Джун!» — громко-громко, хотя не думаю, что она меня услышала.

Теперь все получившие награды за успеваемость выстроились на сцене, и мистер Попкинс сказал зрительному залу:

— Леди и джентльмены, для меня большая честь представить вам лучших учеников школы Бичера. Поздравляю!

Я хлопал, а ученики на сцене кланялись. Я был так счастлив за Джун!

— И последнее на сегодня, — сказал мистер Попкинс, — медаль Генри Уорда Бичера, которой награждаются выдающиеся ученики, достойные подражания, но не в связи с успеваемостью по тому или иному предмету. Обычно эту медаль мы присуждаем тому, кто в течение года работал волонтером и помогал другим людям или нашей школе.

Я тут же решил, что эту медаль получит Шарлотта — в этом году она организовала сбор одежды для бедных, — и снова отвлекся. Посмотрел на часы: 10:56. Скорей бы обед!

— Генри Уорд Бичер — борец с рабством, живший в девятнадцатом веке, и страстный защитник прав человека. В честь него названа наша школа, — говорил мистер Попкинс, когда я опять включился. — На самом деле некоторые из вас могли заметить, что перед входом в здание на Хайтс-Плейс, в котором вы учитесь, прибита позолоченная табличка, а на ней выгравирована одна из самых известных цитат Бичера: «Познай себя». Это, между прочим, еще и девиз нашей школы.

Однако в этом году, пока я готовил свою речь, я наткнулся у Генри Уорда Бичера на другую фразу. И она, как мне кажется, особенно согласуется с темами, затронутыми ранее, — темами, над которыми я размышлял на протяжении всего года. Важна не просто природа доброты, но природа *твоей* доброты. Сила *твоей* дружбы. Проверка *твоего* характера. *Твое* мужество...

Тут голос у мистера Попкинса как-то странно надломился, будто у него запершило в горле и ему срочно понадобилось откашляться. И он действительно откашлялся и отпил глоток воды. Теперь я начал по-настоящему слушать, что он говорит.

— Да, не чье-то, а твое собственное мужество, — тихо повторил он, кивая и улыбаясь. Он вытянул правую руку и стал загибать пальцы. — Мужество.

Доброта. Дружба. Сила характера. Вот качества, которые определяют нашу личность и которые приводят нас при определенных обстоятельствах к величию. Медаль Генри Уорда Бичера — медаль за величие.

Но как измерить величие? Да что там, как его распознать? И снова никакая линейка нам не поможет... Но у Бичера есть ответ и на этот вопрос.

Он опять надел очки, пролистал книгу и стал читать:

— «Величие, — писал Бичер, — заключается не в том, чтобы быть сильным, а в том, чтобы правильно использовать свою силу... Велик тот, чья сила возвышает многие сердца...»

Он опять откашлялся и, помолчав несколько секунд, продолжил:

— Велик тот, чья сила возвышает многие сердца, притягивая их своим сердцем. Итак, без долгих разговоров, я счастлив вручить медаль Генри Уорда Бичера ученику, чья тихая сила возвысила многие сердца.

Август Пулман, пожалуйста, прими эту награду!

Парю

Все уже аплодировали, а до меня еще только начало доходить, что же сказал мистер Попкинс. Майя, сидевшая справа от меня, радостно вскрикнула, а Майлз, сидевший слева, хлопнул меня по спине. «Вставай, поднимайся!» — громко шептали мне все вокруг, чьи-то руки вытолкнули меня из кресла и пропихнули к проходу: «Так держать, Ави! Молодец!» Мои одноклассники хором выкрикивали мое имя: «А-ви! А-ви! А-ви!» Я оглянулся и увидел, как Джек дирижирует этим хором, высоко задрав кулак. Он улыбнулся мне и махнул, чтобы я шел дальше, а Амос крикнул, сложив руки рупором: «Йо-хо!» Потом я прошел мимо улыбающейся Джун; увидев, что я на нее смотрю, она подняла большие пальцы вверх и беззвучно сказала: «Круть!» Я рассмеялся и покачал головой, будто не мог поверить в то, что со мной происходит. Я и правда не мог в это поверить. Думаю, я улыбался. А может, сиял, не знаю. Пока я шел по проходу к сцене, все, что я видел, — это счастливые лица. И руки, которые мне хлопали. Я слышал: «Ура!», «Молодчина, Ави!» Я видел своих учителей, сидевших у прохода: мистера Брауна, и мисс Петозу, и мистера Роше, и миссис Атанаби, и медсестру Молли, и всех остальных. Они тоже что-то кричали, аплодировали и свистели.

Мне казалось, что я парю. Было так удивительно. Как будто солнце светило мне прямо в лицо и дул ветер. Когда я приблизился к сцене, то увидел, как с первого ряда мне машет мисс Рубин, а рядом с ней миссис Ди плачет навзрыд — но от радости — и улыбается. И хлопает. А когда я поднялся по ступенькам, случилось самое изумительное: все начали вставать. Первые ряды, а потом весь зал — все вдруг поднялись на ноги, и вопили, и гикали, и хлопали как сумасшедшие. Это была настоящая овация. В мою честь.

Я подошел к мистеру Попкинсу, а он пожал мою руку обеими руками и прошептал мне на ухо: «Молодец, Ави». Потом он надел мне золотую медаль на шею, прямо как олимпийскому чемпиону, и развернул меня лицом к залу. Я словно смотрел на себя в кино, словно это был не я, а кто-то другой. Как в последней сцене из четвертого эпизода «Звездных войн», когда Люку Скайуокеру, Хану Соло и Чубакке аплодируют за то, что они уничтожили Звезду

Смерти. Я стоял на сцене, а в голове у меня звучала та самая мелодия из «Звездных войн».

Я даже не очень понял, за что мне дали эту медаль. Хотя вру. Я знал, за что.

Встречаешь иногда людей, не похожих на тебя: например, тех, кто ездит в инвалидной коляске или не может говорить, — и не представляешь, как это — быть таким человеком. И я знаю, что для многих я и есть такой человек; наверное, даже для всех в этом зале.

Хотя я — это просто я. Обыкновенный ребенок.

Но если мне хотят вручить медаль за то, что я — это я, пожалуйста. Я ее возьму. Я не уничтожил Звезду Смерти и не совершил никаких других подвигов, я просто окончил пятый класс. А это нелегко, даже если с лицом у тебя все в порядке.

Можно сфотографироваться?

А потом был фуршет для пятиклассников и шестиклассников под большим белым тентом на заднем дворе школы. Все мы отыскивали своих родителей, и я был совсем не против, когда мама и папа обнимали меня так, что кости трещали, или когда Вия схватила меня и долго кружила. Потом меня обняли Ба и Де, тетя Кейт и дядя По, и дядя Бен — и у всех были влажные глаза и мокрые щеки. Но смешнее всех была Миранда: она ревела и сжимала меня так крепко, что Вие пришлось ее оттаскивать, и в конце концов они обе расхохотались.

Все достали свои «мыльницы» и принялись меня фотографировать, а затем папа привел Джун и Джека, чтобы снять нас вместе. Мы обняли друг друга за плечи и впервые, сколько себя помню, я даже не думал о своем лице: стоял и расплывался в улыбке перед многочисленными камерами. Вспых-вспых, щелк-щелк: улыбаюсь и маме Джун, и родителям Джека, которые тоже защелкали фотоаппаратами.

Потом пришли Росс и Майя. Вспых-вспых, щелк-щелк. А затем появилась Шарлотта и спросила, можно ли с нами сфотографироваться, и мы ответили: «Конечно, само собой!» И родители Шарлотты снимали нашу компанию, и родители остальных тоже.

К нам подтянулись оба Макса, и Генри с Майлзом, и Саванна. И Амос с Ксименой. Мы сгрудились тесно-претесно, а родители всё щелкали, будто мы какие-нибудь лауреаты, которые только что получили страшно почетную премию. Майкл. Габриэль. Нино. Пабло. Тристан. Элли. Я уже потерял счет, сколько к нам подошло народу. Ну и ладно — пришли почти все, и мы смеялись и жались друг к другу, и никому не мешало мое лицо. И мне даже кажется — хоть и нехорошо хвастаться, — что все хотели стоять ко мне поближе.

Домой

Мы отправились к нам в гости съесть по куску торта и по мороженому. Джек с родителями и младшим братом Джейми. Джун со своей мамой. Дядя По и тетя Кейт. Дядя Бен, Ба и Де. Джастин с Вией и Миранда. Мама и папа.

Был один из тех прекрасных июньских дней, когда небо голубое-преголубое, солнце сияет, но жары нет и все твои мысли не заняты мечтами о пляже. Одним

словом, идеальный. Все были счастливы. Мне все еще казалось, что я парю, и в голове у меня звучала героическая музыка из «Звездных войн».

Я шел по Эймсфорт-авеню с Джун и Джеком, и мы хохотали до упаду и не могли остановиться. Нас веселило абсолютно все. Про такое настроение говорят: смешинка в рот попала — стоит кому-то на тебя посмотреть, и ты уже покатываешься со смеху.

Я услышал впереди папин голос и поднял глаза. Папа рассказывал анекдоты: правильно мама говорит, ему нужно было в цирк идти работать.

Я заметил, что мамы со взрослыми нет, и обернулся. Она немного от нас отстала. Шла и улыбалась, будто думала о чем-то приятном.

Я тоже приотстал от своих и обнял ее на ходу. Мама удивилась, но положила руку мне на плечо и легонько его сжала.

— Спасибо, что отправила меня в школу, — тихо сказал я.

Она притянула меня к себе и поцеловала в макушку.

— Тебе спасибо, Ави.

— За что?

— За все, что ты нам дал. За то, что появился в нашей жизни. За то, что ты — это ты.

Она нагнулась и прошептала мне на ухо:

— Ты настоящее чудо, Ави. Ты — чудо.

КОНЕЦ